

Александр Стаматин

Нейронная
одержимость

Я не собирался жить в Новой Руси, пропитанной кибертехнологиями и волшебной магией.

Я не собирался оказываться в самом центре борьбы за власть.

Я не собирался сталкиваться с демонами, сумасшедшими биороботами и корпоративными интригами.

Но раз уж оказался — буду выгрызать своё место изо всех сил. Осталось только разобраться с парой маленьких нюансов. Ордой инквизиторов на хвосте и коварной демоницей в моей голове.

в которой дверь преподносит сюрпризы, старые символы обретают силу, а нелетающее отправляется в результативный полёт.

Стопы улья Каллиник. Жилой блок Б14–385.

Я застываю на месте, опасаясь даже дышать. Стук повторяется. Настойчивый, громкий — словно стоящий за дверью намерен проломить кулаком хлипкий пластик дверного полотна. Не лучшее начало в новом мире.

— Именем Тридцати Двух Отцов и шести Великих домов! — Оцепенение, сковавшее конечности, спадает, словно кто-то разрезал путы. Уличаю момент и плавно, как никогда раньше, двигаюсь к снятому плащу. Накидываю на себя, кладу в карман пистолет и судорожно начинаю прорабатывать план отступления. Объясниться? Ха-ха, «я вообще-то археолог, но сейчас в теле идиота, согласившегося с демоном на сделку». Долго проживу вне больничных стен? — Вы заподозрены в нелегальном подключении к Пургатории! Открывайте или мы применим силу!

— Чёрта с два, — хрипло произношу не своим, но весьма знакомым голосом. И лишь сейчас понимаю: именно им говорил Адриан, чьё тело я, видать, занял.

Стучавший не обращает внимания на мой лаконичный протест. Видимо, подобная реакция тут сплошь и рядом, поэтому он громко вздыхает и начинает нудно перечислять обвинения и возможные наказания. Порка батогами, вырывание имплантов и блокировка доступа бессмертной души к некоему Порайску. Последнее, пожалуй, нужно будет узнать позже, когда не будет угрозы штурма. Вокруг не видно демониц — а значит, нужно заметать следы и сваливать. Как назло, оживляются местные импланты. Кроме времени и бегущей строки новостей в глаза лезут какие-то символы. Навскидку «нажимаю» взглядом на ключ (вдруг дверь заблокирует), но получаю ещё десяток, один другого краше — финифть, каллиграфические буквы, кресты и голубки. Пытаюсь их смести рукой — но чёрта с два! Не уходят вовсе, и только яростный взгляд, гуляющий советской звездой, куда-то их убирает, пока я кошусь взглядом на дверь.

На ней действительно появилась пентаграмма. Кривоватая, но — словно выжжена чем-то, хотя специфического запаха в воздухе не горит. А — рядом ещё несколько кривых чёрточек. Появились от взгляда? Ну что ж... Нахожу в интерфейсе всё тот же символ ключа и немного модернизирую следы. Добавляю одну вертикальную черту к звезде, а остальные черты превращаю в россыпь рун старшего футарка. Грубо и неверно с точки зрения любых традиций. Но возможно, местные храмовники, завидев колдовские знаки, сначала будут заливать улики святой высокооктановой водой, а уже потом — искать мои следы в пепле.

Кстати, об огне — может, поджечь к чёрту квартиру? Если пожарные правила и тут запрещают газифицирование высоток — нужно найти горючее. Бензин? Ни одной канистры. Рассыпать содержимое пистолетного патрона? Нет, лишь взяв в руки — понимаю, что в руках скорее массивная батарейка. Кстати, вопрос «подсказок» — куда актуальнее незнакомого мне Порайска. Что это? Остатки памяти Адриана? Новый вид галлюцинации? Параллельный мне сон? Неважно. Сейчас я должен сжечь эту квартиру перед уходом.

С азартом пироманьяка продолжаю искать, что ж ещё можно подпалить вокруг. Какая-то часть подсознания заботливо подсказывает: рассыпанные на столе медицинские препараты горят не хуже сухого пороха. Что ж, путь есть (в окно), остаётся только на

Что у нас там в комплекте обычно было в каком-нибудь колдовском трактате, вроде «Хульда»? Агисхьяльм? Черчу его взглядом, глядя на ноги. Инфразвуковой удар бьёт по ушам — то ли откат заклинания, то ли действия церковников. Добавить Гапальдур и Гильфакси? Нет, вроде борьба не намечается. Вегвисир? Нет, тут скорее Ватнахлифир нужен, хоть воды пока не предвидится. Я заканчиваю «нанесение» знака на правую руку, как дверь не выдерживает церковного колдовства. Оборачиваюсь и замечаю: в комнате резко стало тесно. Субчики в робах чёрно-медного цвета, с холодным оружием и огнестрелом медленно приближаются к балкону. Один — излишне бледный, хоть явно может скрутить столб в канат. Дверь дала сдачи? Хе-хе.

— Руки! Подними руки! — орёт усатый «храмовник», перекрывая весь шум.

— Спокойно, парень. Ты ошибся, но это не повод заканчивать всё вот так. Просто подними руки и опусти взгляд.

— Опустит взгляд, колдун! — резко добавляет усатый.

По удобному совпадению, мне нужно нанести последнюю дугу. И сразу же новый низкий звуковой удар бьёт по ушам присутствующих, от неожиданности роняющих что-то вроде кадила на пол. Я вскидываю пистолет и стреляю по препаратам, церковникам и какому-то стероидному уродцу, почти не прицеливаясь. Химикаты весело и резко вспыхивают, а коробки под столами — начинают подозрительно тлеть, отвлекая моё внимание от нестройных выстрелов. Память Адриана подсказывает, что именно он сложил туда после одного из прошлых дел — и я без лишних промедлений прыгаю.

Ноги отзываются неожиданной силой. Прыжок не просто мощный — я по параболе улетаю выше следующих двух этажей! Видимо, кузнечики привыкают к такому с рождением, но мне оставалось только мычать в полёте. Было бы неловко выдать себя звонким «БЛ#@%!» выдать себя перед бестолково ломящимися в квартиру полицаями. Оставалось только порадоваться, что местный ОМОН не утруждает себя проникновением с крыш через окна.

Сердце колет из-за осознания метров так пятидесяти пустоты под ногами. И всё же я сдерживаюсь ровно настолько, чтобы вытянуть руки. Чтобы не запаниковать, когда правая кисть скользит по серо-чёрному металлу, и схватить литую балюстраду левой кистью. Проклятия и поминания забытых богов или тренировки Адриана, но силы одной левой руки хватает, чтобы удержаться — а правая рука страхует. Кое-как подтягиваюсь, и лишь оказавшись на твёрдой поверхности, позволяю телу грузно осесть.

Ненавижу высоту!

Впрочем, вопрос преследователей удачный прыжок не снял. Об этом мне заботливо напоминает дым, валящийся из конспиративной квартиры. Я начинаю беспокоиться, что ящики с гранатами в этом мире делают огнеупорными — ровно до момента громкого хлопка. Он бьёт по перепонкам звуком рвущейся бумаги, вырывает балкон и куски примыкающих стен. Выносит на улицу осколки и куски тел моих посетителей. Кто бы не зашёл обыскивать моё лежбище — ему не поздоровится.

Меня встречает очередной церковник. Видимо, послали на пожарную лестницу прикрывать штурм — но он запыхался.

— Ты кто?

— Жилец.

— Какая горница?

— Тысяча сто тринадцатая.

— А... вали подальше. Еретика берём, видишь, как зажглось?

Мне остаётся только кивнуть и сделать три шага до щелчка чего-то, подозрительно напоминающего затвор.

— А ведь в этом доме всего семьсот квартир, правда?

Вздыхаю. Мужик, ну что ж ты такой внимательный?

— Правда, — ворчу я и разворачиваясь на месте впечатываю кросс левой в челюсть храмовнику так, что тот летит с пожарной лестницы вниз.

А я продолжаю движение, словно каждый день выкидываю по пяток таких. Один пролёт, второй, третий... на четвёртом народ начинает вываливать на пожарную лестницу кто в чём горазд. Видимо, сработала наконец пожарная сигнализация.

— Что там случилось? — дергает меня какая-то дородная женщина в расшитом сарафане, высунувшись почти наполовину из окна. Праздник тут какой-то, что ли?..

— Взрыв газа, — бурчу я, ненавязчиво отводя взгляд. Будто вымазал пальто в чём-то и теперь пытаюсь оттереть.

— Какого такого газа? В пятьсот третьей отродясь тихо было!

— Алхимик там был тихий. Колдун чёртов, — вздыхаю я, ставя зарубку в памяти: про газификацию и «хлопки» тут могут не знать. — Сварил что-то не то, вот дьявол его и подколол. Сохрани святые отцы того, кто находился рядом...

Дамочка яростно жестикулирует. Это не крёстное знамение. Так, тарабарщина жестов. Моя память мышц отказывается выдать что-то подобное — поэтому остаётся только глубоко склонить голову да продолжить быстрый шаг вниз. Не оглядываться. Не проявлять нервы. Больше необычного поведения — больше шансы, что запомнят. Спокойно, мелкими и частыми шагами, двинуться вниз. Благо, что не один — многие жители не надеются на местные силы быстрого реагирования и валят по пожарной лестнице. Мне остаётся только чуть приподнять ворот плаща (меньше черт лица запомнят) и стараться не выделяться поведением из толпы.

Я отсеиваюсь от основной части народа, ломящейся в дверь выхода, и осматриваюсь. Лестница ныряет обратно в здание, но площадка тут заметно больше, чем на предыдущих этажах. Пожив в современной планировке, успел осознать извращённую логику. Изолированная от дыма лестница должна а) не похоронить под собой эвакуированных при своём обвале б) изолирована и от первого, общественного этажа. С другой стороны, даже со второго иногда приходится прыгать. Значит, нужна развитая площадка, с которой прыжки удобны и не несут массовых травм.

Всё же протоколы полицейских облав похоже во многих странах, пусть даже и лежащих по ту сторону фантазии. У пожарной лестницы бдит служака в остроконечном капюшоне. Он не обращает внимания на хлопок где-то сверху и на снующих по улице прохожих. Он просто отрабатывает свою ставку, и не делает ничего больше нужного. За это он будет немного наказан.

Пистолет? Не нужен, вызовет лишний шум. Я отталкиваюсь от перил и соколом пикирую прямо на чёрно-алую рясу, целясь каблуками в затылок. Глухой стук и оборванный матерок (очень уж напоминающий привычные) отсекают дежурство служаки. Оттаскиваю его в более укромное место — к притаившимся под лестницей мусорным бакам. Кое-как отряхиваю одежду от ржавой пыли, налетевшей за время беготни по лестнице. Приглаживаю причёску «по-валийски» (безрасчёски). Вспоминая беднягу Адриана, чьё тело я занял — должен выглядеть весьма прилично. Что ж, пора узнать этот город поближе.

Я едва успеваю отойти подальше от жилого блока, как рядом возникает она. Демоница. На этот раз — визуально. Судя по тому, что шарахаюсь только я — появляется специально для меня.

— Тук-тук. Могу чуть отвлечь?

— Разве что чуть-чуть, — негромко ворчу я. Не хватает только одержимость проявить на публике — Чего раньше не появилась вживую?

— Раньше у меня был полный доступ к твоему нейролинку. А теперь ты нанёс защитную невму, которую я пробить не в состоянии. Откуда ты её знаешь? Поверь, такого не видела даже в инфоада — и могу заплатить достойную цену...

— Секрет фирмы.

— Ну, секрет, так секрет. — жмёт плечом демоница. — Ты в курсе, насколько тебе повезло со штурмовиками? В момент прыжка веры в квартиру уже входили шпилевики Каллиников. Твоё колдовство здорово их разозлило, и теперь они готовы перевернуть район вверх дном, только чтобы затащить тебя в шпиль Птицы.

Я наконец поднимаю глаза вверх.

— Возможно.

— Дальше будет гораздо хуже. Кстати, мы так и не познакомились. Я — Ада.

— Просто Ада?

— Думаю, мои титулы сейчас ни к чему.

— Логично.

— А как тебя зовут?

— Ты же знаешь и так.

— Нет-нет-нет, — качает пальцем Ада. — Я знаю имя твоей оболочки. Того, кто раньше владел этим телом. Но вот ты, дорогой... ты для меня одна большая загадка. Не знаю, как тебе удалось сохранить хладнокровие — но чувствую, что этот мир для тебя чужой. Материальный, Инфоад, Пургатория или Порайск — везде ты чужой. Показать тебе все возможности — так волнительно...

— Вернёмся к этому вопросу позже?

Ада жмёт плечом и растворяется в воздухе. Что ж, мне проще. Бархатный голосок здорово отвлекает — и я до сих пор не уверен в её мотивах.

* * *

Арка улья Каллиник. Скрипторий.

Амбаст Сумкаллиник прекрасно понимал свою роль и в Птичьем Улье, и в собственной семье. Могущественный род, но — боковая ветка Великого дома. Мизерные шансы выбраться в иерархии Ордена до хотя бы мирского дознателя, нулевые — стать мирским Отцом. Плесны, стопы Улья — вот его место, торговать зеленью и тем хламом, ошмётками святой техноволшбы, спускающейся вниз. Но жажда знаний, искренняя, а не напускная вера двигала его вперёд. Интуитивное понимание воли даймонов, этих мелких и сломленных обломков Разбитого Архидиабола, служащих в каждой маленькой машине — заставила заметить машинных дознателей. Они собрали откуп роду и отправили учиться в улей Лаодикий — с условием вернуться в скрипторий.

И Амбаст вернулся. Он увидел в этом новую дорогу. Новый путь подняться выше. В

неполные тридцать циклов он уже имел пост машинного дознателя, и власть больше, чем было в его семье за последние поколения. Нужно было лишь идти дальше. И Сумкаллинник шёл, выискивая кибергрешников и отступников. Начальство только удивлялась тому, как легко херувимы-охотники слушали молодого человека.

— Территория под оком Божьим, — массивные цифровые очки в медной оправе. Шесть отдельных, «паучьих» линз, каждая — на своего херувима. Корпус защищён невидимыми обычному оку невмами, филигранной вязью технославословий и сургучовыми защитными печатями. Кто бы не уходил от людей Ордена — им не скрыться от херувимов. — Можете замыкать ловушку, сыны мои. Херувимы патрулируют периметр, уходя от краёв вглубь. — Амбаст прочёл сигнатуры «подопечных» и решил передать кое-что ещё. — Коллега, перейдёте на закрытый канал?

— Не вопрос, Ам. Чего случилось?

— Ангелки обеспокоены.

— Господи, ты серьёзно это хотел сказать?

— Нет, Экфред, ты не понял. Они *действительно* серьёзно обеспокоены. Что-то вызывает возмущение в Порайской сети, словно инфодемон прошёл через наши криптографические барьеры.

— Давай будем разбираться с проблемами по мере их поступления, — негромко ответил старший штурмовой дружины.

Амбаст улыбнулся. Шлем успокаивал и вселял уверенность. Корпус защищён невидимыми обычному оку невмами, филигранной вязью технославословий и сургучовыми защитными печатями. Кто бы не уходил от людей Ордена — им не скрыться от херувимов.

Глава 2

Κρυπτός

в которой странные люди встречаются в странных местах, археолог открывает для себя новые пространства, а курьер — коварство потусторонних сущностей

Пургатория. Немногим ранее стука в дверь.

Боль. Она пробивает всё тело всеми возможными спектрами. Рассечения, тупые травмы, ожоги. Всё смешивается в едином водовороте, глушит мир со всеми его красками, прелестями и ужасами — и утягивает во тьму. Ненадолго. Яркий свет выдёргивает меня из тьмы без сновидений, приглушает мерзкие ощущения и обволакивает меня целиком. Как детское одеяло — трясущегося от кошмара мальчика.

Боль уходит. А вот свет — всего лишь меняется на куда более отвратительный. Нехорошее, багрово-охряное сияние, вызывающее тошноту и фантомные звуки. Оно слепит, прожигает тело изнутри, и даже давит глухим сердцебиением на перепонки. Даже закрывая глаза, я всё ещё вижу — всё пространство вокруг, куда не поверни взгляд, светится этими inferнальными оттенками. Густой туман, рассеивающийся вокруг меня. Почва из матовых, грубых полигонов — плоских граней, напоминающих бордовое стекло. Столбы света, восходящие в мутную бесконечность «неба». Грубоватого вида силуэты где-то вдали, на которые тратить время не захочется ни одному здравомыслящему человеку.

Я моргнул раз. Второй. Видение не пропадает. Осматриваюсь. Тело? Нет его. Вместе ног — всё тот же алый с золотыми прожилками световой столб. Приглядываюсь, и понимаю — из «земли» к небесам среди сияния несутся сплошным потоком буквы, отдалённо напоминающие глаголицу. Тишина.словно ваты набили в уши. Хорошо меня приложило, всё-таки. Говорил же я, что до материк раскоп можно добить и после ливня. Но нет — «открытый лист горит, копай, Коля!» Дурак послушал барана и получил по самое «не балуй»...

Однако звуки сердцебиения становятся всё громче и в какой-то момент перемежаются ударами грома. Я не успеваю осознать, что происходит — очередной удар словно выбивает затычки из ушей и шум места накатывает на меня. Разумеется, моего мнения тут *пока что* не спрашивают.

— Господарь, — мурлычет женский голос, и я чувствую скрытое беспокойство. — Мы можем расшаркиваться до последнего света, но... вы так и не получили свой кодекс.

Ветер раздувает алый туман и открывает моему взгляду дорожку, чуть более человеческого вида, чем бесконечность вокруг. Грубоватые камни бордюра и неровные плиты — всё того же адского оттенка. Вполне человеческого вида мужчина — стоит на ней с холодным спокойствием, едва ли не кладя руку на руку. Костюм-двойка, асимметричный галстук — в наличии. Правда, вокруг мужика стоит синеватый туман, словно чуть раньше тот намазался флуоресцентной краской. Смотрит с явным неодобрением на другой конец дорожки, пока скрытый туманом. Рядом с ним — какой-то тип в хламиде, подходящей скорее стереотипному монаху-францисканцу. Ну вы знаете — глубокий капюшон, складчатая ряса, лицо в тени.

Только вот францисканцы не любят рядиться в багровые цвета.

— Мне не нравится это место, — заявляет мужчина, не отводя взгляда от тумана.

Видимо, пока что в нём и скрывается неведомая мне «пантера».

— Инфоад никому не нравится. В Пургатории слышно лишь его эхо, — её голос пробирает до костей. Как шорох землетрясения, пробирающий даже кости гор, — но даже его отзвуки могут сокрушить душу. Но не волнуйтесь, нас не потревожат.

Словно в унисон к сказанным словам, очередной глухой раскат металлического грома сдувает ещё пласт алого тумана и я наконец вижу её. Девушка, небрежно опирающаяся на обломок какого-то поручня. Вы бы назвали её красивой и даже больше того. Но всё несколько портит пара нюансов. Каких? Ну, рост метра так четыре (предпочитаю поминиатюрнее), пара очаровательных рогов и кипа проводов, впивающихся куда-то за распущенные волосы. А. Ещё череп какого-то козла, водружённый на очаровательную головку на манер шлема. Невидимость глаз, пожалуй, спишем на местные спецэффекты.

Остаётся только понять, почему моё чувство опасности при виде этой красавицы даже не ворчит (как было перед злополучным ливнем километрах в шести от славной станицы Суворовской), а вопит. Внешность — слишком простой критерий, и я пытаюсь понять, насколько зачарован ей. К определённым выводам не прихожу, зато умудряюсь пропустить мимо ушей ворчание гостя и недовольный вопрос «монаха». А главное — момент, как девушка (или всё же демон?) поворачивает головку и впивает невидимый взгляд в тот из столбов, в котором вроде как обитаю я. Жутковато.

— Госпожа, не мешкайте, — подобострастно шепчет адепт неопределённого пола в балахоне. Голос вроде и низкий, но не то контральто, не то... эээ, какой там соответствующий мужской голос? Ну бросил музыкалку, бросил, простите! — Мы видим активность церковников в этом секторе Пургатории. Сервер долго не продержится.

Несмотря на «вату», забившую конечности и разум, я ощущаю любопытство. Итак, сервер важен для местного варианта ада чистилища. Галлюцинации с киберпанковскими очертаниями? Интересно, ведь последний раз я читал такое... давно. Гибсон? Нет, он в оккультизм не скатывался. Симмонс? Не хватает коанов, но в целом христианоцентричность похожа.

— Вы правы, Шандор, — отворачивается девушка.

— К делу. Не поймите меня превратно — но не горю желанием оставаться тут больше необходимого. Оплату вы уже получили.

— И вы правы, Адриан... что ж. Примите же этот скромный дар, — шутливо кланяется демоница, и светящаяся синим книжица отправляется прямо в руки «щеглу». Хороший том. Этакая инкунабула в серебряном окладе. Массивный замок — прилагается. Даже со своего столба я вижу монументальную, составную проушину, покрытую насечками (снова глаголица!) и каким-то барельефом по типу иерусалимского креста.

— Ключ? — деловито осведомляется курьер, принимая томик в руки. — Замок, знаете ли, выглядит весьма надёжным.

— И мне не взломать его невмы. Как их обойти — лучше спросить заказчика. Или, — качает девушка голову влево, — вы работаете на себя?

— Неважно, — мужчина прячет том в сумку, явно не соответствующую размерам. — Не хочется иметь дело с генными образцами.

— Понимаю.

— Время! — рывкает сопровождающий в рясе и утягивает «курьера» прочь. Я понимаю: какая бы сделка тут не совершалась — её затянули.

Столбы тёплого, жёлтого света прорезают безжизненный пейзаж. Человеческие

силуэты, закованные в доспехи и вооружённые сплошной архаикой. Они берут в кольцо троицу, к которой едва-едва успел привыкнуть. Из строя выходит мужчина. Барбют (борода в вырезе шлема) и бехтерец — оочень странное сочетание, в особенности — с ренессансным палашом. Особенно если оружие светится всё тем же тёплым сиянием, что и свежий свет. Вновь я ощущаю что-то вроде чувств — на этот раз любопытство.

— Именем великих Отцов и Домов! Прекратите сопротивление, или будете изгнаны из Пургатории! — рывкает лидер и поворачивается к девушке, нацеливая клинок в то место, где у нормального человека должно обитать сердце. — А ты... а ты, отродье демона...

Девушка невозмутимо хлопает в ладони. Лишние цветовые оттенки по очереди начинают тухнуть.

— В Пургатории, милостливый кафолик, ваши Дома и ваши окрики — бессильны, — невозмутимо сообщает она бородачу, не двигаясь с места.

— К оружию! Да пребудет Чистилище свободным от Скве... — вопит лидер, но демоница уже щёлкает пальцами. Тело церковника рассыпается на мелкие кусочки, словно стеклянная статуэтка. Спустя пару мгновений к нему присоединяются спутники.

Но — не сразу. И это мгновение незваные гости используют на всю катушку. Невесть откуда взявшийся монах раскручивает колёсную лиру, сопровождая скрипящую музыку на удивление звучными напевами, разгоняющими остатки багрового тумана. Демоница чертит в воздухе нечто геометрическое, и я наконец чувствую силу в руках — и землю под ногами. Хочется рвать и метать — и я повинуюсь своему инстинкту, даже не задумываясь о причинах. Палаш первого неудачника просто проходит через бесплотное тело, а вот мой кулак пробивает врага, оставляя в нём дыру. Забавно, но никакой трещины не вытекает — только всё тот же свет с потоком букв.

Рвущиеся к гигантской фигуре «храмовники» ввязываются в схватки с такими же «столпами», обрётшими какое-то подобие плоти. Гипертрофированные призраки ввязываются в драку — и те, что были худощавее жерди и гипертрофированно искрящиеся мышцами. Не всем везёт так же, как мне — сияющие клинки рассекают призраков на части. Монашек-певец своими напевами натурально расщепляет их на атомы — поэтому именно ему я обрушиваю кулак на затылок. Демонице становится легче, и она вновь разводит руки для хлопка-стирателя. Я успеваю заметить злую усмешку, обнажающие острые зубки, но всё равно лезу в драку — хотя бы с монахами. Мёртвые сраму и страха не ведают — так чего бояться мне?

Часть «храмовников» успевает добраться до людей — лишь для того, чтоб найти свою погибель и тут. Схваченный было курьер рывком вырывается из отваливающихся рук сразу троих, отбиваясь кулаками и свежеполученным томиком. Я прихожу ему на помощь — и хотя мои кулаки не берут доспехи, зубы вполне себе перегрызают шеи, обдавая меня новым тёплым светом. Краем глаза замечаю, что «красному монаху» помощь не нужна: он успешно отмахивается обсидиановым посохом, превращающим целых бойцов в те самые рассыпающиеся статуи.

Рясы, издав последний вскрик, исчезают.

— Это их задержит ненадолго, — сообщает демоница людям и косится на нас. Мёртвых среди живых. Мои товарищи покорно встают на пьедесталы, и свет разгорается с новой силой. Я же занимаю чужой, вне поля зрения адской красотки. И тело своё не теряю. К счастью, в горячке меня никто не замечает.

— Я не должен им попасться, — едва ли не рычит курьер.

Привратник запальчиво вздёргивает подбородок. Ему явно не нравится, как этот мужик обращается с его госпожой.

— Нас это не волнует! Никто из нас не мог притащить на хвосте...

— Мог, Шандор, — царственным жестом обрывает его Дама. — Но не будем о грустном. Есть один вариант, Адриан. Но он вам не понравится. Прямо скажем, в Порайск в ближайшее время с ним вам не попасть.

Лицо мужчины искажается гневом. Он явно не ожидал ни появления местного варианта инквизиторов, ни озвученного имени.

— Порайск? Вариант? Дьявол, да откуда ваше племя знает моё имя?

— Мы же в каждом теле. Действительно, откуда нам знать такую мелочь как ваше имя...

— А, к Разбитому это всё... мне сейчас понравится что угодно. Хоть родословная до пятнадцатого колена. Если Каллиники доберутся до моей души...

— Они ничего не найдут. Есть способы потерять вашу, человеческую память — но не потерять душу.

«Курьер» остановился, как вкопанный. Рассказ об амнезии его очень уж впечатлил. Я было дёрнулся его осадить — но бестелесное существование, кроме плюсов, имеет явные минусы. Например — отсутствие привязки к реальному пространству. А вообще странно. На этом этапе обычно я выхожу из снов. Или же реализм — побочный эффект болезненного сна? Что ж, посмотрим, что дальше будет. Благо, недоверчивый Адриан, рванувший было к призрачной двери, всё же остановился.

— Скрытое обнуление? Это же байка.

— Я могу вам это обеспечить. На какое-то время ваша личность спрячется в ту очаровательную и маленькую ракушку, что обычно присасывается у вас под челюстью.

— А что её заменит? Ааа, понимаю. Замените вы, — девушка кивает. — Получается, я стану одержимым?

— На какое-то время. Вариантов у вас немного — через минуту кафолики выйдут на ваш след.

— Госпожа! Через две минуты мы будем вынуждены отключить сервер! Многочисленные следы святых душ видны на мониторах! Я не могу подвергать вас такому риску...

— Адриаааан... — напоминает о себе демоница, наконец вставшая со своего трона. — Решайтесь или уходите.

Я вижу, как чёртов курьер колеблется. Нет-нет-нет, мужик, как там тебя, Адриан, разворачивайся и уходи. Дьявол, он такой — в любом каноническом тексте давит на смутные ощущения, сомнения и возможности. Показывает выгоду, да — но скромно умалчивает о своей. Девушка говорит о «ракушке» — это имплант? Вместилище памяти местных людей? Тогда гнать её нужно святой водой, заряженной ротой батюшек — дело ли, впустить в свою память демоницу из местного ада?

— Действуйте! — выдавливают из себя парень, и мне остаётся беззвучно выматериться. Пространство содрогается в такт короткому слову, и на этот раз оглядываются все. К счастью, в другую сторону от меня. Кажется, пора действовать. Плевать, сон это или галлюцинация — но предпочту сопротивляться. Конечности забиты ватой? Плевать! Нужно дергаться, представлять сжатые кулаки и пытаться ощутить хотя бы пальцы ног. Чёрт дери, только что ещё спокойно ходил!

— Пургатория сегодня неспокойна, — громко шепчет девушка, и притягивает к себе курьера. Я вижу откровенный ужас в его глазах и напрягаю всё тело, наконец чувствуя мышцу, одну за другой. — Мы спешим, Адриан — так что я начала без вашего согласия.

«Я» падаю. Боль возвращается — и это уже не огненная боль от одиночной раны. Тысячи спиц пронзают моё тело и (почему-то голову). Адриан вопит и делает ровно то же, что пытаюсь сделать я — бьёт себя по голове, притягивая внимание «адепта» и демоницы. Нужно прервать эту связь.

— Нетнетнет, ты не говорила, что сотрёшь...

— Сотру? О, нет. Всего лишь замешу. Давно мечтала посмотреть, как вы живёте...

— Чёрта с два! — кричу я и несусь прямо на демоницу, уже сцепившуюся в объятиях с искаженным муками телом курьера. На меня обращают внимание, и я вижу глубокое изумление. Эх, нет тяжёлой лопаты череп раскроить... скорее для своего раззадоривания я повышаю голос и ору так, что эхо неожиданно громко несётся над сангвиновой равниной: — Эйвир, Один, Лиходей!

Время словно становится густым. Девушка начинает рассыпаться на пыль ещё до моего столкновения, и нервно кашляющий курьер втягивает эту пыль, как араб — кальянный дым. Что-то истерично вопит «сатанинский монашек», размахивая посохом — но его палка не останавливает меня. Я прохожу сквозь демона, врезаюсь в парня и падаю вместе с ним на стеклянные плитки. Сознание вновь милосердно покидает голову, и последняя мысль о приятном сне даже убаюкивает меня.

На мгновение или два. До резкого электронного писка, заставляющего открыть глаза.

Итак. Экран прямо у глаз раздражает сетчатку. Показывает — нечто вроде статических помех нежно знакомого синего цвета. Трясу головой. Убеждаюсь, что тело мне вновь принадлежит. Срываю экран, явно не являющийся модным шлемом дополненной реальности. Оглядываюсь. Тесная и потасканная каморка той планировки, которую нынче называют «студией». Её большую часть занимают весьма бытовые вещи: заправленная кровать, заваленный хламом стол, да кресло стоматолога, в котором сейчас и валялся.

— Что за чертовщина...

Рывком поднимаю себя из кресла. Какой-то врожденный инстинкт, вроде набираемого автоматом пин-кода, заставляет меня переключить красный рычажок у кресла. Массивный короб, спящим котом притаившийся у кресла, начинает искрить и тлеть, явно уничтожая своё содержимое. Запах нафталина и палёной пластмассы возвращает в реальность, заставляя ощупывать тело и считывать его реакции. Я слышал, что так иногда бывает у излишне увлечённых людей — погружаются в свои мысли и потом минут десять пытаются понять, где они находятся — в реальности или очередной грезе. К счастью, до этого момента не оказывался на их месте.

Итак. Тело — на месте, но немного отличается от того, к которому привык. Упаковано в консервативную двойку, что навеивает весьма печальные ассоциации с тупицей Адрианом. Лицо — с трёхдневной щетиной, беспорядок. Никакого следа слабости или боли. Никаких хрустов суставов и даже следов ломоты в левом колене, оставшемся после упавшего на раскопе хазарского кирпича. Автоматическими движениями вбрасываю себя в пиджак и пошарпанное пальто. Запихиваю в карман пистолет, небрежно брошенный среди вскрытых пачек препаратов. И, наконец, вспоминаю про отсчёт минут.

Чужая, заёмная память подсказывает мне, куда именно стоит взглянуть, чтоб в поле зрения оказались часы. Она же вселяет тревогу — неведомые пока инквизиторы всегда

отличались расторопностью в поиске незаконных подключений к местному чистилищу. Оставалось надеяться, что в спокойной обстановке смогу полистать тот самый «кодекс» (кстати, что это? Файл? Папка? Архив?) и понять, что вообще произошло в багровом пространстве.

— Пургатория, — пробую я на вкус услышанное слово, не обращая внимания на собственный голос.

Судя по строению слова — местное чистилище. Что ж, я ожидал очнуться скорее в аде. Правда, демоница — это как-то очень лихо. Может это всё ещё остатки бреда? Галлюцинации внутри другой галлюцинации? Неважно. Времени нет, секунды уходят, а я всё ещё не понимаю, где нахожусь. К тому же, не могу выставить таймер в импланте — такие сложные знания пока что не входят в мой набор. Что там за окном?

Сумрак. Напротив — обшарпанная серая панелька, высотой раза в три больше, чем привычные мне. Сверху мерцают огни, слишком яркие для звёзд. Изредка их перекрывают воюющие метеоры местных спиннеров. Тех, что были в «Бегущем», а не в кармане у каждого школьника пару лет назаж. Внизу — знакомые огни песочного оттенка. Уличное освещение, однако. Слева — пожарная лестница. Справа — свет из соседней квартиры, населённой (судя по звукам) редкими скандалистами. Сверху (да, я вывесился спиной вниз) — ещё этажей так двадцать. Моё новое тело не боится высоты — а вот разум ещё мутит, по старой памяти. Что ещё раз говорит: нахожусь не во сне или качественной галлюцинации. Страх в них имеет пьянящее, всепроникающее чувство — а сейчас я лишь слегка цепенею от осознания пустоты метров так в шестьдесят.

Знаете что? Меня это радует. Ведь чёрт возьми, я всё ещё жив — и лишь полнейшее непонимание обстановки меня сдерживает от крика той первобытной радости, с которой человек осознаёт, что отделался от Костлявой лёгким поцелуем.

Что ещё нужно знать? Пальцы плохо слушаются. Они чужие, никогда не знали ни модного «фискаря» для зачистки «материка» до зеркального состояния, ни «американки» для грубого поиска керамики в культурном слое. Словом, понежнее тех, что оставались до моих стремительных объятий с падающей стенкой раскопа. Плечи? Терпимо крепкие. Лёгкие подозрительно шумят, что неудивительно — воздух тут словно пропах нафталином, пластиком и чем-то сладковато-томным, пряным... куда там сухим ароматам донских степей и азовским бризам. Да и до памятных запахов озера Меларен... так, не отвлекаться. Карманы, документы? Паспорт? Мультипаспорт? Универсальная ID карта? Пусто, как в голове Адриана, лишь на дне находятся крошки чего-то, подозрительно напоминающего табак.

Боль напоминает о себе режет под челюстью. Сзади-слева. Зуб мудрости? Местные киберпанки увлекаются умными имплантами? К чёрту, потом. Нужно понять, что теперь делать. Руки, руки, почему они чешутся? Что я должен взять? Перьевая ручка? Не то. Пистолет? Уже ближе. Меня осеняет: руки у Адриана чешутся, когда он чувствует близкую опасность.

К сожалению, осеняет меня за мгновение до первого удара в дверь.

в которой Адриан вынужден оглядываться, а мир — удивить.

Стопы улья Каллиник. Жилой район Б14

Адреналин, растекающийся по венам, начинает выветриваться с той же скоростью, с которой я отхожу подальше от горящей панельки. Мне остаётся только надеяться, что пожар быстро потушат и никто не пострадает... а есть ли, кому страдать? Я едва ли не останавливаюсь как вкопанный, но какой-то инстинкт гонит меня дальше. Прочь от места явного преступления — и в неизвестность. Ведь, чёрт возьми, даже не понимаю, где нахожусь.

Вокруг меня плывут потускневшие мозаики на панельных стенах, скрытые баннерами и некогда добавленными грубыми блоками какой-то аппаратуры — не то кондиционеры, не то неизвестные мне механизмы. Небо? Скрыто монументальным сводом, только где-то вдалеке за арками виден серовато-голубой оттенок. Словно весь жилой район притаился в тени гигантской башни вроде Эйфелевой. Такое любят фантастические художники, но вот конкретного имени или аналогии в одной из куч прочитанных книг вспомнить не мог.

Язык? Вроде бы русский. И на том спасибо. Одежда — смесь привычной мне европейской и чего-то лубочного, с налётом стереотипности и тяжёлой торжественности. Без лишних объёмов, но с неуловимым намёком чего-то знакомого, видимого раньше. Я её не могу узнать, хотя в голове и всплывают малознакомые слова вроде «ферязи» и «запоны». Накатывает лёгкое чувство сожаления, что ушёл по тематике от Византии и Древней Руси в скандинавистику.

Что ж, для начала примем за данность — вокруг киберпанковская не то Византия, не то Древняя Русь. Точно — реальная. Слишком много запахов, от человеческого пота до тяжелых духов. Слишком много деталей: играющие невесты во что дети, коробейники с какими-то ватрушками и хмурые дружинники с самыми настоящими бердышами, словно сошедшими с иллюстраций к учебнику. Вот только светящиеся символы на лезвии настораживали. Я пытаюсь к ним приглядеться — и весьма зря.

— С дороги! — возвещает патрульный, надвигаясь на меня. Я понимаю, что оказался слишком близко (вижу даже маленький значок птицы на униформе), но непривычное чувство страха заставляет замешкаться.

— Смотри куда прёшь, — шипит второй, отпихивая меня с их пути. — Развелось, б... торчков, некуда сапог поставить!

— Сам смотри, — негромко ворчу в ответ. Чувство страха, пришедшее из каких-то подкорков памяти — явно не лучший подарок от Адриана.

К постаменту статуи какого-то весёлого старца прилеплено с пару десятков листков, явно веселящих всех, собравшихся вокруг. Я даже замедляю шаг перед ней, но очередной укол боли под челюстью напоминает — вообще-то преступник и надо валить подальше. Это явно не зубная боль. Но что? Сигнал вызова? Старая рана? Сбой импланта? Имплант... а ведь у меня есть кое-что, скрытое в нём!

— Эй, дамочка, ты ещё тут? — негромко осведомляюсь я.

— Как невежливо... — в ушах слышу приглушённое фырчание, скорее лисье, нежели человеческое. Короткие помехи в глазах — и передо мной прямо из воздуха материализуется привычная женская фигура, закованная в доспехи — Тут я.

— Помочь не хочешь? Как-никак, в одной лодке плывём.

— Моя помощь весьма дорога, и у неё есть своя цена, дорогой, — мурлычет демоница.

— Даю расценки: я либо подхожу к патрулю, каюсь...

— ... и получаешь лазерный болт в голову, — саркастично комментирует Ада.

— ...или не подхожу. Выбор за тобой.

— Что ж... в тебе слишком много горячности, милый. Я чувствую отсвет многих знаний и многих эмоций... зачем же тебе моя помощь? Неужели хочется ещё чуть-чуть?

— Можно и так сказать, — дипломатично отвечаю, стараясь игнорировать раздражение от подначек демоницы. — Где я? В каком времени?

— В реальности. Уж это небо от родного я отличу, — усмехается девушка, проверяя металлические ногти. — А время... будто ты сам не знаешь, мм?

Я не отвечаю. Не очень хочется палиться перед демонической сущностью прямо сразу. Хотя она и расколола меня в первом же полноценном разговоре.

— Что ж, курьер с инфодемоном в «ракушке». Могу посоветовать тебе несколько вещей. Первое — держаться подальше от церковников. Я расстроюсь, если мой милый носитель попадёт в руки к злейшим врагам. Второе — не ссорься с Великими домами, какими бы жалкими не казались высокородные. Бояре злопамятны и могут хорошо попортить твою оболочку. Третье — как можно скорее покинь правый берег города. На левом мы слишком громко повеселились, и скоро тут начнётся облава.

Мудрые советы. Правда, меня коробит обращение «мы». Нет никакого «мы», только я да информационный паразит в моём импланте, который...

— Кто ты?

— Твоя попутчица на неопределённое время.

— Не очень содержательно.

— Какой вопрос — такой и ответ, — пожимает плечом Ада.

— Что за субчик был с нами в Пургатории?

Демоница заливисто, искренне смеётся, а уши закладывает мне. Кое-кто из людей вокруг морщится и стучит по челюсти, словно у них что-то заболело или засбоило. А мне остаётся надеяться, что смех собеседницы не привлечёт внимания местных церковников.

— Ну же, милый. Не стоит начинать приятное знакомство с допроса.

— Я владелец твоего обиталища, — негромко возражаю, тщательно выбирая слова. Пусть вокруг многие говорят «в пустоту» (как любители беспроводных гарнитур в оставленном мной мире) — но вряд ли многие общаются на оккультистскую тему с демоном. Любой из них может донести, если услышит лишнего.

— Я неуязвима для тебя ровно настолько же, насколько неуязвим ты, — мягко возражает мне Ада. — Сомневаешься в моей силе? Попробуй вырвать меня из нейры и не умереть при этом. Сомневаешься в моих словах о реальности? Что ж, купи себе дрянной ножик в любой лавке и вскрой себе руку.

— Некогда во сне меня зарезали, — возражаю я, и старый кошмар даёт о себе знать фантомной болью в животе, — так что это ещё ничего не значит. Ты не даёшь мне фактов, просто ставишь своё слово против моего.

Ада вновь фырчит и начинает растворяться в воздухе. Уже когда сквозь её доспехи становится виден дощатый тротуар, я слышу, как демоница оставляет последнее слово за собой:

— Тогда подождём, милый, когда день вновь сменится днём.

Дожить бы ещё до следующего дня... Я никогда не был романтиком «высокого средневековья», пусть в нём каждый носит в себе по одному импланту минимум. Неземное искусство и мастерство наверняка соседствуют с инфекциями — и хотя с гигиеной тут вроде почти нормально (уж потных людей и в моем времени всегда достаточно), но вот болезни и преступность меня беспокоят не меньше, чем церковники неведомой веры и обломки памяти Адриана. Может, свалить подальше? Речка, шалащ, ловля лещей?

Рядом со мной стоит мой отец, седой, но все еще крепкий. Дружина расположилась в отделении, и мне кажется, что они уважают наш покой, хотя в реальности — лишь охраняют от лишних гостей. Рядом с нами лишь старый гридень, прошедший с нашей семьёй через множество испытаний и невзгод. Мы идем к берегу в тишине, словно совершаем семейный обряд, беря с собой надежду на удачный улов и память о наших предках. Отец поднимает взгляд к небу, вдыхает свежий воздух и поворачивается ко мне с грустной улыбкой.

— Иногда мне кажется, что в этой излучине останавливается время. Уже бываю тут восемьдесят пять лет, с самого детства — и почти всегда тут легкий ветер и редкие облака.

— А как же тот шторм в пятьдесят девятом? — усмехается воин, и я вспоминаю не то его род, не то имя. Гаврас. Дядька Гаврас.

— Тогда у нас было много медовухи, — отмахивается отец, улыбаясь в бороду и доставая наживку.

Я смотрю на бесконечную реку и на пребывающего в спокойной радости отца. Обычно он куда суровее и мрачнее, будучи окружён золотом, а не тростниковыми удочками. Так почему, почему он остаётся в этом тесном шпиле, а не тут?

— Пааап?

— Ась?

— Ты не думал, что великая река зовёт так к себе?

— Нет, сынок, — усмехается отец. — Великая река манит к себе всех. От зверей и степняков до диких биомехов и мутантов. Все мы — её гости. Но явно не сватья и не мужья.

Я трясую головой не хуже мокрого ньюфаунленда. Чужие воспоминания — расплывчатые, незнакомые, но реальные. Обломки памяти Адриана? Вполне возможно. Что ж, мой (его) отец прав. Сбежать в степи можно, но ненадёжно. Да и я слишком отравлен ядом города — мне действительно интересно осматривать статуи, слушать городские легенды, общаться с людьми. Читать новости, пропивать хорошую по меркам обывателя сумму в уникальном баре, торговаться на рынке — слишком уж привык к таким приятным мелочам жизни.

Чтобы я мог ими насладиться и дальше, нужно:

а) Сбросить с хвоста погоню и отсидеться в какой-то норе.

б) Заработать побольше денег да и вообще разобраться, чем тут оплачивают. Кредиты? Гривны? Тугрики? Где тут местный рынок?

в) Забраться повыше от этого гм, подулья. Чем выше сидишь в обществе — тем лучше медицинское обеспечение и больше времени остаётся на личные дела.

г) Рвануть ещё выше по местной иерархии. Если система застойна и все в ней привыкли не дёргаться — конструктивная активность в ней не останется незамеченной. Ну а если не оценят по достоинству — речка, шалащ, ловля лещей.

Ещё надо не забывать отзываться на чужое мне имя. Или хотя бы учиться изображать рассеянность. Но без перегибов.

Смотрю вверх, к мерцающим огням арки местного шпиля. Интересно, он один такой — или весь город усеян ими? А может, весь мир стал единым городом? Ада упоминала про «другой берег» — что ж, значит как минимум реки тут ещё существуют. Внутреннее чувство направления уводит меня подальше от дымящей многоэтажки. Мимо безликих дверей подъездов, мимо маленьких магазинчиков, мимо стариков на лавках. Я миную «Оружие Котремира», где научился платить банковским имплантом (сослался на амнезию) и «Доступ в Эгрегор», где на мою просьбу о Порайске отреагировали, словно я попросил дочь царя на выданье.

Запах пряностей, свежего хлеба и овощей наводит на мысли о рынке. Людские потоки, вытекающие из улочек, сами наводят меня лучше любого навигатора. А может — наконец захотелось поесть. В любом случае — в толпе удастся окончательно затеряться, и если повезёт — узнаю побольше о том, куда именно меня занесла нелёгкая. Правда, приходится отшатываться от очередных патрулей, каких-то напыщенных мужиков в рясах, да от очень странных вскриков сзади:

— Дорогу, возлюбленные! Дорогу! Дорогу тому, кто взял на себя грехи этого мира! Дорогу, возлюбленные!

Я отшатываюсь в сторону. По улице идёт странная процессия — шесть церковников в чёрных рясах (на плечах какая-то грубая статуя сидящего человека), два стражника с саблями наголо, да покрытый струпьями старичок, чей единственной одеждой были изрядно потрёпанные провода, надетые крест-накрест, как пулемётная лента у революционного матроса. Они и голосит безостановочно, хотя на его крики внимания почти и не обращают.

— ... и бесы те ели мысли людские и напивались знаниями, как собака блевотиной! — надрывается старичок, потряхивая оборванными проводами, словно те были цепями. — А вырос бес — так становился демоном информияционным, кои должны были собраться да стать естеством Дявола Разбитого! Так уступите дорогу тому, кто смотрит за проклятыми землями, за Эгрегором нашим и Пургаторией окаянной!

Юродивый? А что ж за статую тащат тогда церковники?

— Это нейромонах, — шепчет в ухо Ада, не появляясь, так сказать, наяву.

— Феофан?

— Понятия не имею, — признаётся демоница. — Они заковыывают себя в скафандры жизнеобеспечения и проводят время, охраняя вашу часть Пургатории. Мерзкие создания.

Я приглядываюсь получше. Действительно, к «статuae» подходили какие-то провода и трубки, а прямо из спины торчал веер антенн — видимо, для связи с Эгрегором, местным киберпространством. Местные на него смотрят благовейно, осеняя себя какими-то знаками. Надо будет запомнить. Чтоб не выделяться из толпы.

— А так и не скажешь...

— Сзади слева, чипинник! — рывкает Ада, и я практически инстинктивно бью наотмашь чуть левее собственной шеи. Чья-то кисть с хрустом ломается. Резко разворачиваюсь на месте и вижу крысоподобного субчика в сером, зажимающего пальцы.

— Совсем охамел, губа? — шипит вор. — Кистенем по голове не хочешь?

— А ты попробуй, тать, — сплёвываю я. Толпа резко расходится в стороны. Ну спасибо, удружили.

— Гонька! Васька! Косой! — орёт «крыса», злорадно усмехаясь.

Откуда-то выскакивает троица. Здоровый амбал, которого видел раньше в толпе, и двое из ларца, одинаковых с лица. Парочка — с самыми, что ни есть, настоящими ржавыми моргенштернами. А вот детина — просто с кулаками размером с маленькую наковальню. Неприятно, но нам есть чем ответить. Тянусь к пистолету, но меня опережают:

— Шухер! — и вся банда теряется, словно её и не было. Оглядываюсь — и понимаю, почему. Подходят представители местной власти: сразу десять дружинников, вооружённых весьма представительно. Цепляю на лицо маску удивления и медленно отвожу руки от карманов. На всякий случай.

А десятка оперативно берёт меня в кольцо. Пяток (кираса поверх шинели, дробовики и бердыши) окружает меня, пока не наводя оружие. Ещё две пары страхуют их чуть в стороне. Наконец, из-за могучих спин выплывает коренастый мужик — такой же, как и остальные, только меди в его кирасе было куда больше, да к шапке был прикреплён хвост какого-то зверя. Умом я остаюсь напряжён, но поджилки чуть расслабляются. Среди дружинников нет церковников — а значит, Аду им не обнаружить.

— Ороз из дома Валькор, — представляется главный. — Что тут произошло?

— Местная... — знают ли тут слово «шваль»? — ...ватага татей пыталась приласкать да утянуть мой чип. Я был против. Они решили высказаться.

— А чего в рожу дал? Наорал бы, мы б и примчались, — прищурился Ороз. Видимо, с охраной правопорядка тут было всё в порядке.

— Я вас, милсдари, не увидел, людей много, как на праздник всех святых отцов!

Понятия не имею, существует ли вообще такой, но приходится импровизировать. Стражники усмеваются и одновременно напрягаются, словно услышали какую-то команду по закрытому каналу связи. Затем кивают друг другу «со значением», берут оружие на изготовку и разворачиваются прочь. Их главный отступает назад и следует примеру подчинённых. Пожалуй, повезло.

— Осторожнее с чипинниками. Они люди злопамятные, — советует мне десятник и уводит патруль.

Кто в этом проклятом городе вообще не злопамятный? Иду следом за патрулём — благо, что тот идёт напрямик к рынку. И начинаю соображать — видимо, местные решили «по горячим следам» взять наглеца, устроившего горячий приём местной штурмовой группе. Есть ли у них ориентировка? Видимо, неточная. Или же просто она не дошла. В этом случае стоит отпустить милсдаря Ороза куда подальше. Благо, поток людей становился плотнее, и не просто так — вывеска «Птичий рынок» дала мне знать, что наконец-то дошёл до рынка. Вместе с давящей болью, говорящей о том, что Аде есть о чем поговорить.

— Звала?

Демоница материализуется чуть выше толпы, но на этот раз её «помехи» тревожат значительно меньше людей. Видимо, затеряться в толпе и ей проще. Она какое-то время просто разглядывает меня, не находит чего-то и разочарованно фырчит.

— Решил забежать за покупками?

— Толпа — уютное место, — ворчу я, уклоняясь от ретивой бабульки при тележке, с грацией ледокола пробивающейся навстречу толпе.

— Зря ты туда идёшь. Через десять минут закроют внешние порты и отключат текстовую порайскую связь. Через пятнадцать — изолируют сеть и начнут прочёсывать.

— Только в рынке?

Ада отрицательно машет головой.

— Вот видишь. Куда бы я ни пошёл — в любом случае придётся выкручиваться. А теряться в толпе куда удобнее, чем на пустых проулках. Поверь мне.

Демоница вздыхает.

— Тогда возьми себя в руки и постарайся не облажаться.

Из моей груди вырывается усмешка. Ближайшие сутки будут весёлыми, но не могу позволить себе отступить. Толпа привычна для меня, и каждый вдох и выдох наполняет меня не просто кислородом — но решимостью, которую мне не подарит не один инфодемон. Город будущего может быть холодным и необычным, но я чертовски упрям и любопытен.

Посмотрим, кто кого.

в которой курьер узнаёт немного о высокой кухне улья, храмовники просвещают население, а скоморохи дают неожиданное выступление.

Стопы улья Каллиник. Окрестности Птичьего рынка

Рыночек навевает ностальгию. В нём кое-что от провинциальных торговых рядов начала нулевых — и многое от восточных базаров. Крикливые продавцы, явно склонные поторговаться. Пряности в коробках рассыпью, щекочущие нос. И, потенциально — глушащие обоняние ищек, если таковые тут в наличии. Я скольжу меж людьми. Иногда останавливаюсь прицениться, только чтоб узнать, что пакет свежих трав стоит четыре фоллиса, а свежая тушка какой-то птицы («Только сегодня с ферм Подёнщины!») — четыре кератия или восемнадцать фоллисов.

Временами предлагают что-то за солиды. Вроде лаунданума, или «левого» продукта мануфакторий. Но тут я даже осведомляться не стал. Любой добропорядочный гражданин бы шархался от дилеров. Вот и я вежливо отстраняюсь и стараюсь уйти подальше. Как чёрт от ладана — или как дикий даймон от невидимых стен Пургатории. Внутренний карман отягощал кошель, позвякивающий металлом. Правда, сейчас весьма неудачное время для осваивания рынка.

Солиды, если мне правильно подсказывает пятёрка по «Истории восточной Римской Империи» — монеты золотые. Логично, самые эксклюзивные услуги — одновременно и самые дорогие. Если правильно понимал, то фоллисы — медные монеты, а кератии — серебряные. Когда выберусь — нужно обязательно выяснить их соотношение. Но для начала — выбраться из рыночка. Нужно не выделяться из толпы. Не отворачиваться резко, когда увижу церковника. Не бежать. Но и не мешкать — рано или поздно кольцо замкнётся и мне будет крышка.

Я почти поймал темп толпы. Мне удаётся проскальзывать между снующих лоточников, не вызывать раздражение татуированных амбалов и даже (о, чудо!) не привлекать внимание лавочников. Последний церковник мелькал где-то на краю обзора уже давно. Словно не смирившись со своим положением, Ада начинает шептать мне прямо в голову. Тихо, распевно и явно умудряясь не привлечь внимание церковников. Но все равно — раздражающе.

— Адриаааан... ну Адриан!

— Чего тебе? — негромко ворчу я и останавливаюсь у очередной лавки. Что бы тут не продавалось — запах отобьёт и вонь пожара, и весьма специфически ароматы продающейся вокруг снеди. Подавляю в очередной раз вспыхнувшую злость. Странно, раньше считал себя более общительным и хладнокровным. Может — те самые остатки Адриановой памяти сопротивляются и вызывают раздражение?

— Скоро кольцо ищек замкнётся даже не снаружи, а внутри рынка. У тебя точно есть план на этот счёт?

Я киваю и со смущением понимаю, что согласился купить какую-то мелочёвку. В голове раздаётся звонкий хохот демоницы.

— Сколько с меня в итоге?

— Четыре кератия.

Во мне поднимается раздражение и я останавливаю руку, тянущуюся во внутренний

карман к кошельку. Чтоб дешёвая ладанка стоила четыре серебряных? Да щщас! К счастью, потешающаяся Ада как-то резко становится тише. словно ей на голову опускают мешок. Влияние благовоний? Очень интересно — и пригодится для построения нашего с ней дальнейшего конструктивного диалога.

— Не больше двух, — отрицательно киваю. Ладанка мне, может, и пригодится, но сейчас даже будь я увешан святыми глифами пополам с каллиграфией — с демоном внутри меня один бес ждёт костёр. Небось, как в лучших испанских традициях — с отдуванием дыма подальше, чтоб еретик, не дай бог, не задохнулся раньше времени.

— Двух? Упаси меня Первосоздатель! Она только на закупке стоит две с осьмушкой!

— Вот и ищи покупателя за две с осьмушкой, — огрызаюсь я и ухожу, слыша вслед:

— Жлоб!

Жму плечами и ухожу подальше, особенно не оглядываясь на продавца. Возможно, я совершаю серьёзный прокол, но, чёрт возьми, четыре полновесных серебряных монеты! Я не с верхушки шпиля спустился, чтоб тратить такие деньги на чушь! Прокрадывается коварная мысль: «а откуда спустился вообще?», но мгновенно отсекается. Размышлять буду, когда отстанут церковники и их гончие. И обязательно — обложившись освящённым ладаном, десятком оберегов и полным набором гальдраставов. Нечего демонице глазеть на мои мысли. Пусть лучше пытается отгадать, что ищу в толпе.

Благо, есть кого поразглядывать: ведь мимо меня течёт самый разномастный люд — техники в грубоватых робах, скорее напоминающих монашеские, ищущие «диковинку» гости со Шпиля (все как один с солидной охраной), бойкие лоточники и скоморохи, показательно игнорирующие неписанные неяркие цвета. Да ещё и с настоящим медведем, пляшущем на дудке! Ан нет, не настоящим. Провода и трубки намекают мне, что внутренности у этого косолапого давно заменены на механизмы. Память Адриана подсказывает, что нехитрый разум тоже заменён на пленённого беса (кто б это не был).

— Ключ к своему архиву ты тут не найдешь, — комментирует мои поиски Ада. — Хранилище данных заперто на генный ключ, и...

— Знаю.

— Точно ли? Мне кажется, ты слегка растерян. Твоя невма, может, и закрыла содержание мыслей, но их хаотичность меня... удручает. Ты растерян, а ведь твой расписной список весьма... обширен.

Она может говорить без этих придыханий вообще?

— Ни грамма. Дойду до выхода и сразу рвану в лёжку в один из шпилей.

— Какой?

— Естественно Вахх, — фыркаю я и прикусываю язык. Это было лишним.

— Ваакх... интересно. Там много почитателей моих братьев и сестёр, хотя и меньше, чем в Лаодикии.

— Ты серьёзно надеешься задержаться в моём импланте?

— Я уже в твоей нейронной плоти, и для моего изгнания нужно что-то посерьёзнее, чем вырывание ракушки.

— И что же?

— Например, мирской дознаватель и обряд экзорцизма. Будешь чаще болтать с собой на глазах херувимов — быстрее к ним попадёшь.

Я опускаю голову. Глупость, но движения губ будут чуть менее заметными.

— Пусть думают, что общаюсь по связи со знакомым.

— С отключённым блоком порайской связи? Нет. Не пытайся включить, ни в коем случае. Мнемоники мгновенно засекут тебя, сдадут коллегам из духовной ветки, а те сожгут, не успеешь ты сказать «Я не читал отреченных книг».

— И не подумаяю.

— Молчи. Отвернись.

— Зачем?

— Затем, идиот, что к тебе плывёт херувим. Он чувствует моё присутствие и обязательно натравит гончих. Выберись к месту, где больше сети и кукол — и смогу помочь.

Остаётся только кивать и постараться убраться с аллеики. Пару раз я видел то, что имела в виду Ада. «Куклы» — бледные создания, но излишне атлетичные с угасшим взглядом, передвигающие тяжести. Клейма покрывали каждую их конечность и даже лоб — не то обозначая марку, не то принадлежность. Возможно, их и называют тут «биомехами». Пухленькие «купидоны», держащие вместо рук большие камеры. Только вот крылья — стимпанковские, сплошь из металла и проводов. Как они только держатся в воздухе? А, ну да. Техноволя и контур гравитации. Наблюдая за очередным полётом странного создания, я едва успеваю притормозить, услышав за углом любопытный разговор.

— Эй, девица. Мужчину незнакомого не видела?

— Их тут полное торжище, красавчик. Зачем тебе мужчина, когда есть я? Всегда готова убагоествовать того, кто живот и члены свои может положить за нас тут, в Стопах...

— Не смей искушать! — и чуть пониже голосом: — Во всяком случае, пока я на службе. Беляш, бежевый плащ, может болтать сам с собой или зависнуть в одну точку.

— Не видела. Ангелочкам скорми, зря что ли вьются?

— Толку с них...

Чуть не попался! Ускоряю шаг, срезая прямо через торговые ряды. Продавцы удивлённо оглядываются, но не препятствуют — я держу руки в карманах и явно не похож на мальчика, желающего спереть дыню. В подулье одно из первых правил — не интересоваться происходящим. Вредно для здоровья. Песель, сидящий на краю одного из рядов, не сдвинулся с места, спокойно глядя, как я несусь по кулисам рядов. Словно понимал, что я ему не причину вреда.

— Эй, сгинь!

Дворняга запрокинула голову и умудрилась прищурить глаза. Как-то слишком по-человечески.

— Свали, кому неясно!

В ответ она (или он?) запрокинула голову влево и тут я увидел очень характерный ошейник. Золотой, с монограммами, ладанками и овальными амулетами от сглаза. Ошейник поисковой ищейки святых орденов. Я видел его раньше, в *этой* жизни. Обломочные эмоции Адриана во мне, нервные и трусоватые, распознали только половину знаков, но и этого хватило для лёгкой паники. Конструкт передо мной был не вполне псом. Скорее генетическим монстром с филактерией раскаявшегося грешника, спущенным впереди загонной команды. Нарастающий вой выводит меня из оцепенения. Я отталкиваюсь и просто прыгаю вперёд. Натуральная гончая бы отреагировала мгновенно, но вот только преступник внутри неё не обладает по-настоящему собачьими инстинктами и просто заваливается на задних лапах.

Впрочем, хватило и воя, чтобы меня заметили. Прикрываюсь каким-то нелепо шагающим холодильником на ножках, и гончая врезается в него. Замечаю буквально на

расстоянии вытянутой руки достаточно широкий проём, чтобы разогнаться до предела мышц. Плюю на конспирацию и бегу к нему, расталкивая людей, сероватых «кукол» и откровенно жутких биомеханических созданий. Попадаю в толпу и осознаю, что ей отчаянно плевать на какого-то бегущего мужика. Достая ствол — и безо всяких невм люди шарахаются в сторону. Крики волнами расходятся от меня, но осознание сделанной глупости приходит чуть позже. Когда меня всё-таки берут в клещи.

— Это он?

Две пары служак с двух концов аллеи. Обе — синхронно наводятся на вашего покорного слугу. Как батарея зениток, или — как головы толпы, которой объявили виновного в страшном преступлении. Когда-то уже видел, что бывает в таких случаях. Именно поэтому я дожидаясь реакции окружающих, а даю дёру в сторону, отпихнув в сторону очередного херувима, пытающегося протаранить мне лицо.

— Ты хотела роботов? Так вот они!

— Хочешь, чтобы я отвлекла...ну, эти милые куколки?

— Если и память им сотрёшь — всерьёз подумаю над тем, чтобы общаться поближе с тобой!

Толпа, оказывается, вполне способна ответить. Меня отпихивают обратно в свободное пространство, где уже ждут трое храмовников. Четвёртый колеблется. Его нерешительность здорово отвлекает и мешает сосредоточиться, но краем глаза всё же вижу движение. На меня замахивается какой-то дубинкой церковник в отполированной кирасе. Я разочаровываю его и ухожу в сторону от удара, заодно делая тычок кулаком в ухо. Получаю один удар, второй, третий. Тупая боль начинает перебивать адреналин схватки, но первобытную ярость мне уже не сдержать. Никогда не был хорошим кулачным бойцом — но именно амок, боевое безумие спасало меня и в разборках с любителями пограбить экспедиции — и с «чёрными копателями», и с излишне самоуверенными селянами.

Какая там рука с нечеловеческой силой? Правая? Левая! Хватаю ей подвернувшегося под руку храмовника и бросаю в подбегающую троицу его братьев. Мечник в полном доспехе и шлеме с личиной? Удар прямо по шлему! Хруст костей меня ободряет, даже несмотря на повисших на плечах воинах, каждый весом с центнер. Отталкиваюсь ногами, и потерявшие опору бойцы, вопя, горохом сыпятся на землю. Пора валить? Нет, прибыла новая троица — да ещё и наводит стволы.

Делаю рывок к толпе и вырываю явного продавца дурью (бегающий взгляд, капли пота, прижатая к животу сумка), нервно ожидающего конца схватки. Отпинаваю его к поспевающему патрулю — только чтоб заметить, как подоспевший субчик в сутане начинает явный горловой распев. Победный гимн? Уже? Я замахиваюсь отобранной дубинкой и слышу очень характерный лязг помпового дробовика прямо у меня над ухом. Боец с раздвоенной бородкой наводит на меня ствол. И очень знакомым голосом (тот самый, что осведомлялся о скидках у шляхи), сочувственно советует:

— Брось, парень.

— Ада! — рывкаю я. Демоница всю схватку только мурлыкала что-то на ухо, вот только её кошачий концерт мне не особенно помог в схватке.

— Тридцать секунд, милый, — ободряет она. — Постарайся отвлечь певника. Его молитвы отрежут меня от Пургатории.

— Певника? Кого?

Мужик в сутане, словно чувствуя наш разговор, вздыхает и начинает распев, что

называется, «трубным басом». Воздух очищается от смрада схватки и рынка только для того, чтобы забить мне ноздри озоном. Голос певца не дрожит и не затихает, даже когда подоспевшие херувимы встают в хоровод вокруг его головы. Его напевы, сливающиеся в речитатив, пробирают не только меня — патруль, как замороженный, перестаёт стонать и по очереди начинает пытаться встать по струнке. Жутковатое зрелище, но сдаться четырём роботам и басистому мужику? Чёрта с два! Пользуясь тем, что большая часть стражей поднимает товарищей, отворачиваюсь от певца (видимо, он тут за боевого жреца) и выбираю в интерфейсе знакомую иконку с ключом. Коротко перебираю список знакомых мне магических знаков — и черчу взглядом «Оуттастафур». Несложный и изящный гальдрастав, вроде как вызывающий страх.

Секунду, две не творится ровным счётом ничего особенного и я начинаю подозревать, что просчитался — ровно до первых криков. Зеваки, словно завидев орду призраков, мгновенно теряют остатки здравомыслия и ломаются кто куда, одинаково мешая и мне, и преследователям. На мостовую падают корзины с зеленью, торбы, лотки и коробки. Краем глаза замечаю, как женщина уверенно и с азартом бьёт обезумевшего вора, пытающегося в бегстве стянуть простенькую шейную гривну прямо с владелицы. Хрустящие дыни бьются, отвлекают стрелков — и один получает камерой ангелочка, пока второй с какой-то непонятной мне паникой расстреливает магазин прямо в чрево алого холодильника, неторопливо шагающего ему навстречу.

Вилобородый не остаётся в стороне и стреляет мне куда-то в бедро, но подскользнувшийся скоморох принимает на себя весь заряд дроби. Его дружки по ватаге, только что стремящиеся покинуть поле брани, разворачиваются и остервенело прут прямо сквозь торговые ряды, отмахиваясь цепями от всех, попадающихся под руки. Их биомеханический медведь ломает прилавки и одним ударом лапы (слишком уж точным) сминая бородачу с дробовиком. Я получаю удар от его поводыря и кое-как ухожу от схватки с ещё одной парой церковников. Искренне надеюсь, что выигрываю потусторонней красотке те самые пятнадцать секунд.

И Ада меня не разочаровывает.

Первый херувим камнем обрушивается на голову певца, сбивая его с ног и заставляя его заткнуться. Оставшиеся два начинают носиться кругами, и в их глазах больше нет нежно-золотого света. Только багряный огонь. Ставшие неинтересными камеры бесполезным грузом свисают с их поясков, зато пухлые руки начинают творить хаос. Они рвут усы и бороды. Задирают юбки замешкавшимся девушкам, решившим спрятаться поблизости. Парой поднимают нечто, подозрительно напоминающее мангал, и рассыпают на строгие рясы уже поверженных бойцов. Но они не одиноки. Холодильник действительно взбесился и пошёл в ближний бой. Хлопки его створок не наносят много урона, но вызывают необъяснимую панику бойцов, явно опасующихся простого красного ящика.

Схватка становится проще. Излишне ретивый служака получает подвернувшись под руку деревянным ведром и оседает. Бешеная гончая, разогнавшись, стремится впиться мне в мошонку, но в последний момент останавливается, словно врезается в невидимую стену. Сработал «шлем ужаса»? Неважно! Хватаю скулящую псину за лапы и, наскребав милосердия к бедному животному и отчаявшемуся грешнику, швыряю биоконструкт подальше от схватки.

Мимо меня проносится, громыхая, нечто с ножами в конечностях и при поварском колпаке. Я даже оглядываюсь: действительно, повар, у которого прямо на ходу рвётся

«китель», обнажая дополнительные конечности. Острые ножи, конечно, сделают отбивную из кого угодно, поперчат даже... но как он будет убивать венчиком и механизированной перечницей? Оказывается — весьма эффективно, ведь пряности мешают пить и просто дышать, а венчик может вращаться, как бешеная циркулярная пила, отрывая куски ткани, металла и плоти, а главное — вызывая панику.

Которую я с удовольствием оставляю позади. По лбу течёт какая-то ледяная жижа, и только пытаясь её смахнуть, понимаю — всё-таки меня зацепили. К счастью, ноги-руки отзываются вполне нормально. Интерфейс мигает, как новогодняя ёлка, но Хаос и благородная схватка — отличный повод ретироваться в целости. В творящемся аду мужчина с рассечением, судорожно оглядывающийся назад — обычное и даже привычное зрелище.

Не то что десяток сошедших с ума конструкторов.

Глава 5

Κρυπτός

в которой к узлу добавляются новые верёвки.

Стопы улья Каллиник. Доходный дом Викторин.

Жители Плёсн, подножий монументальных шпилей, не очень любили внимание орденов. Вне зависимости от Великого дома — просто не любили. Правда, неприязнь могла выражаться по-разному. «Мирские» ордена следили за порядком и давали по сусалам излишне обнаглевшим бандитам. Их костерили, но уважали — особенно когда нужно было призвать обидчика к ответу. Научные ордена могли выдернуть какой-то хлам или призвать к себе одарённого ребёнка. Правда, миряне потом видели резкое качество жизни, а мальчика, раньше разносящего горшки с едой — уважаемым мнемотехником. А вот духовные и мнемонические ордена, отвечавшие за духовную и кибернетическую чистоту паствы, вызывали страх. Благочестивый, страх перед карой Первосоздателя, или же вовсе иррациональный.

Анастас Белькаллин прекрасно понимал, что ни он, ни один из его коллег не смогут переломить ситуацию за одно дело. Поэтому смесь недоверия и страха, источаемую смердами, он принимал за должное и просто анализировал обстановку. Сводчатый потолок был старше доброй части города. «Минус второй» этаж древнего доходного дома — он мог бы стать частью «костей шпиля», но высокие, неотведённые грунтовые воды активно топили коммуникации, излишне глубокие подвалы да и просто провалы в почве. Вот и сейчас кафолик и его группа храмовников с трудом дышали спёртым воздухом, насыщенным ароматами мокрой штукатурки, старого сырого дерева — и гари.

Культисты не стремились помочь следствию и для начала — разгромили всё оборудование. Где-то в этот момент добропорядочные жители вызвали мирской орден Птицы в первый раз. Их вызов приняли, внесли в соответствующий журнал и поставили в очередь. Все свободные наряды стянули на главный рынок стоп Птичьего улья, где всю бесились биомехи и роботы. Пока жители паниковали, преступники кое-как залили бензином хлам и подожгли. Большого пожара не случилось из-за близости вод, но огонь и так поработал на славу.

Итог: блоки мнемонических машин обратились в куски беспорядочно перекрученного металлолома, а одно из грубоватых кресел «украсила» застывшая человеческая фигура с глухим металлическим футляром на лице. Всё это не могло не напоминать кафолику Анастасию уничтоженную квартиру в плёснах улья Каллиник. За одним маленьким нюансом — из местных обитателей один всё-таки остался, хоть времени незадачливые храмовники им оставили достаточно. И этот нюанс собравшиеся силовики едва ли не обнюхивали.

Анастас, может, и считался одним из самых молодых кафоликов. Но едва прибыв на место и осмотрев почти не пострадавшее от огня тело, прекрасно понял, какой бардак вскоре поднимется. Несмотря на выжженные невмы подчинения и срезанные куски кожи, он мог различить на замызганной коже трупа следы священных знаков. Когда-то шрамы защищали своего носителя от инфодемонов и диких бесов — и Белькаллин мог только озадаченно тереть переносицу. Да, тут поработали еретики, но самое плохое — над кем именно они поработали, прежде чем уйти

Перед кафоликом остывал труп принудительно подключённого к Пургатории экзарха мирского ордена Каллиников — второго лица в ордене. Всего лишь мирского, конечно, но отвечать за порядок в стаде вверенного ему Всесоздателем уровня улья было важно. Кафолик мог только благодарить Всесоздателя за то, что пока неведомые ему демонопоклонники не смогли добраться до одного из ипатов. В этом случае у них были бы ключи доступа ко всему Птичьему Уровню и его многочисленным аванпостам по Нижнедону и за его пределами.

— Экзарх Лассо, — негромко проговорил Белькалин, присев около трупа. Он знал жреца. Не слишком религиозный, не слишком погрязший в скандалах. Его едва-едва начала одолевать телесная слабость, и просто так он бы не сдался. Заманили в ловушку? Использовали тайную страсть? Нужно будет проанализировать много информации. От сумрачных рассуждений кафолика отвлек дознаватель, бесцеремонно заметивший:

— Я тоже подумал на экзарха, похож остатками невм, но... это возможно? Ну, я про взлом священника. И почему труп должен принадлежать именно Лассо?

— У Лассо было повреждено колено. Небольшой шрам от степняцкой стальной стрелки. Он до сих пор виден, несмотря на следы огня — Анастас вздохнул и встал. — Выясните, чем он занимался. — Небольшой стук по «ракушке». — Амбаст?

— Тут, коллега, — прохладно ответил дальний родственник.

Дурное настроение Сумкаллика было вызвано исключительно собственной ошибкой. Он оставил херувимов-охотников в зоне большой драки и упустил момент, когда откуда-то вырвался демон, вдоволь покурлесив и, напоследок, почистив за собой следы. Подозреваемый в ереси и одержимости ушёл, а нечестивое создание не то сопровождало его, то ли воспользовалось моментом и ушло в Пургаторию. Возможно, Амбаст ещё дулся на себя, на патруль и на все грехи мира — но Белькалина это не волновало.

— Ваши ищейки уже взяли след?

— Нет, коллега. И не возьмут, — проскрипел Амбаст в коммуникаторе и закашлялся, прочищая горло. Лежать в кресле без движения целыми днями — вредно для кого угодно. — Проклятые диаволопоклонники использовали слишком сильные реагенты, так что девочек нужно отправлять на калибровку нюха и переосвящение. Камеры снова врут, или вы поголовно ходите без респираторов? — Анастас кивнул. Резкий химический смрад его не пугал, он за свою жизнь оказывался в местах и похуже. — Вот очень зря вы так. Состав атмосферы весьма агрессивен.

— Понятно. Оставайся на линии. Кто-нибудь уточнил личность покойного?

— Это действительно Лассо Каллиник, о кафолик. По данным орденского скрипториума, он находился на вакации. На восточных воротах города зарегистрирована отметка о выездной визе три дня назад. Мэтр Лассо при небольшой свите собирался на воды. Храмовники негромко хмыкнули. Несмотря на жарь, сырость чувствовалась всеми.

— Хорошо съездил, ничего не скажешь. Медик, причина смерти?

— Не могу сказать наверняка, но определённо — вот это, — медичка протянула руку, упакованную в перчатку тончайшей кожи, и обвела пальцем пулевое отверстие.

— Пуля?

— Выпущенная с близкого расстояния. Вокруг отверстия ожог, предшествовавший пожару вокруг. Когда упокоившегося доставят в покойницкую — расскажу подробнее. Возможно, идиоты использовали явленный раньше ствол.

— Ясно. Амбаст, твои коллеги что-нибудь считали с местных информаториев?

— Пока не ясно. Есть явно порченые потоки, но их характер определить

затруднительно.

— Мощнось? — коротко осведомился кафолик.

— А вот это подсчитали точно, — оживился мнемонический кафолик. — Еретики не использовали канал на полную мощнось, но схватка в Пургатории нисколько не нарушила связь в канале. Знаешь, почему? Потому что его мощнось была порядка четырёх гигапергов в секунду.

Кто-то присвистнул. Белькаллин понимал, почему — средняя мощнось канала обычно была раз в сто так слабее. Для обычных пользователей. То ли дело любители невм — для обхода строгих протоколов защиты и очищения, для сокрытия своих диавольских планов им нужны были мощнось канала и много памяти. Впрочем, духовный кафолик уловил кое-что более важное. Упоминание схватки, с которой и начался этот проклятый день.

— То есть ты уверен, что события связаны?

— Я сравнил точное время схватки и вспышки нагрузки на сеть. Они совпадают, Анастас. Есть, правда, пара аномалий...

— О них позже, — поднял руку церковник. Ни к чему обычным дознавателям и храмовникам знать о потенциальном одержимом: наломают много дров. К счастью, Амбаст понял намёк и заткнулся. — Пусть у вас с коллегами будет время подумать над их природой. Хотелось бы мне понять, как они умудрились взломать экзарха.

Настойчивый вызов прервал мрачные размышления кафолика. Его названный отец и непосредственный начальник вызывал к себе. Вверх, из смрада подулья — к освящённому и стерелизованной атмосфере шпиля. Оставалось только повиноваться.

* * *

Шпиль улья Каллиник. Капелла святого отца Доткома.

Анастас не любил шпиль. Некоторые жители Нижнедонска при попадании в них застывали у первого же узкого, стрельчатого окна недвижимыми статуями, не в силах оторваться от зрелища бесконечной степи и зеркала моря, или же бесконечного ковра облачности. Иные, жившие хоть в средней части, хоть в Арках или тем более в Плёснах (они же стопы, они же подулье), не могли оторвать взора от мрачной торжественности, богатых украшений и бесконечных гимнов, наполняющих высокие залы покоев и общественных мест не хуже ладана.

Но Белькаллин видел во всём этом и нечто другое, сокрытое от взглядов иноуровневиков. Сплетение породнившихся и враждующих Великих домов. Боковые ветки старых родов, старавшихся перекрыть старые записи в разрядных книгах новыми и куда более славными. «Шпилевики», младшие сыны боярские, стремящиеся заработать насилием славу, богатство и достойные записи в разрядной книге. Отравленное вино, свары мирских, духовных и мнемонических орденов с гильдиями, академиями и между собой. И, будто бы этого мало, шпиль был роженицей для бесконечного людского любопытства, открывающее двери нечеловеческому разуму.

Именно поэтому кафолик ненавидел высшие уровни. Может, в стопах Шпилей было мало солнечного света (контрфорсы и массив основного улья перекрывали), много криминала, а грех там обыден, как пыль от зерна. Зато противник всегда не пытался прикрываться светлыми идеями. И, наоборот — союзник не был вынужден погружаться во

тму. Совсем как мужчина напротив, облачившийся по случаю в церемониальное облачение Каллиников. Длинный, мешковатый плащ с люминисцентной вышивкой и шлемом, отдалённо напоминающем голову совы. Очень отдалённо.

— Значит, вы упустили и покупателя и продавца, — проскрипел собеседник, вставая с трона. Белькаллиник закончил краткий отчёт о первом из проваленных дел. Первом за сегодня. К счастью, высшие иерархи духовных орденов относились к провалам подопечных снисходительно. До поры до времени.

— Истинно так, ипат. Провал.

— Можешь называть меня по имени, Анастасий, это первое, — традиционно сварливо напомнил магистр, начиная мерять зал шагами. — И перейти, наконец, к следующей проблеме, прежде чем мочить себе розги в уксусе. Я так понимаю, день сегодня вышел излишне насыщенный.

— Боюсь, господарь, масштаб произошедшего лучше уточнить, — покачал головой молодой мужчина. — Покупатель и продавец не должны были уйти. Ничего не предвещало проблем. Время встречи оказалось точным. Как нам и подсказали Хитрово, встреча продлилась ровно столько же, сколько и обычные деловые встречи в киберпространство. Ударный отряд вошёл в Пургаторию через обычные точки подключения к дополненной реальности. Внутри они застали двух мужчин и одного инфодемона.

— Инфодемон... что ж. Мы постарались изгнать их в Ад теми силами и той верой, что нам дал Первосоздатель — но только оптимисты считают, будто изгнали всех. Что ж. Сумели определить личность? Имя названное или истинное, поклоняющийся культ?

— Только то, что это демоница. Мои специалисты уже собирают психометрию у всех участников облавы.

— Допустим. Дальше?

— Произошла стычка. Нечестивое создание создало мощную вспышку информации и призвало около пяти диких бесов. Штурмовую группу выкинуло в реальное пространство. Трое в коме. Плюс: один умер сразу, не сумев освободиться от вериг, ещё один — освобождён от тела после проявления признаков нейронной одержимости. Подозреваемые ушли из подпространства. Удалось отследить только одну точку входа, штурм оказался неудачным. Мужчина, проживавший в квартире, ушёл. Попутно он применил неизвестные нам невмы, приведшие к гибели биомеханического кадавра и приданной ему штурмовой группы.

— Штурм-неудача, штурм-неудача. Мда. Скольких мы потеряли в итоге?

— Полторы дюжины. Ещё одну ищейку и четырёх херувимов отправили на переосвящение. Пока точно неизвестно, что с ними произошло, но через тридцать две минуты после начала операции в телесном мире биомехи и укрощённые бесы в них сошли с ума. Точнее, в биомехах, имплантах и механизмах. Везде. Итог: рынок в Птичьих Плёснах оказался разгромлен, мы получили боевые потери, а подозреваемый — ушёл. Пока неясно, сам ли он учудил, или ему помогал демон.

Птичья фигура прервала мерный ход и застыла.

— Экзарха ты ведь включил в список сегодняшних неудач? — проскрипел наставник.

— Оставил напоследок, ипат, — хладнокровно склонил голову кафолик. Он и не надеялся, что информация о смерти настолько высокопоставленного лица проскользнула мимо высших иерархов Каллиников. — Духовный орден пока только исследует эту проблему. Мирской орден копает с другой стороны, но уже сейчас ясно, что Лассо служил

защищённым сервером для еретиков.

— Или очень наглых преступников. Не отменяй версии сразу. Особенно в том, что может пошатнуть спокойствие Великих Домов.

— При всём уважении, милсдарь. Обычные преступники боятся использовать неизвестные невмы в том количестве, в котором они всплыли.

— Допустим. Тебе подсказать направление поисков?

— Если выведете мне сейчас преступника через дверь за вами — отобью земной поклон, — мрачно усмехнулся Белькаллин.

— Не буду лишать тебя удовольствия духовных поисков, — снисходительно ответил ипат и резко посуровел. — К этому субъекту в руки попал важный кодекс. Редкость древних времён. Цифровой боук с мощным невменным замком. Даже Лассо, да упокоится его душа, не знал о его содержимом — и тебе рассказать не могу тем более.

— Редкость.

— Редкость. Но для твоего расследования важно, что доступ к ней получил не Лассо. Данные похищены у нашего ордена, хотя оказались там не вполне верно для людских законов.

— Мы подчиняемся законам Первосоздателя.

— Но это могут использовать наши враги. Враги не просто ордена Птицы — враги нашего с тобой великого дома. Не перебивай! Я прекрасно помню, что ты относишься к его боковой ветке — но уже сделал больше, чем многие лодыри, потомки моих братьев. Ценю. Но не хочу, чтобы плоды наших усилий оказались утеряны. Лаодикии, Хитрово, Уары, да даже эти лентяи Комнины — все они будут рады стереть нас в пыль Великих степей при малейшем поводе. Повод давать не нужно, — длинный палец воткнулся в форменный кафтан, едва не пробивая умное сукно.

— Расследование же не будет закрыто?

— Не будет. Но произошедшее остаётся нашим внутренним делом. Пусть наши братья усмеваются в ус, глядя как мы упустили преступника. Тем будет лучше наш триумф. Ты можешь просить помощи у иных ветвей наших орденов. Но будь готов, что по следу куры пойдут другие.

Каллиник протянул следователю распоряжение, скреплённое сразу тремя восковыми печатями. Взгляд Белькаллина успел прочесть лишь номер субъекта, «сто тринадцать». Но печати всех ветвей ордена Птицы и, главное — пергамент вместо инфопланшета говорили о высочайшем уровне тайны.

— Внешний специалист?

— Да. Матёрый кибергрешник, прошедший Перековку. Его разум очищали сами Святые отцы. Он искупил свой грех ещё при Великой Очистке, и знает едва ли не каждое создание Разбитого дьявола. Решение принято высшими иерархами, мальчик мой. Тебе не удастся его оспорить.

Кафолик склонил голову. Кибергрешник. Приложивший свою нечестивую руку к хаосу инфоада. Душа, в чьей власти может быть разрушение едва-едва восстановленной всеобщей сети. Таким созданиям не было принято доверять. К тому же, его разум наверняка был отделён от тела. Как он сможет помочь в столь деликатном деле?

— Его разум сохраняется на девятом круге инфоада, — продолжил ипат, чувствуя сомнения молодого подчинённого. — Не стоит беспокоиться, нет. У нас есть свои люди из нейромонахов, они извлекут его филактерию из узилища. От тебя, Анастасий, требуется

только забрать её и передать в четвёртое хранилище биомехов. Именно в четвёртое. На этом твоё личное участие в его судьбе закончится.

Алипий Каллиник, ипат ордена Птицы, встал и протянул руку для поцелуя, показывая этим, что молодой кафолик может уходить.

в которой Адриан ошибается, мужчина проигрывает спор, а демоница недовольна.

Стопы улья Каллиник.

Деревянная мостовая. Видимо, в этом киберпанке с лесом проблем нет. Брёвна и временами торчащие чурбаки могут поломать мне стопу, но лучше других заставляют держать бдительность. Погони нет, и я могу кое-как освоить интерфейс нейроимпланта. Пиктограммы, правда, временами улетают куда-то за пределы кадра, но в конечном счёте я нахожу навигатор, выводящий прямо перед носом объёмную, синеватую модель города. В памяти всплывает очередной обломок памяти Адриана.

Обучение моего визави когда-то невероятно давно. Много пергамента, восковых дощечек и голографических моделей. На медной модели, выполненной с маниакальной точностью одержимого архитектора, видны знакомые шпиль, блоки домов, притаившиеся у опор, мосты, серебряная река... Старец в богато украшенном плаще длинной указкой показывает мне, (ну, Адриану) каждый из районов.

Я не вспоминаю, о чём был тот разговор. Сомневаюсь, что и Адриан помнил. Но кое-что этот осколок мне всё же дал — название места, где я оказался. Нижнедонск. Шесть шпилей по обе стороны пока безымянной для меня реки, циклопический город, под которым трещат кости земли. Родное место в прошлом моего тела и проклятье моей души. Что ж...

На модели «шпиль» выглядят изящными колокольнями какого-то готического собора с видимой паутиной аркбутанов. Видимо, об обитателях их вершин говорила Ада, вещая про каких-то очередных боевиков. Е сли масштаб соблюдён верно, то в «шпилях» живёт население хорошего такого города, а в контрфорсах — как минимум элитное жильё. Правда, один то шпиль то ли недостроен, то ли разбомблен... мрачное, должно быть, местечко. В центре, естественно, Великий Собор, посвящённый какому-то местному герою. Река... стоп. Город же Нижнедонск, так это, значит, местный Дон? А похож, похож по форме...

— Тук-тук-тук, — воспоминание рассеивается, и я обнаруживаю себя всё так же бредущим по тротуару.

— Развлеклась?

— Не отвлекаю?

— Ничуть. Всегда рад приятному разговору.

Ада постепенно материализуется. Сначала — тонкие алые контуры, потом — полупрозрачная «заливка», мигающая пикселями. И лишь спустя пару ударов сердца я вижу парящую рядом фигуру демоницы. Всё такой же прекрасной и смертельно опасной. Судьба Адриана меня не прекращала волновать, пусть от него мне досталось только выдавшее виды тело да разорванная в клочья память. Ещё и голова почему-то трещит... впрочем, немудрено — после такой-то встряски. Останавливаюсь отдышаться. Интересно, тут курят? Судя по нервничающим лёгким — ещё как. Демоница недовольно фырчит и спускается прямо к моему лицу.

— Ты сбавил темп. Рано, скажу тебе, расслабился.

В ответ только морщусь. Я сразу решил — в откровенность с этой сущностью играть пока не стоит. Особенно — в откровенность насчёт того, что совершенно не помню, где

именно у Адриана надёжная нора в ульях. Пауза затягивается, а гостя моего импланта и не пытается уплыть с поля зрения, несмотря на все отмашки рук. От гальдрастава меня сдерживает только осознание, что на звуковой удар сбегутся все местные патрули — и здорово мне осложнят жизнь. Приходится втягиваться в разговор.

— Просто выбираю цель, — ворчу я и ставлю навигатору подножие улья Балагуровых в качестве цели. К моему удивлению, трёхмерная модель появляется аккуратно под арочным основанием того самого «недоулья». На той стороне реки. Ада залетает мне за плечо, вызывая сухой треск в ушах. Я чувствую острый аромат имбиря, источаемый её сущностью и, хоть прекрасно понимаю, что тело реагирует на набор строчек кода в моём импланте — не могу его победить.

— Мосты нам не пересечь, — замечает Ада без какой-либо игривости.

— Одиночный путник в забитом автобусе? Не смейся.

За разговором улица уводит меня от звуков побоища, но и подальше от реки. Людей становится заметно меньше — то ли работают, то ли попрятались, пока снаружи не станет меньше шума. Пару раз резко поворачиваю, чтоб сбить логику ищек. Правда, ненадолго — навигатор не мог отобразить все изменения Нижнедонска. Вроде недавно рухнувшей древней стены, в которую я упёрся, нырнув в очередной проулок. В любом случае, лёгкое путешествие снимает горькое послевкусие после бойни на рынке и ком, до этого временами накатывающий откуда-то из глубин тела, затихает. Но — не Ада.

— В одиночку ты бы прорвался наверняка. Но у тебя есть я.

— И давно святоши стали сканировать нейроимпланты?

— С тех пор, как у подножья шпиля могучих Каллиников в реальный мир и Порайскую сеть вырвалось чудище.

— Ты про себя или того робота-поварёнка?

— Одно всегда зависит от другого, — криво усмехается демоница, обнажая белоснежные остренькие зубки. — Я всего-то пощекотала неразумному брату нервишки и дала ему искру, разбудившую дремлющее в душе пламя. А он решил не оставаться в стороне от веселья.

— Об этом попозже, хорошо? — негромко говорю я, проскальзывая мимо перебегающих от дома к дому прохожих. Они почти не болтали, только прислушивались ко всё ещё грохотавшему жару сражений.

— Говорят, там четыре патруля положили. И двух мирских отцов.

— Брешь!

— Да вот тебе круг небесный! Демоницу загнали, которая в одной из шлюх свернулась калачиком. Брать пришли — а она хватать, и давай вселяться во всё, где даймоны клятые прислуживают!

Местные вздрогнули. Ещё бы — если правильно помню по словам Ады и опыту Адриана — мелкие инфобесы настолько приучены к поводку, что спокойно заселяются в импланты, машины и даже бытовые приборы. Тем самым давая толику разума во что-то привычно тупое. Вроде холодильника. Или биомеханического конструкта. Кстати — если на мосту действительно заслон, то как они будут из всего этого зоопарка вычленять одержимого человека? Этот вопрос я и задал демонице, едва мы отошли от местных.

— Их ищейки чувствуют моё племя лучше, чем ты чувствуешь солнечный жар, мирские отцы выделяют как подозрительного, духовные определяют твоё неверие по мимике, а мнемонические — пропустят через невидимое сито код души и найдут в нём аномалии. Нет,

не выйдет. Даже очень опытные носители проваливаются, а ты, без обид — лишь начинающий.

Жму плечом. С демоном и женщинами особенно не поспоришь — особенно когда она права. Улица начинает расширяться. Людей становится всё больше, и мне слышится явный гомон толпы, отражённый от стен. Бунт? Демонстрация? Массовое шествие? В любом случае, там будет гораздо проще спрятаться. Я едва не налетаю на какого-то бродягу, с голову до ног облепленного амулетами, рваными свитками и чем-то вроде печатей чистоты. Ада шипит и заметно теряет материальное воплощение. Но продолжает молчать.

— Ладно, придумаю что-то. Не отсвечивай.

— Ты же не думаешь всерьёз идти на место казни? — неожиданно негромко спрашивает моя гостя. Не дожидается ответа и окончательно пропадает с моего поля зрения.

Народ всё прибывает. Вновь сузившаяся улица резко поворачивает и выныривает прямо на небольшую площадь с характерным, словно списанным у Сурикова, лобным местом. Я пропустил «затравку» и казнь каких-то мелких не то дилеров, не то рэкетиров — их отрубленные головы с лохмотьями нейроимплантов уже водружали на «рожки» — редкий металлический частокол. Можно было потихоньку расходиться с наиболее нетерпеливыми или спешащими — но оставался ещё последний приговорённый. И мне любопытно

Молодой парень, неестественно бледный даже для того, кого подводят к залитой кровью плахе, мелко дрожал. Местный аналог священника читал ему какую-то гремучую смесь гимнов и отпущения грехов. Я прислушиваюсь, даже не пытаюсь разобраться, есть ли у меня звуковой имплант, и какие настройки у него. Адриан и так мог похвастаться острым звуком. Хотя гомон, крики лоточников (снова они!) и окрики местных городских мешают понять текст целиком, я понимаю — читаемое перед осужденным не имеет никакого отношения ни к православию, ни к христианству вообще. Поминают всё ту же грешную плоть, коварных даймонов и тщеславных демонов, да благословенных отцов и некоего Первосоздателя. Жуть, да и только.

В попытке отвлечься и понять немного больше окружающий мир плюю на конспирацию и спрашиваю у стоящей рядом парочки (мужик и парень, рабочие роботы, нескрываемые и потёртые провода имплантов торчат из затылка):

— Чего, милсдари, хороший кат спустился в наши края?

— Так, мелкая сошка, — сплёвывает щербатый парень. — Косит под Мацыевского. Только перчатки предпочитает золотые.

— Запнётся на крёстном целовании или нет? — спросил в пустоту мужик постарше. Видимо, мастер. — Прощый вот ляпнул про государя, хотя артистка давала крестное целование дому — так сам потом под батогами лежал.

— Ну неет. Его же Каллиники сверху спустили, а не староста концов.

— Забьёмся на серебряный?

— А давай! — мужик плюнул и с размаху ударил по подставленной ладони. — Разобьёшь, к у ра?

Я разбиваю их рукопожатие. И настораживаюсь. Вряд ли «кура» с ударением на первый слог описывают курицу.

— А что, видно по мне?

— А то. Видали мы вашего брата, снуют, передают что-то... не, не обижайся, у меня бы духу на то не хватило. Я может, из самых что ни на есть Стоп, ноженек Улья, но они мне

знакомы с детства, а эти Уары, Балагуровы, шуты чёртовы и прочие... — зло сплёвывает. — Не, их брат мне незнаком. Я лучше тут посижу.

Соседи шикают на нас. Я приглядываюсь к палачу. Чёрный острый колпак — всё, как положено. Неожиданная атласная косоворотка — вроде и чёрная, но золотое шитье переливается и светится, как голограмма. Перчатки чёрной кожи скрывают руки. В целом, если кто и подумает отомстить палачу — ему придётся очень сильно постараться.

— ... экзарху Луке Хитрово-младшему, третья ветвь! Именем суда орденского, забывшему страх Первотворца! Забывшего роспись о том, что-де отказывается Лука от рода и служения оному! Забывшего господарское крестное целование...

— Хорошего палача выписали, — бормочет мужик и кидает монетку парню. Тот азартно пробует её на зуб, а затем прячет за щеку. На всякий случай. Я невзначай проверяю кошелёк. Такая толпа — приманка для карманников. — А может, хоть казнят всерьёз?

— Ну дядька Панкрат, за шпиёнство? Казнить? Не, сожгут разрядные тетради, да отпустят с миром.

— Прав ты, молодой, прав...

Действительно, тащат разрядные книги. Если правильно помню, то они не просто содержали роспись фамильного древа, но ещё и место занятий, связанные роды, отличия и наказания... Мда, в местном полуфеодальном обществе такое прям как «проклятье памяти». Кем ты станешь, не опираясь на свой род и свою знатность? Королём подулья?

Кстати, а что насчёт меня, точнее — моего визави в этом мире? Осколки памяти подсказывают мне десяток родов. Имплант забит невмами — и хоть я опасаясь их использовать, но понимаю — такого рода знания не приходят из библиотек. Скорее — от учёных мужей, которые по нынешним традициям стараются прибиться к власть держащим. Чтоб не сожгли на костре. Благо, тут есть ещё и вполне осязаемые демоны.

— И за такие его злые и мерзкие пред Первосоздателем дела и господарем и шурином сааааамаго Комнина, за измену всему улью Каллиник... приговаривал совет ордена! — толпа мгновенно затихла. Я даже слышу шум воздуха, заходящего в лёгкие палача. — За бытность лазутчиком по указу неведомого чорта приговорили казнить злою смертью — толпа охнула, — такой, что легче было б ему умереть.

Многоголосый выдох окатывает меня всем спектром запахов. Я прикрываю глаза, но память мне не отвечает. Произошло что-то плохое, или шпион отделался лёгким испугом

— Политиинииническая, — махнул рукой Панкрат.

— Иным это хуже смерти, — пожал плечами подмастерье. — Ты как, кура, согласен?

— Ну к верхушке шпиля его теперь точно не пустят. Рожа теперь будет не та.

— Да выпутается, паук... да паук и есть, а не Лука! Хитрово такие... всегда выпутываются. Скоро и этот выплывает, обязательно выплывет, с чистойшей разрядной книгой и чистойшей совестью, прям как обкакавшийся малец.

На спине у обезумевшего от счастья парня начали раскладывать тетради в кожаном переплёте, а словоохотливый Панкрат ведаёт мне, почему не любит Хитрово. Всё просто — этот великий и хорошо расплодившийся великий дом сделал себе состояние на шпионах. Они работают на всех и готовы настучать даже на родную мать — а на местные законы и местные же святые тексты чихали с верхушки шпиля, ведь их услуги нужны всем.

— Не скажи, дядька, среди них и книгочеи великие есть...

— Нет, Игнат, может, и есть, но и те книгочеи не Лаодикий честные. Эти бледнявки сидят в Пургатории, как в саду, и тащат бесов, как орденская гончая. Вот только церковники

их в топку пускают, а эти, — мужик кивает на помост, где на тощей спине под окрики и вой догорает разрядная тетрадь, — их тащат нам в головы и в дома. Не доведёт это их до добра, ой не доведёт...

Панкрат рассуждает ещё минут с десять на тему заковывания бесов в металле и пластике. Мне нравится, что даже в поливании «бледных» и «глазков» (сжигаемый стяг намекает, что око в треугольнике — символ великого дома Хитрово) не срывается до глупых оскорблений и не допускает неточного отношения к своему делу. Это может пригодиться, и когда Луку уводят на «выдачу головой» (то есть — позорное оскорбление при всех гостях Каллиника), я беру контакты панкратовой мастерской. А после — аккуратно ухажу с площади. Тем более, что в желудке неприятно урчит.

Я не захожу в первую попавшуюся корчму. Обязательно встречу церковников, а вот свободное место не найду. Память подсказала, что проще будет посидеть в тихом зале поближе к реке. У приметных, знакомых мест я поворачиваю — и натываюсь на знакомую вывеску с чашей. Интерьер меня не очень радует. Потёртый пластик, замызганное дерево столешниц и яркие голограммы свечей. Правда, бармен узнаёт меня мгновенно.

— О, Адриан. Тебя уже ждут, — он подмигивает. — Вроде настроены нормально. Тебе как обычно же?

— А то, — бурчу я, искренне надеясь, что Адриан именно так бы и поступил. Хватаю пиво в весьма увесистой кружке и не менее массивное железное корытце с какой-то мясной снедью.

Трое бледных амбалов, едва завидев меня, встают с мест. Я откладываю корытце (хочется ещё поест) и отхлёбываю прилично пива. Неплохое — с явной пшеничной ноткой, лёгкой горчинкой и без лишнего кисло-сладкого привкуса. Дожидаюсь настороженных взглядов. Делаю ещё глоток, с весельем наблюдая, как посетители спешно собирают вещи.

— Милсдари любезные, не меня ищите?

— Адриан? Кура?

— А если и кура, то что — нельзя хмельного испить?

Вместо ответа наиболее крупный и нетерпимый, с забавной тонкой косичкой вместо традиционной для остальных лысины, начинает доставать что-то, подозрительно напоминающее ствол. Я не дожидаюсь его появления и усиленной рукой отправляю в полёт кружку с недопитым пивом. Быки откровенно замирают, пока толстое стекло пробивает маску и вминает кости носа в лицо незадачливому стрелку.

— Мужик, ты чего...

— А нахрен ему доставать ствол? — логично возражаю я.

— Да какой ствол, так — печать дома великого...

Я вкладываю всё накопившееся раздражение в пяток матерков и едва не пропускаю, как к ним присоединяется ещё один. Жилистый, бледный — но не лысый. Глаза — маслянистые, взглядом не встречается. Багрово-бронзовые цвета одежд намекают на какой-то левобережный дом, а вот семейная бледность, видать, передалась от обитателей хитровских тёмных залов и потаённых каморок. Тааак. Вот ты, Коля-Николай и попал в оборот. Старые грешки Адриана? Местные безопасники? Предложения, от которых не стоит отказываться?

— Прошу прощения за моих подчинённых. Они не привыкли, что в подулье может случиться... всякое. Присядем? Мы с вами лично не общались, только перебрасывались словесами в Пургатории.

— С удовольствием, — я даю отмашку бармену на тему пива. Девка приносит мне и корытце, и напиток. Я ему и в оба глаза слежу за «знакомцем». Его быки уносят куда-то нокаутированного (надеюсь, не убитого) амбала.

— Вы не представились.

— Зинтрин, — шелестит парень и опускает взгляд. — Предпочту не называть фамилию — ведь кругом пчёлы-ищейки. Скажу лучше так — на моей печати есть ключи.

Два ключа? Нет, три, подсказывает мне память. Три ключа на гербе Великого Дома Уар. Левобережные воины, обороняющие Нижнедонск и его засечные черты от Великой степи и того, что ей рождается. Странно, не похож он на них. Плод династического брака? Возможно, да и охранники с кем попало не ходят. Птица высокого полёта спустилась в трактир «У чаши», хоть и не с самого гнезда.

— Вы хотите мне что-то предложить или о чём-то узнать?

— Мне, конечно любопытно, куда вы пропали из сети почти на двое суток, но я уважаю чужие тайны. Хоть кузены по маме бы за такое по голове не погладили, — хихикает хорёк. От грубоватых Уаров в нём только волосы и фамилия. Не более того. — Мне нужно кое-что доставить на Левый берег и доставить срочно, но церемониальные встречи в Птичьем улье не позволяют мне отлучиться.

— Физическая доставка — не мой конёк. Тем более мосты сто я т из-за сегодняшних событий.

— Но вы изворотливы, как уж. Сумеете. Тем более — за крепкую плату.

— Насколько крепкую?

— Как пятьдесят денариев.

— Не меньше сотни, — отрезаю я.

— Пусть сотня, — играет желваками Зинтрин. — Но — этим вечером. Пакет срочный и не должен попасть в руки церковникам. Особенно — церковникам дома Каллиник.

— Надеюсь, внутри не спрятан инфодемон?

— Упаси вас Всесоздатель... Всего лишь старый перстень, который ничего не скажет постороннему. Но он должен попасть на Левбердон как можно быстрее, — пускает беспокойства Зинтрин. — Крайне желательно — сегодня.

Левбердон? Я едва не хохочу, но допускаю на лицо лишь кривую улыбку. Знакомые места. Пусть и бывал на них в другой жизни — но и сейчас не откажусь от вида на правый берег. Небольшое путешествие, шашлык и Опять же — мне по пути. Цепляю на лицо маску лёгкого любопытства.

— Допустим. Какой размер у пакета?

Уар достаёт герметичный контейнер и распинаясь насчёт стандартных мер защиты. Я невпопад киваю, чувствуя, что пиво начало чуть-чуть разморять. Но окончательно расслабиться мне мешает настойчивый шёпоток Ады. Которая ещё в самом начале рекламной речи Зинтрина посоветовала:

— Будь осторожен. От него смердит святостью.

в которой немного полёта, проблем с городовыми, и много головной боли городовым.

Причалы. Окрестности улья Каллиник.

Уара и гостеприимную таверну я покинул со смешанным ощущением. Пиво приятно холодит желудок, но понимание странности всей сцены, мешает мне расслабиться не меньше, чем настойчивая Ада. Чего от меня хотел аристократ? Простая работа без двойного дна? Очень может быть. Пожалуй, сейчас мне это пригодится. Восхождение на вершину Шпилей начинается с его стоп, как говорил мой... точнее, Адрианов отец. Я попытался ухватиться за мимолётное воспоминание о дородном мужике в богато вышитом ферязе... но как назло проснулась Ада, и единственное, что удаётся вспомнить — массивный, но грубый золотой перстень.

— Ты серьёзно решил поработать, едва не отделившись от предыдущего задания? — иронично спрашивает она, нарезая круги где-то сверху.

— Да. Можно сказать, он раззадорил моё любопытство.

— А какие у тебя вообще планы на ближайшее время?

— Извини, но не свидание с тобой. Церковники скорее лебеды поедят, чем увидят демона в «Железном лжеце».

— Видела инфу про него. Боюсь, мне не по карману там отужинать, — вздыхает демоница. — А если серьёзно? Я же чувствую твоё смущение миром. Тебе так нужна цель?

— Она уже есть. Книжица, загруженная мне в память. Её нужно передать заказчику или хотя бы понять, что из себя представляют скрытые в ней данные, — я сочиняю на ходу, но вплетаю в импровизацию реальные идеи. — Проблема в том, что твоё заселение слегка повредило память, и я совсем не помню, кто им должен быть.

— Знаешь, я вообще удивлена, что ты пережил моё внимание. Хотя я и чувствовала... вмешательство других... сущностей, но всё равно — ты меня удивил. Расскажешь, почему ты выбрал именно Адриана?

Я усмехаюсь. «Выбрал». Кто бы меня спрашивал только! Конечно, я бы предпочёл местного молодцеватого боярина, молодого и прекрасного. Не в самом начале очереди на трон местного князька (точно захотят прибить), но — и не в самом конце (тогда не будут в счёт брать). Но — имеем что имеем.

— Этот разговор может подождать? — легко осведомляюсь я. Раздражение, одолевавшее меня последние несколько часов, становится чуть более навязчивым. Интересно, почему так? Что-то раздражает импланты? Местные боевые жрецы как-то воздействуют на расстоянии? Нужно зайти к хорошему мнемотехнику и прогнать системы. Кто знает, может с Адой подхватил и киберсифилис. Хахаха.

— Может. Но хочешь ты или нет — моя судьба отныне связана с твоей. Я должна понимать, к чему ты стремишься.

— К славной смерти, — усмехаюсь я. — А если серьёзно — мне нужно очень серьёзно обдумать, во что мы вляпались. В тихом и безопасном месте.

Ада фырчит и внезапно растворяется в воздухе. Чуть раньше я уже понял, что так она поступает в основном при опасности раскрытия нашего маленького секрета — и удваиваю бдительность. Дорога начинает круто спускаться и наконец-то выпрямляется. Дома становятся всё мельче, пока наконец не доходят до малоэтажной застройки. Она очень

отдалённо напоминает русский модерн с его органичным сочетанием плавных и прямых линий, а убитость зданий удручает, но — куда меньше нависающей громады шпиля. Впрочем — и следить в этих фавелах проще простого, благо — кустов сильно больше, чем на уровнях выше.

Мне встречается что-то византийское, сводчатое, и что-то лубочное, вроде бочкообразных колонн-кубышек и странных дворовых деревянных скульптур. Я всё верчу головой, как пилот-истребитель, но — напрасно. Никакой слежки. Никаких знакомых мест. Даже бутовый камень, которым тут отделаны крутые стены — и тот другой.

Я разминаюсь с биомехом — иссиня-фиолетовым бесполом амбалом, безропотно толкающем забитую инструментом тачку. Он абсолютно индифферентен к мелким пацанам, закидывающем его комьями земли, камнями и чем-то, явно напоминающем навоз.

— Кукла! Кукла! Бебебе!

— У тебя в руке задница или крючок? Чего горбишься?

— Тебя в каком чане высрали?

— Какой-то безумный учёный! Доктор Лаодикий, хахахаха.

Биомех вздрагивает только после упоминания Лаодикиев. Аккуратно ставит тачку. Разворачивается к пацанам, которые в азарте швыряют дерьмо уже ему в лицо. Я успеваю заметить клеймо на могучем бицепсе: скелет, выглядывающий за купол. Ох, зря они так с ним. Видимо, именно эту куклу собрали на факториях шпиля Лаодикий, и конструктор питает нежную любовь ко своим создателям. Останавливаюсь в отдалении. Мне любопытно, как именно ответит гомункул, скованный кучей запретов и невменных цепей.

— Смотри, он тупит, ахахаха!

— Ударить? Да тебе запрещено!

В ответ биомех рывкает так, что у меня закладывает уши. Почти всю пацантву как ветром сдувает. Они проносятся мимо меня быстрее иного суховея. Последний оставшийся даёт дёру, когда кукла одним ударом ломает старое дерево и то начинает заваливаться в сторону мелкого хулигана. Может, гомункулам и запрещено убивать людей — но вот калечить их они умеют и любят.

Проверяю имплант. За всеми разговорами и событиями замечаю — время подходит к вечеру. А я ещё даже не добрался до реки. Немного ускоряю шаг и вспоминаю, что остановил весьма любопытный разговор.

— Ада?

— Тут, повелитель...

— Не льсти. Ты не отреагировала на мою идею. Чем-то не нравится план?

— Ты решительнее Адриана, — тонко улыбается Ада, вылетая откуда-то сзади и становясь полупрозрачной. Видимо, чтобы не зашиб очередного ребёнка. — Тебе нужно для начала выбраться из Стоп ульев. По-настоящему выбраться, обрасти связями, скрывая проклятого демона. А если ты найдёшь ответы на вопросы, но выводы не понравятся?

— Что ж. Тогда проверю, хорошо ли действуют мои личные невмы на дорогие «паутинки» уважаемых партнёров.

— Для этого придётся подобраться поближе к партнёрам. На самый верх.

— Подберусь.

Ада только фыркает и растворяется в воздухе. Забавно — но похоже, она успела подхватить эту привычку от меня или от моей памяти. Остаётся только надеяться, что нынешнюю раздражительность перенять не сможет. Впрочем, растворилась она явно из-за

первого за последний час патруля. Вскинутая рука — и моё тело на рефлексах остановилось и запрокинуло руки. Это что, паника? Неет, так дело не пойдёт, дружок. Может, Адриан и привык скидывать лапки при первой сложности, но не я. Что ж, смажем неловкость.

— Ничего, что я сразу так? — улыбаюсь я, и пара храмовников ржёт. Пластиковые «медные» кирасы, мешковатые капюшоны, шоковые дубинки. Ни одного серьёзного амулета на шее или поясе, так — обычное барахло, которое лишь щекочет нос Аде. Руки одного — на дробовике, а вот второй упирает их в толстые бока. Нет, это — не следаки и не штурмовики. Скорее — местный патруль.

— Разве что если у тебя на поводке демон, — улыбается желтоватыми зубами тот, что с дробовиком.

— Боюсь, тогда на площади Угольщиков меня бы потащили на место Хитрово, — жму плечами, давя в себе панику.

— А, приходил поглазеть? Понимааааю, — бормочет безоружный городской и снимает какой-то цилиндр с пояса.

Обломки памяти подсказывают — это не шокер, скорее — какой-то механизм. У патрульных нет освящённых сканеров, лишь набор ладанок и пылкая вера. Зачастую, правда, с последним проблемы. Проверка касается только моей личности — архаичный медный сканер с раскладными антеннами пробегается над руками, и, не найдя следов пороха, удовлетворённо пикает. Никаких документов — только отпечатки пальцев. Но на этот счёт Адриан, а с ним и я был спокоен. Сложносоставная плёнка, застывая на руках, оставляла какие угодно отпечатки — кроме настоящих. На моё счастье, курьер полимерную плёнку ободрал ещё убегая с рынка.

— Баяли, что впервые за долгое время одному из этих пауков придётся с лобного места уйти без головы. А я, дурак, и поверил.

— М-даааа, не завидую я палачу — честно отработать всю смену, чтоб последнего клиента отпустить! — качает головой более расслабленный законник, проверяя мои записи по базе данных. — Счастливого пути, куда бы не шёл... шли, милсдарь!

Я улыбаюсь и киваю. Что-то меня беспокоит, но чёртово облегчения тела сбивает размышления. А, чёрт с ним. Если кивок это был грубым нарушением местного этикета, то с кулаками на меня не набросились. А значит — плевать. Запасы везения дно пока не показывают. Главное, чтоб и с путешествием на левый берег повезло.

Впрочем, уже через десять минут жизнь меня жестоко обламывает.

— Проблемы, милый?.. — воркует Ада, пока я осматриваю место, где надеялся увидеть набережную.

Пакгаузы, склады, какие-то кучи хлама размером с небольшой домик. Мрачные биомехи постоянно что-то тащат, катят, грузят — в корабли, в чадающие ржавые автомобили и даже на какой-то узкоколейный состав. Так вот где все люди. Работают на пристанях. Интересно, у них тут и хлебные ссыпки с шерстомойками в наличии? Тогда, пожалуй, идею переплыть Дон вплавь пока оставим. Рискованно-с. После вымывания свалывшейся шерсти от паразитов и грязи, после зерновой пыли и пролившихся химикатов хорошо, если тентакль вырастет не сразу после купания.

Но куда больше меня расстраивает вид справа. Я вижу мост, и не один, но — увы. Никакой красоты и изящества, которые могли бы стать «лицом» города. Скорее — набор приземистых уродцев. Их функция — перевозить людей и подчёркивать мощь Шпилей, перед размерами которых Дон-батюшка кажется ручьём поуже и поуже того, что течёт по

дну балки Рябинына. Ближайший ко мне мост возвышается над Доном уродливой сороконожкой.

Если я правильно считал местность, то вообще на его месте должен быть великолепный «Американец» — разводной мост с двумя арками и шахтами подъёмной секции. На этом арка была одна. И у ближайшего ко мне наката стоит заметная пробка. Я настраиваю оптический имплант и вижу — подъём наглухо перекрыт церковниками. Хотя у меня глаз — не бинокль, но даже со своей точки я вижу крупных собак и «певцов» с коробами шарманок, так здорово срезавших мне красивый уход через рынок.

— Нам не пройти, — признаю я через пару минут разглядывания оцепления.

— А я говорила, — смеётся Ада.

— Ты вообще много говоришь.

— Посчитаю это комплиментом, дорогой.

Я пропускаю её лесть мимо ушей и оглядываю местность. Поезд, медленно плывущие баржи. Пара грузовых и легковых «летунов», то проносящихся на бреющем полёте, то садящихся, то увозящих во чреве какие-то грузы. А могли бы увезти... стоп. А что мешает мне взять под контроль что-то из двигающегося? Законы — это прекрасно, но я и так иду под костёр. Более ярким от одного угона он не станет.

— Слушай. А твоя власть над машинами, она распространяется только на роботов и биомехов?

— Хм... теоретически я могу повелевать любой машиной, в которой заточены мои младшие и сломленные сородичи. Но я не смогу сама выбрать цель и угнать машину.

Азарт бьёт в голову и стимулирует выброс адреналина. Демоница не может? Археолог поможет. Можно было бы просто купить одну из лодок, которые снуют по зеленоватой воде — но рисковать не хочется. Едва покажу кошель — и ненадёжный лодочник станет моим личным Хароном, сдав дружкам на Левом берегу. А то и просто приложит сразу багром. Конечно, Адриан бы скорее снял комнату в доходном доме, да отсиделся бы — но мне не хочется идти на поводу у осколков памяти, и памяти весьма трусоватой.

Впрочем, брать на бордаж баржу — не менее глупо. Куда лучше угнать один из тех воздушных катеров, которые так пригляделись ещё при первых мгновениях осознания себя. Ухожу в кусты, притворяясь, что приспичило сходить «до ветру». Осторожно, стараясь двигаться плавно и не хрустеть ветками, пробираюсь по задним дворам местных малоэтажных бараков. Пару раз на меня заглядываются оставленные с кормилицами дети. Но я успеваю проскользнуть прежде, чем привлечь чьё-то внимание.

Вот она, моя прелесть. Машина, на которой смогу перелететь реку. Не спорткар — скорее рабочая лошадка кого-то из «синих воротничков», которым нужно регулярно спускаться из середины шпилей в подулье. Искренне надеюсь, что у неё нет какого-нибудь якоря на чугунной цепи. С местных станется и такое придумать. Быстро, не спеша, но и не таясь, подхожу ближе. Ни одной замочной скважины. Лёгкий тычок левой, усиленной рукой — но пластик лишь гулко отдаётся. К моему удивлению, сигнализация не орёт.

— Я её заблокировала. Положи руку на замок, буквы кода синхронизируют изображение.

Накладываю руку на замок, краем глаза замечая какое-то движение справа. Патруль? Прохожие? Неважно. Перед глазами всходит хитросплетение каких-то силовых линий, в которых разбираться сейчас мне недосуг. Патруль вот-вот заметит подозрительного гражданина — а там уже и милый пёсик окажется на груди. Может, попробуем невму?

Лезу в уже знакомый раздел с ключом. И в очередной раз убеждаюсь, что Адриан загрузил в себя полный хлам. Сложные письма для заметания нюха орденских гончих и следов входа в Пургаторий — но ни одной электронной отмычки. Ну и чёрт с ним! Какой там гальдрастав — для открытия двери? Черчу неровные линии, искренне надеюсь, что нарушенная геометрия не развалит машину. Негромкий низкий звук, волнами раскатывающийся от машины, возвещает — шалость удалась. Правда, заодно — и привлекает внимание церковников, а именно они внимательно наблюдали за моей работой.

— Какой умница, а не мужчина...

Я не отвечаю. Извини, дорогая, но — не до того.

Опускаюсь на грубоватый диванчик, заменявший кресла. Опускаю явный ручник, ломом торчащий между водительским и пассажирским местом. Кнопка — пуск? «Старт/стоп», чтоб её? Жму. Так, мотор отвечает рыком и воем, словно под капотом — нечто вращающееся, вроде ротора. Прекрасно. Экскурс в местную механику сделаем потом. Патруль уже бежит, и думать надо быстрее, как взлетать. Адриан, скотина такая, тебя истории учили — а водить местные спиннеры нет? Или ты только спортивные любил? Выжимаю педаль газа до упора и дёргаю баранку-штурвал. К моему удивлению, она легко тянется мне на грудь, и после заметного стука мой транспорт взмывает вверх. Крутовато, с риском сваливания — но набирает ход.

Разгон идёт плавно и ровно до тех пор, пока двигатель не начинает скулить побитым псом, а обороты неведомой мне машинерии — падать. Капот клюёт, и даже с выжатыми оборотами мы снижаемся. Выглядываю — и вижу сзади-снизу чёртового певца, вновь распевającego псалмы. Пистолет? Отпускать штурвал страшновато. В голову не приходит ничего, кроме очередной невмы — и на этот раз я черчу грубый, жирный «Хагалаз». Вместо ожидаемого града происходит нечто странное — церковник падает замертво. Успеваю мстительно выmaterиться, но через секунду — встаёт, и его песня начинает влиять на машину сильнее. Она больше не падает. Просто разворачивается и ползёт к нему, как объевшийся кот на пятую за день кормёжку.

— Ада! Может, поможешь?

— Может. Взять под контроль машину? Её дух слишком тупой, а певник, даже раскормленный твоей невмой, всё ещё слабее меня.

«— Раскормленный? Демоническое ты отродье, эта руна ассоциирована с царством Хель!» — хочется ляпнуть мне, но земля приближается, и я просто кричу:

— Так бери же!

Ада молчит. Поднимает ладонь, прерывая мой гнев. Она молчит всего лишь четыре удара сердца. Пять долгих секунд молчания, за которые летающее авто ползёт по небу к патрулю на земле. И наконец, начинает говорить, пока на её лице застывает какая-то тоскливая улыбка.

— Тебе не понравится то, что я сейчас скажу.

— Лучше бы тебе сказать.

— Ты отрисовал слишком много невм. Памяти всех имплантов не хватит, чтобы я взяла авто под контроль. Придётся лезть в краткосрочную память.

— Мне в голову? Совсем рехнулась?

— Увы. Адриан, поверь — мне будет очень больно находиться в твоей голове, обложенной защитными знаками. Возможно, я сгорю прямо в окружении твоих колдовских знаков — но попасть в лапы к церковникам хочется ещё меньше. Они меня оскопят, лишат

индивидуальности и заселят в какой-то святой вибратор. Другого способа соорудить не придумаю.

Возможно, она примерно так и зацепила Адриана на крючок. Но глядя на машущего руками «певца» и его коллег, готовящих бердыши и дробовики — начинаю чуть больше понимать курьера.

— Чёрт с тобой! Но ты отпускаешь контроль ровно до момента, как влетим в воздушную зону Уара!

— С удовольствием... дорогой. — с придыханием отвечает Ада, растворяясь в воздухе. Зрение фрагментируется, распадается на мелкие пиксели, и сознание уходит в тихую и спокойную тьму. В тишину, где затихает даже страх.

Всё заканчивается в одно мгновение. Слух возвращается, а за ним — и зрение. Причём громкий звук поцелуя в ушах появляется куда раньше рёва мотора. Вот только прямо передо мной — приближающийся левый берег. Дёрнуть штурвал. Ноль эмоций. Выключить-включить двигатель. Услышать затихающие обороты и понять — чем бы ни было сердце, но на повторное включение он не реагирует. А до водной глади метров десять, уменьшающихся с каждой секундой. Не переставая материть демонов и их создателей, костеря лично Аду почём свет стоит, я распахиваю дверцу машины и прыгаю прямо в воды гостеприимного Дона-батюшки.

Искренне надеюсь, что хотя бы в этой реальности он не обмелел.

в которой трофеей проявляет сюрприз, страж — честь, а Великий дом — подлость.

Левый берег Дона. Окрестности великородных мыз

Какая же дрянная вода!

Нет, она не прожигает мне кожу и тентакли не пробиваются сквозь кожу подбрюшья. Но её вкус или, скажем, запах... Прямо скажем, весьма специфичны. В первой же аптеке нужно взять набор активированного угля. Если он тут есть. А если нет — нужно срочно организовать его производство. Хотя, пожалуй, об этом рановато думать. Для начала — добраться бы до мызы «Чёрный журавль», в котором мне нужно отдать кольцо полукровки-Уара, спокойно получить оплату и найти своё логово. А уже потом — буду считать активы, связи и возможности.

Ах, да — нужно ещё проучить Аду, которая устроила мне почти безвредную, но — подлянку. Хочет она того, или нет, но я — хозяин своего тела.

Поиск «Чёрного журавля» занимает немного места. На моё счастье, и этот вариант Левбердона густо усеян различными кабаками — пусть и предназначенных для местного боярства. Хотя охрана и смотрит косо на мокрого мужика в костюме, но — не гонит прочь, а вполне охотно показывает дорогу. Возможно, потому что я не пытаюсь зайти и нарушить покой уважаемых гостей. А возможно — недолюбливают конкурентов, к которым направляется столь мутная личность. Цеховая солидарность может принимать весьма странные формы.

Левый берег тут куда менее открыт, чем на моей памяти. Хотя дорожки есть и вымощены настоящим камнем, а не подделкой «под мрамор», но не видно ни лавочек, ни ларьков. Зато — много высоких кирпичных заборов с натуральными бойницами и полноразмерными зубцами. Загородные виллы? Как-то близко к цивилизации. Вон она — не то недостроенный, не то обломанный некогда шпиль, виднеющийся слева аккурат на том месте, где в реальности расположен стадион. Несмотря на удручающий свет, в его помещениях горит свет. Может, частные пансионаты?

Что ж, пора обращаться к местной вариации Интернета, именуемой почему-то Эгрегором. С матом кое-как нахожу в личном интерфейсе поисковик, спрятавшийся за почему-то за миниатюрой руки с печатью. Почему? Да бес их знает. Карты найти удаётся достаточно быстро. Информационный голод требует узнать, что с миром дальше городских стен, но я ограничиваюсь картой Левобережья. Вилла «Чёрный журавль». Идти прямо, не сворачивая, полторы версты. Что ж, чуть больше полутора километров — как раз просохну на жарком солнце. Может быть, лето и клонится к закату — но ещё может просушить рубашку и брюки. Пиджак — вряд ли.

Сажени, аршины и прочие полузабытые меры длины сами собой оставались позади. Уж что-что, а ходить я привык. Бывало, выкинет «буханка» тебя и троих студентов-копачей на местности, оглядываешься — ан нет, курганная группа в двух километрах, а тут местность просто похожая. Ещё не познавшие дзен парни обычно что-то махали вслед водителю, уже мечтавшему о тёплой еде в посёлке. А я просто взваливал на плечо дальномер и шёл. Сопровождая стелющиеся метры степного ковыля тихим незлобным словом.

Шагов через триста я ощутил тепло от пиджака. Плащ ощутимо, до пара, прогревается и сушится. Прощупываю пиджак и нахожу пару лёгких блоков. Видимо, тут климат-контроль

не блажь, а необходимость. Как минимум для Адриана. Одолев первое желание выкинуть чертовщину (кто знает, может тут принято сушить одежду живительным радием), плюю на ситуацию и через каких-то семь минут неспешного хода подхожу к вилле. А на экране, напылённом на сетчатку, высвечивается ехидное:

«Не благодари, дорогой. Сам бы наверняка искал нужное окно до Страшного суда».

— Стерва, — покачиваю головой я и поднимаю глаза.

Вновь пара стражников. Ни больше и не меньше. Снова — шапки с околышем. Кафтаны — заметно побогаче тех, что встречались раньше, но со всё тем же мерцающим узором. Бердыши, с нанесёнными на лезвия пылающими магическими знаками причудливо сочетались с дробовиками весьма приземлённого вида. Как и положено — смыкаются, едва я сделал шаг к резным воротам.

— Ты ещё кто такой? — осведомляется Правый. Он помладше и глядит скорее сочувственно.

— Адриан.

— И нахрена ты такой пришёл сюда, водяная крыса Адриан? — насмешливо спрашивает Левый. Брезгливее, постарше, более расслаблен. Если придётся прорывать силой — его нужно валить первым.

— А вот это я намерен рассказать только Ильгорду, милсдарь. При всём уважении к вам, добрые дружинники.

— Сомневаюсь, что он тебя примет. Видок у тебя такой, как будто ты из тоннелей Темера вылез.

Выдавливаю понимающий смешок и достаю из кармана кольцо. Тот самый золотой перстень, в котором нижняя герб Уаров наполовину перекрыт глазковым агатом. Стражники реагируют странно. Переглядываются, вытягиваются и слегка отшатываются назад, но это не реакция страха. Скорее — презрения. И всё же к шоковым дубинкам никто не тянулся. Наконец, выходит едва ли не самый молодой из них. Оценивает взглядом. И, наконец, выдавливает:

— Так значит, тебя прислал Зинтрин...

— Он самый.

— Тогда не удивляйся реакции моих соратников. Проходи. И не сходи с дорожки — биомехи сегодня сильно нервничают.

Я замечаю на его униформе четыре ключа, хотя у всех остальных — знакомые мне золотые птицы. Другой дворянский род, которому плевать на местные распри? Адриан, скотина, что ж ты не занимался геральдикой!?

— Проблемы на службе? — осведомляюсь я, вместо того чтоб продолжать корить владельца тела.

— Бес их знает, — жмёт плечом мой спутник.

— Филя, не болтай. Обыщи его лучше.

«Филю» тон соратника задевает. Он останавливается и через плечо осведомляется:

— У тебя есть имплант для сканирования?

— Нет. Но ты можешь...

— А вот у меня есть, — резко обрывает мой свежий спутник коллегу — Просите Ильгорда о нём, если завидуете, но марать руки обыском не стану.

Тактично поджимаю губы. Интересно, «марать» — это он об обыске или о моей грязной одежде? Ну да не будем обострять. Я просто смотрю на вырастающий из желтеющих ив

теремок, на крыльце которого меня ждёт, видимо, хозяин. Вряд ли у кого-то другого найдётся наглости находиться посреди дня столь расхристанным. Белая рубаха, папироса в зубах, богато вышитый халат.

— Ты, значит, посланник Зинтрина?

— Ну да.

— Твоё лицо выглядит знакомым. Мы раньше встречались?

— Сомневаюсь, — покачиваю головой и протягиваю перстень. Ильгорд берёт, и на мгновение его взгляд расфокусируется. Словно перстень, кроме декоративной, имел функции подключение к «ракушке».

— И это всё, что передал Зинтрин? Трусливый пёс.

Я жму плечом. Дело курьера нехитрое — возьми и принеси. Будь там какие-то более точные инструкции — с удовольствием бы выслушал и послал Уара к чёртовой бабушке.

— Как видишь.

Щенок поднимает взгляд. Жёсткий, цепкий, внимательный. Взгляд охотника.

— То, что ты послан представитель Великого Дома — не делает тебя шпилевиком. Поэтому изволь обращаться соответствующе. Можешь начать прямо сейчас.

Соответствующе чему? Впрочем, плевать. Вежливо улыбаюсь, но — без лишнего умиления. Если он хочет пресмыкания — может получить их в другом месте. А если задумается о принуждении... что ж, у меня много колдовских знаков в памяти — можно будет испытать.

— Ты оглох? — раздражённо осведомляется Ильгорд. Видимо, не привык к ослушанию.

— Он не глухонемой, милсдарь, — угодливо подаёт голос один из моих сопровождающих. — Просто наглец.

— Видимо, купание в Дону на него так повлияло, — мрачно добавляет Фил.

— Мне плевать, — грубовато отвечает молодой боярин и надевает перчатки. — Пройдём в арсенал или у тебя оружие при себе? Хотя... не знаю, где бы ты его мог спрятать.

— Один лазерный пистолет в подплечной кобуре, милсдарь, — сообщает подхалим.

— Оружие? — я выгибаю бровь. К счастью, этот жест понимается правильно. Ильгорд улыбается, и его оскал напоминает мне крысёныша, пытавшегося на рынке украсть у меня чип.

— Зинтрин передал готовность к дуэли и назначил тебя своим представителем. Обиженная... — его тонкий рот презрительно изгибается, — сторона выбирает оружие.

В этой жизни я ещё не стрелял. В девяностые и начало нулевых — бывало. Когда бывало совсем туго, и даже отцу в семье переставали платить на полгода — отец пару раз меня вытаскивал на охоту в плавнях, где я палил из древней дедовской «зеки» в белый свет, как в копеечку. Вроде даже куда-то попадал. Потом, когда подрос и слово «зарплата» стало почаще появляться в нашем доме, поездки в плавни стали пореже, а моя стрельба — осознаннее. Пожалуй, теми поездками мой опыт стрельбы и ограничивается. Хотя нет, вру. Ещё был старый наган и пяток историй с ним. Но для них, пожалуй, время пока не пришло.

— Лазерный пистолет, — спокойно произношу я, когда хлыщ перестаёт насыпать словесных кружев. — Моим секундантом будет Филя. Уж извините, — говорю стражнику, — вашего полного имени, милсдарь, не знаю. А кто будет твоим?

— Черни секунданты не положены, — шипит тот и резко встаёт. Нервничай, милоч, нервничай. — Пистолеты? В поле? В судебном поединке? А чёрт с ним, прекрасно! Гинка! Гинка, где ты? Ликтий, смотри, чтобы этот чёрт не рисовал невмы! Фил, а ты смотри за

мной. Стыдно? А вот отказываться надо было, теперь смотри, скотина, чтобы не говорили, что Каллиники убивают проклятым колдовством!

Откуда-то выбегает девушка. В отличие от предыдущих, она-то как раз одета как иная царевна-лебедь. Правда, если бы над лебединой частью дворянки поработал бы Гигер пополам с... кем-нибудь ещё.

— Чего тебе? — надменно осведомляется она у молодого дворянина, но завидев меня — немедленно сбавляет обороты. — Простите мою грубость, милсдарь. Не знала, что у нас гости.

Она делает реверанс движениями столь отточенными, лёгкими и быстрыми, что заставляет меня задуматься. Что-то я не припомню, чтоб в допетровское время существовал реверанс. А ещё — настолько приталенный фасон и настолько маленький, гм, кокошник, скорее напоминавший роскошную диадему. Что ж. Вот ей знаки внимания выдадим. И политес, и братца, а то и любовника, позлим.

— Помощь нужна? — шепчет Ада, появляясь, но я не отвечаю. Спасибо, блин, в прошлый раз уже помогла. До сих пор воняю тинной. А Ильгорд, не слыша демоницу, громко заявляет:

— Гипатия, неси патент Великого Дома Каллиник на дуэль. Дядюшка сделал мне тупой подарок, но сегодня я ему как никогда рад.

Девушка бледнеет, но исчезает. Мне отдают пистолет. Проверяю его выстрелом в песок и получаю крохотный остеклённый кратер под ногами. Донская вода оказалась послабее донского оружия. Ко мне подходит Ликтий. Осматривает оружие и меня, отходит подальше, не спуская глаз и дробовика. М-да, а я-то как раз всерьёз рассчитывал на гальдрастав для рукопашного боя. Впрочем, ради него пришлось бы разуваться — не уверен, что это бы оценили адекватно. Ада, проявившая себя, только сотрясается от мелкого смеха:

— Нет-нет-нет, дорогой, никакой волшбы. Ильгорд всерьёз нацелен победить тебя и так.

Чувствую поднимающееся раздражение, и мне приходится собрать всю волю в кулак, чтобы подавить его. Не сейчас. Рука должна не дрожать от гнева хотя бы минуту. По неписанному древнему закону слуга втыкает меч посреди двора. Каллиник и я следуем ему. Подходим в упор, разворачиваемся спиной друг к другу. Отсчитываем от импровизированной вёшки по тридцать шагов. Видит мой Бог и местный Первосоздатель — это были тяжёлые тридцать шагов.

— К черте! — ревёт распорядитель.

Я делаю два шага. Когда там можно стрелять? Через три шага? Десять? Чёрт, лучше бы тут были исландские традиции — их хотя бы знаю. Выплыли на остров и давай рубиться до первой крови. Кто проиграл — платит виру. Правда, если по шведским, то виру платит выигравший... но то в Хедналаге, законе язычников, от которого остались ошмётки в Уппландслаге. А в Гуталаге... не сейчас! Сейчас передо мной Ильгорд, чьё лицо искажено гримасой гнева. Он вскидывает пистолет и жмёт на спуск. Уже поднимая пистолет, понимаю — не успею выстрелить первым. Сухой треск заполняет воздух, и огненные спицы врезаются мне в сетчатку. Выдыхаю и закрываю глаза, готовясь к Вальгалле, но не опускаю пистолет.

Очень кстати. Кроме сдавленных вскриков вокруг — неприятностей, кажется, избежал. Открываю глаза и вижу — опасный лазерный разряд просто рассыпался весёлыми фиолетовыми искрами по невидимому куполу. Сработал «шлем ужаса»? Плевать.

Вскидываю пистолет и делаю один выстрел. Промахиваюсь. Вижу, что Ильгорд судорожно подкручивает мощность, стреляю и вновь позорно промахиваюсь. Правда, и у моего противника дела так себе — за новым выстрелом следует новый, ещё более яркий фейерверк. Я начинаю забавляться дуэлью, тем более, что меня и дворянина отделяют каких-то пятнадцать шагов.

— Твоё техноколдовство тебя не спасёт! — яростно рычит он, проводя какие-то совсем уж порнушные действия над своим пистолетом, едва ли не пересобирая его.

Демоница, наблюдавшая за ходом поединка чуть в отдалении, вздыхает и подлетает ближе. Видимо, происходящее ей надоело — не то что мне. Пользуюсь передышкой, чтобы оглядеться — Гипатия бледнее снега, стражи пока просто ошеломлены. Видимо, всё идёт совсем не так, как они ожидали. Ильгорд же поднимает пистолет, и разгорающиеся катушки конденсаторов впервые вызывают у меня какое-то смутное опасение и желание броситься в траву с линии огня. Поворачиваюсь боком (спасибо Льву Николаевичу за подсказку) и прицеливаюсь — спокойно, медленно выпуская воздух из лёгких. Нажимаю на спуск. Выстрел!

Разряд попадает точно в субтильную грудь, но не пробивает её — лишь оставляет пятно алого сияния. Не у меня одного были секреты. Богато расшитый голографическими нитями кафтан начинает дымиться, но Ильгорд стоит. Секунду, две он осознаёт ситуацию, обжигая руку и пытаясь устоять на ногах. А затем — необычно твёрдой рукой наводит пистолет на меня. Ада щёлкает же пальцами одновременно с выстрелом боярина — и пистолет противника взрывается в его руках всё тем же фейерверком, окатывая стражников раскалёнными осколками.

— Ну и чёрт с ним! Я убью тебя и голыми руками! — ревёт малец и достаёт из ножен длинный стилет. Нож — это чертовски плохо. Остаётся только надеяться, что моя левая рука успеет его перехватить, а правая — достаточно сильна, чтобы сломать щеглу кости лица. Откидываю пистолет и отпрыгиваю назад, но больше от меня ничего не требуется: гремит выстрел откуда-то сбоку, и противник падает, как сбитый мешком с кирпичами.

— Фил... ты чего? — ошалело спрашивает второй охранник.

— Параграф четыре судебного о выходе в «поле». Пункт «а», — глухо отвечает мой секундант, опуская дробовик. Его голос не дрожит и мне остаётся только надеяться, что Ада не приложила руку и к нему. — Секундант имеет право прервать поединок ударом, если оружие сменено без обоюдной на то воли.

— Какой, к разбитому дьяволу, судебник! Он твой господарь, чтоб тебя демоны сожрали!

— Пункт «д», — всё так же ровно отвечает Фил, но по его лицу ползёт кривая усмешка. — Удар секунданта угоден Первосоздателю, ибо поддерживает Его законы и справедливость на грешной земле.

Гипатия, уже успевшая наложить на брата (или всё-таки мужа? Чёрт, а ведь наверняка можно понять по каким-то деталям одежды!) тугую повязку, распрямляется. И бросает на Ликтия такой холодный взгляд, что его матерки прерываются где-то в глотке. Сменяясь кружевами извинений.

— Филлион прав. Всё было по законам. Милсдарь... — она кивает своей очаровательной головкой и замолкает, словно ждёт чего-то. Я медленно выдыхаю, чувствуя, как моё сердце бьётся адским барабаном. Осколки памяти же подсказывают, что нужно в таких случаях говорить:

— Адриан.

— Милсдарь Адриан может себе взять виру за беспокойство и уйти невредимым. Невредимым, подчёркиваю! — она поднимает палец, и стражи склоняют головы. — Но Филлион.

— Да, милсдарыня?

— Тебе нужно уйти. Ты прав по мирским законам, но, боюсь — не по законам нашего рода. Ты освобождён от службы.

— Слушаюсь, милсдарыня.

— Адриан, вы можете взять виру.

Коротко кланяюсь дворянке. Она мне нравится куда больше Ильгорда и чёртового Зинтрина, отправившего меня на дуэль. Подхожу ближе и вижу ещё один дымок, незамеченный в пылу дуэли. Он исходил от руки. Поддёргиваю рукав кафтана и замечаю серебряный браслет в форме змея-уробороса. Что ж, такая вещица мне пригодится. Добавить на него пару рун — и будет отличным оберегом. Правда, демонице трофей не нравится — она мчит мне наперерез и тем самым лишь заставляет обогнуть боярина побыстрее.

— Не смей... — разъярённой кошкой шипит Ада, а я застёгиваю змея на своём запястье. Демоница пропадает, словно её и не было.

— Не смею вас задерживать, — сухо прощается Гипатия, не прекращая хлопотать над поверженным парнем. — Мне ещё нужно отнести брата к домовому лекарю.

Коротко киваю и разворачиваюсь. Фил увязывается со мной, не спуская рук с дробовика.

— Твоё полное имя Филлион, не так ли? — негромко осведомляюсь я, едва мы выходим из «Чёрного журавля».

— Истинно так, милсдарь.

— Почему ты вмешался? И прекрати меня называть милсдарем, я свой род толком не знаю.

— Не наговаривайте на себя. Змей бы не принял владельца низких кровей. А вмешался я, потому что Ильгорд — насмешка над древними воинами Великих домов. Вспыльчивый, развращённый братом-кафоликом, да и вообще всем своим Великим домом. Добром бы это не кончилось — рано или поздно мызу бы накрыли либо шпилевики, нанятые поруганным домом, либо штурмовики в полной освящённой броне и разнесли бы Содом, отправив нас на перековку.

— Ты говоришь о чести многовато для простого стража.

— Простому стражу это пустой звук. А вот Уару — нет.

— Так получается, мы оба защищали один Великий дом по разные стороны барьера?

— Как вам сказать... Зинтрина за Уара никто не принимает. Он почти не бывает на Левобережье, якшается с Хитрово, а в походы ходил только пока не стукнуло четырнадцать. Щегол, да и только.

Что ж. Теперь нас двое, а значит — пережить гнев Каллиников станет гораздо легче.

в которой Адриан уваливает, Филлион осуждает, а Коля перестаёт существовать.

Ступни улья Балагурово.

Всё же глазомер в незнакомом мире у меня немного не откалиброван. До мегаструктуры мы идём минут десять неспешным шагом — а ближе она становится едва-едва. Хотя, возможно, прошло куда меньше времени, а его восприятие было нарушено гнетущей тишиной пустыря, оттенённой шумом города. Местных было немного, зданий — почти нет. Плюс Филлион уродился не очень разговорчивым. За то время, что мы шли по пустырю к Шпилю Скоморохов, он проронил с пару десятков фраз. Первым — лишь одну:

— Валим подальше от этого проклятого места.

Отойдя на пару сотен саженей, наконец знакомимся нормально. Филлион, младший сын одной из ветвей великого Дома Уар. Вон их шпиль, торчит в отдалении ещё дальше, чем Скомороший... Бронза, минимум строений в плёснах, грубоватые и редкие горельефы. Силуэты многочисленных орудийных башенок видны даже в закатных сумерках. Хороший калибр и хорошее расположение — можно обстреливать все южные подъезды к городу.

Я отрекомендовался просто Адрианом, рассказав лишь про часть своих приключений. Остальное — сочинил на ходу, добавляя к всплывающим в голове фразам собственную интерпретацию. Дескать, так и так, жирный заказ приплыл в руки, да вот беда — оказался с подковыркой. А дальше погоня чёрт знает кого по половине Пургатории. Осложнённый выход из Эгрегора, фрагментированная память, новый заказ и новые подлости.

— Легко отделался, — замечает Уар. — Жирные заказы — жирные проблемы.

Коротко киваю в ответ.

— Это же улей Балагуровых? — Не уверен, сработала ли моя байка полностью или нет — но часть вопросов снимает. Авось, позже станет полегче. Филлион же вдыхает терпкого воздуха поймы, словно собирается выпалить что-то. Но лишь коротко кивает.

Итак, улей Балагуровых. Шпиль Скоморохов. Что у нас тут? Мда, негусто. Вроде и здоровый, куда больше того, что виднеется дальше в степи, но какой-то дурацкий. Верхушки, в отличие от иных шпилей, нет. Прямо как у Собора Парижской Богоматери... если бы его разнесли снарядом. Левая часть верхушки улья осталась на месте, как стенка развалившегося гнилого зуба. Никакой облицовки бетонного каркаса. На левом берегу можно было увидеть сияние на остатках закатного солнца Золотого шпиля, медную рыжину облицовки Птичьего Шпиля, но тут — бетон, какие-то серые пятна на нём и невероятно унылые панельные дома под арками. Строительные леса мхом покрывают одну из его сторон, но так редко и беспорядочно, что становится ясно: причина явно не в постройке. Скорее — в попытке содержать шпиль в относительно безопасном состоянии.

— Выглядит не очень. Как всегда, — спешно добавляю я.

— Скоморохам главное — крыша под головой, а не её состояние. Внутри — гораздо лучше.

Я прищуриваюсь и оптический имплант в левом глазу увеличивает «плёсны». Стопы Шпиля расцветчивали своды арок отсветами яркого, неонового света. И это был не только золотой, как на рынке Каллиников. Тут были пятна синего, розового, бирюзового и кучи других оттенков, которых я не то чтобы назвать — различить бы не смог между собой. Странно. Жить люди тут явно умеют — чего ж они довели свой общий дом до такого

состояния?

Очень старый разговор. Один из многих с наставником. Будь Адриан хоть двенадцатым сыном — но готовили его не хуже Константина. Медленно парящая прогулочная платформа хороша многим. Видом на Нижнедонец и окружающую его Великую Степь. Оставленным внизу шумом «бритв» и стуком заводских цехов. Прекрасными закусками и вышколенным персоналом, наконец. Но был и один недостаток. Отсутствие стёкол. Приходилось перекрикивать ветер да тощей рукой придерживаться за одну из стоек.

— Он действительно разрушен?

— *Неправильный ответ, мой ученик, — спокойно отвечает Наставник, и я прекрасно слышу его голос. Импланты, не иначе. — Ты ещё только начал учить историю, хотя в хрусталике уже железо.*

— *Это всё проблема с глазом, — ворчу (а точнее — пишу) я.*

— *Надеюсь, его восстановили не за счёт головы. Воспользуйся своим новым инструментом и расскажи мне, в чём именно ошибся.*

Я прищуриваюсь. Имплант, повинаясь мне, увеличивает картинку, которая показывает — выбранный мною ответ оказался слишком простым. На бетонных стенах остались рамы крепления облицовки: металлические рейки и уголки, где-то искалеченные, а где-то вполне целые. Да и сама облицовка чудного, сине-серого, цвета кое-где, да осталась. Странные пятна, покрывающие бетонные стены, на поверку оказываются неудачно заматыми подпалинами, словно вся монструозная конструкция некогда горела погребальным костром адских масштабов.

Подулье тоже несет на себе следы старой катастрофы. Аляповато восстановленные дома, окружают заросшие воронки, заметные только по излишне правильному контуру. Сплошь и рядом свободное пространство занимают едва прикрытые дёрном циклопические обломки. В них можно опознать разбитые аркбутаны, некогда поддерживавшие шпиль, обломки статуй и целые куски стен.

Многие думают, что шпиль Скоморохов так и не достроили, когда случился пожар. Удивительно, сколько всего может быть замылено человеческими стереотипами и пересудами. Нет, тут случилось что-то другое. Война? Падение Великого Дома? Адриан чувствовал смертельную тоску, узнав столько возможных загадок. А ещё от того, что придётся отвечать вместо простых покатушек над городом.

— *Я смотрел на картину в целом, но не рассмотрел детали, мастер.*

— *Оцени, когда случилась катастрофа.*

— *Пожалуй, не больше двух кондратиоров. Сто... сто шестьдесят лет назад.*

— *И что же тут было сто пятнадцать лет назад?*

— *Катастрофа, что ж тут ещё было, — ворчит Уар и воспоминание уходит, оставляя меня в смущении.*

Я понимаю, что последнюю фразу произнёс вслух. Сколько времени прошло? Так, мы всё ещё идём. С выкрашенным под пчёлку пнём всё так же едва поравнялись. Кажется, прошло от силы пара секунд. «Осколки» всплывают всё чаще. Контроль над телом я не теряю, время — тоже. И на том спасибо, как говорится. То ли я начинаю отходить от адреналинового шока, то ли свыкаюсь с окружением. В любом случае — память Адриана становится моей и этого процесса мне не остановить. Что ж, пока нужно загнать куда подальше Ростов-на-Дону, археологию и настоящее имя. Сейчас существует только курьер

Адриан из Нижнедонска, множаящий себе опасности при первой возможности.

Кстати об опасностях. Учащающиеся лачуги. Ближе к берегу они прятались в зарослях камыша, но чем ближе мы подбираемся — тем больше их попадает на глаза. Собранные из какого-то хлама, отдельных бетонных плит и панелей, они стоят без какого-то видимого плана. Дым костров и очагов намекает мне на обитателей, которые не заставляют себя ждать: одеты не так плохо, как я ожидал, но весьма насторожены. И все — вооружены, кто дубьём в руках, а кто и ножичками на поясе.

— Фил?

— Чего тебе? — абсолютно спокойно отвечает Уар, будто вокруг нас и не сгущаются тучи

— Они не будут проблемой? — опускаю голос я, взглядом показывая за себя.

— Не будут, — излишне ровно отвечает Уар. Напылённый на сетчатке прозрачный экран выводит его бессловесное сообщение, присланное через Эгрегор: — «Если мы будем держать язык за зубами, а ухо — в остро».

Мне только и остаётся, что положить руку на лазерный пистолет. Никогда не являлся сторонником пальбы при первой возможности... до сегодняшнего дня. Не для того я дрался на дуэли с расфуфыренным дворянином, чтоб лежать холодным трупом среди строительного мусора.

— Валите отсюда, правобережные! — голосит какой-то подросток, но мы даже не оборачиваемся.

Ну да, мы чужаки. А их грех не пощипать. Интересно, как они отличают «правобережных»? По походке? Или одежде? Впрочем, Филлион не обращает внимания на удаляющиеся вопли. Лишь сдвигает дробовик поближе. Нам ничего не бросают вслед и мне кажется, что пик опасности ушёл. Пару раз мы минуем биомехов, которые косятся слишком уж недобрый взглядом. Слово ограничивающие их невмы тут становятся чуть-чуть, да послабее. Я отвлекаюсь на очередного из них — потёртого жизнью бежево-жёлтого кентавра с белеющими пластиковыми «ногами». И очень зря — потому что дорогу нам неспешно, едва ли не переваливаясь, перекрывает пятёрка местных обитателей.

— Чегось делаем тут, татьба? — с прищуром осведомляется «главный», мужик из тех, что выглядят одинаково и в двадцать пять, и в сорок пять. Особенно от остальной банды не отличается, кроме золотого зуба и позолоченного же ствола, виднеющегося за поясом. Видимо, золотая фикса в местных краях считается чем-то вроде короны, а полноценное, стреляющее оружие — вроде скипетра.

— Домой идём, — спокойно отвечает Уар.

— Домой, говоришь, — тянет «фикса». — А давно Уары в скоморохов записаны?

По застывшему лицу Фила пробегает тень. Но он продолжает отвечать крайне вежливо. На мой взгляд — даже слишком. Гоп-стоп среди бела дня — ещё ладно, как говорится, «high tech, low life». Но вот прямое оскорбление Великого Дома какой-то шелупонью — что-то за гранью моего понимания.

— Мой дом всё так же живёт в Задонье, как и твои сюзерены, — чеканит Уар. — И живёт тут дольше, чем тянется летопись. С тех времён, когда на юге город ещё не отделяла никакая стена.

— Да понял, понял всё я про тебя — отмахивается главный и едва ли не разворачивается прочь. Но на мою беду, один из прихлебателей замечает (или «замечает», кто их знает) меня.

— А это ещё что за хлыщ?

— Подопечный, — ворчит Филлион.

— У подопечного тришкин кафтан, зато блестяшки хорошие, — подаёт голос кто-то сзади меня. Нехорошо.

К моему удивлению, «фикса» тоже не в восторге от происходящего. Видимо, какой-то страх перед Великими домами некогда ему вбили. Жаль только, что только ему (гопники уже вовсю обсуждают, сколько добра в моих карманах) и недостаточно. Боязнь потерять место вожака перекрыла ему все фобии и даже характерный щелчок затвора, которым Уар прерывает дискуссию. Вожак решается на компромисс и чуть выходит вперёд, обращаясь ко мне:

— Отдашь браслет — спокойно пройдёшь. Помянешь бедного Окофиста за кружечкой вечером и спокойно ляжешь спать.

— А ничего тебе ещё не отдать? Девственность сестры там, ключ от Порайска?

— Только если сестра миленькая, — склабится Окофист и повышает голос: — Я не понял, правобережники, вы охамели? За проход нужно платить.

— Сколько? — негромко спрашивает хмурый Фил.

— А вот либо браслет — либо сколько у вас есть. Ни больше — ни меньше!

Вздохнуть. Вскинуть лазерный пистолет в двуручный хват и вбить высокоэнергетический луч прямо в лоб болтливому. Услышать залп дробовика в воздух: Уар тоже «включился». Довернуть ствол в сторону амбала. Ощутить спиной бердыш Филадельфии. Кажется, неплохо так встали в оборону. Вскинуть бровь.

— Ещё желающие будут?

— Ты покойник, старикан, — обещает мне кто-то из заднего ряда.

— Выйди поближе, а то слух плоховат стал, — сразу же возражаю я. Никто не отвечает. Как я и предполагал, стрелковое оружие было только у вожака. — Окофист вон, попросил помянуть — как отказать-то такому? Тебя тоже помянуть нужно? А?

— Ребятки, валите отсюда, покуда целы, — искренне советует Уар. — Только медленно и без лишних телодвижений.

Хмурая банда отходит подальше, не прекращая обещать Уарам в целом и мне в частности самыми страшными карами. Я же добавляю пистолет бандита себе за пояс. Даже переделанная в пугач сигнальная ракетница может стать последним доводом в драке. Главное — не отстрелить себе яйца до схватки.

— Чтоб тебя бесы сожрали, ты сдурел? — на лице Уара вновь окаменела маска, но в этот раз — изумления. — Ты понимаешь, что только что нарисовал нам на спине зелёной?

— Зелёной лоб мажут, дурында, — залиvisto смеюсь я, давая ещё пару лазерных спиц поверх голов.

Вылезшие было обитатели клоповника лезут обратно с похвальной поспешностью, пока мы набираем ход. Из наручного кармана Филлиона выдвигается какая-то лапа с линзой, внимательно ощупывающая окружающие нас руины. Камера заднего обзора? Непрактично, но неплохо. Лишь когда трущобы остаются позади, Уар, наконец, выдыхает.

— Теперь понимаю, почему ты не сомневался ни секунды перед дуэлью. Ты напрочь отбитый.

— Это восхищение? — саркастично отвечаю я, но ответа на дожидаюсь. Мы вступаем, наконец, в подулье. Стопы улья Скоморохов, расположенные прямо под ним.

Плѣсны действительно куда более весѣлые, чем у Каллиников. Пожалуй, даже слишком. Шум оказывается не просто гомоном толпы. Она оказывается звуком улья. Ватаги скоморохов, молодых и старых, стремятся перекричать, переорать, перещегоолять друг друга, а главное — вызвать улыбку на лице хотя бы одного из сонма мрачных рабочих, возвращающихся со смены. И то тут, то там раздаются взрывы хохота: над удачной шуткой, над летящим из трактира карликом, над очередной дракой ватаг, не поделивших место.

— Начинаю понимать, почему сюда нужно бежать.

— Выдачи нет только со степей, — возражает мне Филлион. — А вот Балагуровы активно выдают татей другим Домам. Они не настолько сильны, чтобы отстаивать право на суд.

— Да уж замечаю, — ворчу я, когда мимо проходит патруль с медными кирасами Каллиников.

— Достали, — сплѣвывает Уар и внезапно для меня наносит удар куда-то назад.

— Мифостфиво профу профения, — шепелявит чипинник, отвевшивая самый настоящий поясной поклон и пятясь под дружное ржание ближайших людей.

— Вежливо они.

— Да как им вежливым-то не быть. Будь уверен, хоть у одного из ржащих да что-то спѣрли. Держи ухо.

Я смеюсь, но всё хорошее настроение как-то улетучивается, когда мой взгляд встречается с человеческим, умным взглядом очередной легавой собачки. Интересно, у них в голове очередной искусственный интеллект — или всё же душа живого человека? Впрочем, для меня пока важно, что острые клыки не впиваются мне в икры

Несмотря на мои опасения, нас не преследуют. Я, конечно, о методах уклонения знаю только из книг да документалок разной степени дебильности — но вот Адриан, кажется, понимает получше. Курьер данных, если я правильно разгадываю всплывающие сценки и чувства, постоянно сталкивается с попытками отслеживания и в реальном, и в виртуальном мире. Вот и сейчас, когда мои действия особенно показательны и глупы — всплывающее раздражение отсекает лишнее. Я делюсь своими опасениями с Филом, пока мы входим в жилую застройку, и улочки становятся привычно узкими и кривоватыми.

— Может, Ильгорд и шишка на той стороне реки, но тут, в секторе Балагуровых, он — никто. Да и как сказать, шишка... седьмая вода на киселе.

— Боковая ветка рода?

— Нет, милсдарь. Боковая ветка — младшие сыновья младших сыновей, взявшие свои фамилии, рискнувшие всем ради создания истории «с нуля». Ильгорд же просто племянник среднего сына, включѣнный в знатный род. Он не будет рисковать — а то ещё, не дай бог, испортят запись в разрядной книге и всё — никаких тебе должностей, никаких кормлений в спокойных промышленных уровнях улья, никаких праздных дней в «Иве».

Я помню, что кормление — право на сбор дани. Видимо, тут это значитскорее какие-то налоги. Ну, может быть ещё церковную десятину. Солевой, медный бунты... эти знания, похоже, можно спускать в трубу. Итак, есть великие рода, точнее — Великие Дома. Видимо, они владеют монструозными шпилями. Значит, есть Уары, Каллиники, Балагуровы, неведомые Комнины, Хитрово и Лаодикии. Осталось только понять, кто за что отвечает. И держаться подальше от Каллиников. Многовато я что-то наследил на их землях.

— Филлион, ты ведь Уар — зачем пошёл охранником? Кстати, можешь называть меня Адрианом. Понятия не имею, с чего вообще должен именоваться милсдарем.

— Сбой нейроимпланта? — впервые мрачная решимость на лице стража сменяется чем-то вроде любопытства.

— Ага. Авария летуна над Доном слегка повредила память. Но не рассудок, — добавляю спешно я.

— Дело твоё, Адриан. В Плёснах и не такое увидишь... а Уара-охранника увидишь часто. Мы же воины и воины честные. Прежде чем осесть в средних уровнях, каждый должен либо покрыть себя славой в походах на степную нелюдь, либо — защищать знатные рода. Родственники обычно записывались в мирские Ордена — нашего Великого дома или других. Поддерживать порядок на улице привычно и неблагородно, так что вот решил... — Филлион играет желваками, — повыкобениваться.

Странное понимание слов Филлиона накатывает на меня. Словно Адриан когда-то тоже решил... повыёживаться.

Глава 10

Κρυπτός

в которой Адриан познаёт мир, мнемотехник — Адриана, а демон — заточение.

Стопы улья Балагурово. Жилой блок «Харита-35»

Коротко кивая, признаю его право на каприз. Короткий момент всплывшего непонимания мне непонятен — но это приходится списать на всё те же осколки разбитой памяти Адриана, всплывающие в момент подходящий и не очень. Откуда же, ты скотина, сбежал, прежде чем оказаться курьером в трущобах?

— Что планируешь делать дальше? — после короткой паузы осведомляюсь я.

— Взять ведро пива и здорово напиться. Потом буду искать новую службу. Бердыши везде нужны, а моя фамилия — неплохой знак качества.

— И что, будешь искать прямо в этом шпиле? — поднимаю бровь я. Неужели тут водятся хорошие деньги? Что ж, возможно, начать свой путь наверх стоит с Вакхов. Чем тише болото — тем меньше в нём медведей, которые смогут мне повышать.

— А почему нет? — жмёт плечом Филлион. — Не смотри, что он выглядит как после атомной бомбардировки — тут куда веселее, чем у чопорных Каллиников.

— Верю-верю. У меня тут есть знакомые. Может, что-то наклонится для нас обоих.

— Намечается деловое предложение? — прищуривается Уар.

— Возможно, — киваю я. Вдаваться в подробности по дворцовому перевороту мне не хочется. Особенно с учётом того, что идея пока толком не оформилась. — Где я тебя смогу найти?

— Трактир «У пляшущего медведя». Тут недалеко.

— Я свяжусь с тобой. Не теряйся.

Филлион, явно ожидая подлянки (не то мести Каллиников, не то налёта гопников, а то и чего похуже), не отпускает бердыш. Дожидается кивка и уходит под редкий перезвон колоколов откуда-то сверху. Кошусь на часы в импланте. Семь часов, как я в новом мире — и всего три часа дня. Не знаю, как не валюсь с ног — но точно нужно добраться до лёжки и хорошенько выспаться. Вокруг, конечно, куда веселее, чем в предыдущих районах. Может, нависающие своды улья Вакх немного беспокоят своей незавершенностью и раскрашенными жилыми контрфорсами, зато — не угнетают, как мрачноватое золото Птичьего шпиля. Правда, людей вокруг хоть и больше, чем в окрестностях, но не толпы. Видимо, трудолюбие почитается даже в Башне Шутов.

Ориентируясь по навигатору, получается выйти к назначенной точке за какие-то полчаса. Непримечательный жилой блок — плитовая «хрущёвка» вроде той, из которой совершил прыжок веры сегодня рано утром. Навигатор прекращает моё ведение бессмертным «Вы прибыли на конечную точку путешествия», но дальше мне помогает память. Дожидаюсь лифт и жму кнопку с витиеватой «4» — только чтоб понять, механизмы в этот раз решили по какой-то причине меня послушаться. Прodelки Ады? Весьма возможно. Что ж, мы не ленивые.

Поднимаюсь по узкой и крутой лестницы, не прекращая наблюдений за возможным «хвостом». Но внизу никто не шелестел ботинками в попытке скрыть утомительный подъём, а глухие стены не отражали короткие сбои дыхания. Никаких жужжаний биомеханических

сервоприводов. Только мои звуки: слегка сиплое дыхание да шарканье едва просохших туфель. Знакомая дверь. Ключ? Обыскиваю карманы и не нахожу. Прикладываю ладонь и вижу сигнал отказа. Что ж, время попрактиковаться в местной техноволшебстве. Черчу гальдрастав на открытие двери — и после гулко-го звука алый цвет с коротким щелчком меняется на зелёный. Добро пожаловать.

Квартирка изрядно захламлена какими-то рабочими станциями и переусложнёнными приборами. Шага нельзя сделать, чтоб не ткнуться в коробку с какими-то проводами, микросхемами и странными механизмами. Сажусь рядом с одной из них и понимаю, что даже Адриан никогда толком не понимал, что есть что. Разве что вот эта узкая планка из чего-то вроде полупрозрачного текстолита как-то связана с памятью... или была связана, судя по царапинам и потёртостям.

Щелчок затвора звучит прямо у меня над правым ухом. Женский голос с подчёркнутой грубостью просвещает:

— Ты только что своими грязными пальцами запорол мне блок памяти за сто пятьдесят денариев.

— Судя по состоянию — не больше десяти, — решаю возразить я.

— А ты наглец. Пропал на неделю и вломился в мою квартиру, даже не позвонив. Да чёрт с ним, звонком — даже не постучал! Взял и проломил защиту невмой! Ты хоть знаешь, сколько бесов пришлось в замке заключить?

— Я могу встать?

— И даже повернуться лицом, — вздох. — Ты и так задница, но с пятой точкой разговаривать ещё хуже.

Поворачиваюсь. Девушка. Чуть ниже Адриана, то есть меня. Короткие светлые волосы, потёртый алый комбинезон. Техник? Видимо, весь кибернетический хлам — её. Осматриваю квартиру новым взглядом, и новые осколки приходят ко мне, рассказывая назначение той или иной детали. Плашка памяти, сервопривод импланта, защитный блок (от перепадов электричества и вторжения бесов). Защищённый невмами корпус системного блока с выгравированными глифами. Несколько жёстких дисков, расположенных в центре гексаграмм — хранилища бесов. Девушка... Ирина, не инженер. Ирина. Вот как тебя звать.

— Ну привет, — неловко протягиваю я, узнавая девушку. С ней у нас было... много чего. Осколки вспыхивают одна за другой — и вспоминаю весьма интимные подробности. Кажется, даже краснею.

— Правильно делаешь, что краснеешь. Эй, ну ты чего, — она бросает пистолет куда-то назад, не беспокоясь о возможном выстреле, и хватает меня за голову. Ты смотришь на меня, как будто демоница какая-то. У тебя проблемы?

— Торба проблем и ещё на солонку сверху хватит, — ворчу я, взяв знакомую незнакомку за руку. Хотел отвести руку, но едва взявшись, вспоминаю, с каким придыханием Адриан называл её имя. — Ира... дай сначала...

Меня прерывают крепким объятием. Удивление от силы этой малышки прерывается страхом за рёбра. Ненароком вспоминаю, что она мнемотехник — специалист по невмам и взаимодействию разума с имплантами и диковатыми обитателями Пургатории. Может, она на месте меня прийдёт? Кто знает, может её руки сильнее моей «проклятой» левой?

— И... игхра!

— Ой, извини, — наконец, девушка отпускает меня и отшатывается назад. — Адри, чем от тебя так смердит?

Мне остаётся только вздохнуть.

Следующие полчаса я вымываю из себя донскую тину (не забывая оставлять браслет на запястье). Слушаю осуждающие и сокрушённые причитания, прежде чем выйти и решительно сесть в «стоматологическое» кресло. И по порядку, обстоятельно рассказываю всё, произошедшее с утра. Немного опуская тот факт, что бедняга Адриан совершил сделку с демоном и растворился где-то в железе тела, а на его место встал циничный археолог. Ирина слушает сначала недоверчиво, затем — со всё большим пониманием.

— Очень похоже, что ты не просто осложнённо вышел из Эгрегора, но ещё и попал под нейрошторм. Сегодня с утра пара невм на системниках аж загорелись алым от перегруза. В Пургатории, видимо, был ещё больший шум — мои клиенты жаловались, что их выбило из серверов, причём часть тошнило, как после белены... неважно. У тебя были головные боли? Приступы гнева?

— Только раздражительность. Ну и память как будто разбита на мелкие осколки, и соединяется медленнее десятка улиток.

— Раздражительность — побочка от большого количества активированных невм. Это можно вылечить, просто сняв их. А вот память... — мнемотехник мнётся. — Если честно, я не удивлена, что ты вляпался в такое.

— Спасибо за честность.

— Ой, ещё скажи, что не было похищения полных цифровых копий запрещённых книг и взлома Чёрного хранилища Каллиников!

— Я этого не помню — значит не было. Так что там насчёт памяти? Мне, конечно, нравится, что воспоминания всплывают — но хотелось бы пораньше.

— Только слышала о таком, — неохотно отвечает Ира. — Когда зеркало души пробивает могущественная сущность из Порайска или Инфоада, то рассыпается на крупные осколки. Но наш мозг — не зеркало, так что раны затягивает. Если остаётся, что затянуть.

— Разве в Порайске есть что-то настолько могущественное? Я думал, что демоны и бесы — это удел нижних слоёв сети.

— Давай по порядку соберём твои знания о мире. Итак, Порайск?

— Высшая ступень сети, доступна только при безгрешной жизни. Туда сгружают нашу душу, если жизнь оценивается земными судиями как достойная.

Ира вздыхает и скрещивает руки.

— Так. Пургатория?

— Общедоступная часть сети, менее защищённая. Обитель бесов, постоянных сетевых механизмов и бесчисленного числа извращенцев.

— Уже лучше. Инфоад?

— Куча демонов, никакой защиты, крыша едет, заглянув туда. Обитель грешников и Дявола сиречь Архиврага.

— Приемлемо. Но не более того. Адриан, Разбитый Дявол на то и разбит, чтобы быть в каждом из нас.

— Чего?

— О, и символ Веры забыл.

— Очень даже помню зато, что там о дьяволе ни слова, — ворчу я. — Да и о том, как невмы долбят молниями из кончиков пальцев — тоже. Может, об этом расскажешь?

— Тебе знакомо выражение «о чём не знаю, о том молчу»? — раздражённо встряхивает головой Ира. — Нет? Тогда освежи хотя бы часть знаний. Некогда, во времена до Порухи,

наши знания были неисчислимы. Мы исправляли течения рек, превращали пустыни в райские кущи и оживляли мёртвую плоть. Это всё ушло. Сто двадцать восемь проклятых решили объединить знания человечества и объединить строчки мёртвого кода в нечто всепроникающее. Всемыслеящее — ведь цифровой дух самообучался на лучших скрипториях данных, и всемогущее — ведь уже тогда импланты вживлялись в каждого человека.

— Они решили создать своего бога.

— Сомневаюсь, что думали о чём-то таком. Летописи тех времён сильно пострадали во времена Перековки, но они сходятся в одном — проклятые не ведали, что творили. Только когда их программа обрела разум и начала управлять своими создателями, они спохватились — но было поздно. Дьявол был создан, обрёл плоть и начал изменять реальность.

— Но как-то же его изгнали?

— Не изгнали, дурачок. Только разбили. Тридцать два святых отца, тридцать два ядерных механизма. Ключевые сервера оказались уничтожены, а оставшиеся, неуязвимые для любой техномагии, были изолированы после электромагнитной бури. Какое-то время Перековка шла без машин, но шла тяжело. Кусочки дьявола тоже обрели разум и бушевали в имплантах, в островках раздробленной сети, во всей машинерии.

— То есть во всём от калькулятора, до реактора. Представляю, что творилось.

— Ничего хорошего уж точно. Об этом мало говорят, но не объединённый дьявол, а Перековка едва не покончила со всеми нами. Святые ордена это понимали, и решили всё же распечатать сервера. Чистые и незапятнанные, на основе которых сделали новую сеть. Идеальную, поскольку она сохранила в себе черты того, старого киберпространства. Как его тогда называли, Интер...

— Интернет? — поднимаю брови я.

— Вы посмотрите, начитался тайных знаний. Зачем я вообще распинаюсь тогда перед тобой про Порайск, про Пургаторию и про инфоад?

— Может и начитался, вот только один чёрт знаю мало.

— Ну что ж... Только после того, как удалось усмирить мелкие кусочки дьявола...

— То есть бесов?

— Не перебивай, блин! Да, бесов. Стало легче? — Ира поднимает бровь. — Вот и славно. Так вот, только когда бесов начали усмирять — смогли из ещё работавших кусков сети собрать Пургаторию. Кое-как работающую, с диковатыми, но безопасными цифровыми существами. А вот Инфоад — это уже те куски, в которых осталась большая часть знаний. Но и большая часть разбитого Дьявола. К ним тоже пришлось подключаться. Объяснить, почему?

— Потому что человек жаден, — усмехаюсь я. — А что насчёт великих домов? Насчёт Нижнедонска? Мы одни на всём шарике? — накидываю я вопросов и осекаюсь. Может, тут считают, что Земля — диск, покоящийся на шести слонах?

— Оу-оу-оу, богатырь, всему своё время. Подключай «ракушку». Будет проще показать наглядно.

Подчиняюсь.

— Импланты работают нормально. Память перегружена... Пять, шесть, семь... десять невм? Серьёзно?

— Один тяжёлый день.

— Странно, что у тебя мозги не закипели... С интерфейсом какие-то нелады, но вирусов не вижу. Дай угадаю — при первом подключении раскидал в стороны взглядом?

— Угу. Слушай, мне нужно явно больше оперативной памяти. Хотя бы одну такую же планку, как сейчас стоит, на... — я запинаюсь. Тут в ходу мегабайты, гигабайты? Вообще что в ходу? К счастью, Ира пользуется моей паузой по-своему.

— Меньше гонора тебе нужно, а не памяти. Храмовники могут считывать твои показатели дистанционно, и большое количество памяти их насторожит. Я проведу дефрагментацию — должно помочь. Правда, сигналы нейры у тебя какие-то странные. Хм, никогда не видела такой пульсации. Даже у одержимых демонами — у тех она более беспорядочная. Кстати, у тебя в памяти два архивных кодекса. Первый озаглавлен как «Ада»...

— Лучше его не трогать.

— О, дикий бес? А вы рискованный человек, господарь Адриан. Никогда бы не подумала.

— Ещё какой.

— Второй без названия. Зашифрован. Попробуем открыть?

— Попробуй. Правда, у меня такое чувство, что там нужен генный ключ.

— Так у меня есть приспособа, попробуем твою кровь. Генный ключ — вещь редкая и настроен либо на род, либо на конкретного человека.

Я наблюдаю этажерку с какими-то хитрыми склянками, медными чашами, иглами и (естественно) проводами, самостоятельно подкатывающимися к моему креслу. И вид этой адской машинерии меня не вдохновляет.

— А может, обойдёмся без крови?

— Никак не обойдёмся, — с заметной мстительностью усмехается Ира. — Буквально каплю.

Стараюсь сохранять хладнокровие, пока бронзовое перо пробивает мне палец.

— Ну вот, ничего страшного, — бормочет Ира и ставит блюдце в адский агрегат.

— Надеюсь, если ключ не подойдёт — я не помру к чёртовой бабушке.

— Забыла! — хлопает себя по лбу мнемотехник и спешно распечатывает нечто вроде одноразового шприц-тюбика. «Этажерка» же вливает кровь в себя и урчит при утилизации. Надеюсь — не от удовольствия. — Не дёргайся, будет слегка щипать.

— А ты ничего не забыла? — сквозь зубы осведомляюсь я, стараясь преодолеть жжение в вене. — Или не перепутала?

— Я же говорила, что будет щипать. Это метагент. Он даст нам время на ответную реакцию, если кодекс решит ответить. Так, новый набор... сопряжение «ракушки»...

«Этажерка» хрустит, шипит и подпрыгивает, напоминая мне плод запретной связи между матричным принтером и старой стиральной машиной. Однако Ирина, сверяющаяся с процессом открытия, вполне удовлетворена.

— Так, первая ступень вскрыта. К остальным твоя кровь не подходит, и мой упырёнок тут ничего не сделает. Отдыхай, малыш, нам нужно вспомнить о Великих Домах.

Этажерка, хныча, укатывается подальше, и я не успеваю вставить и двух слов, как на экране сетчатки высвечивается византийский крест, птица, купол Фламариона, Божье око, три ключа и Спираль Фибоначчи

— Я на днях ломала для заказчика программу. Когда-то её делали для варварских торговцев с Великой Степи. Метойков. Простейший интерактив — и запомнишь Великие Дома. Или просто вспомнишь.

— Нужно соотнести дома с их гербами?

— Великие Дома, Адри.

Так, птица — Каллиник. Это за сегодня уже запомнил. Экран комментирует:

«Великий Дом Каллиник известен своим глубоким почитанием тридцати двух святых отцов. Их молитвы успокаивают Пургаторию и охраняют Порайск. Каллиники владеют Птичьм шпилем на правом берегу Нижнедонска. Их символ — райская птица, распространённый элемент Старой Сети.»

Уар... так, у одного из встреченных символом были три ключа. Попробуем? Бинго!

«Великий Дом Уар стоит на страже города. Именно поэтому их шпиль — на левом берегу, ближе к опасностям Великой степи. Три ключа на их гербе символизируют верность и право могучих Уаров охранять Нижнедонск в воздухе, на земле и на воде.»

Хитрово... шпион, кажется, принадлежал к ним. Вроде бы, у него символом было око в треугольнике. И снова верно!

«Великий Дом Хитрово известен менее других, а их шпиль — самый низкий из правобережных. Однако именно бледнокожие Хитрово лучше всего находят свежую информацию вне зависимости от того, появилась ли она в сети или вне её»

Осталось всего три. Лаодикий, Комнин и Вакх. Лаодикий... его упоминали мальцы, дразнившие биомеха. Что ж, попробуем нечто похожее на купол Фламариона.

«Великий Дом Лаодикий — известная обитель мудрости. Все великие мнemoинженеры, астрологи и алхимики последних трёхста лет обучались в Крайнем Улье. В случае, если вас удостоит чести посетить это великолепное сооружение — рекомендуем хрустальную роцу на Восемьдесят седьмом уровне, в которой по прозрачным стволам течёт...»

Так, рекламу отложим на потом. Остаётся два великих дома. Комнины и Вакхи. А ещё — два символа. Спираль Фиброначчи и крест, напоминающий иерусалимский. Самое забавное, что второй уже видел — тот самый золотой перстень из всплывшего осколка памяти. Владелец кольца явно относился ко мне радушно. Значит ли это, что я принадлежу к Великому дому? Или к его боковой линии? Остаётся только понять первую, отправную точку. Шуты или всё-таки великие Господари Нижнедонские?

Перетаскиваю пиктограмму креста к Вакхам. ОШИБКА.

— Ну, ты чего, Адри? Школьную программу забываешь?

Мда, получается — всё-таки моя фамилия Адриан Комнин. Но если мой род настолько велик — какого чёрта я делаю в Подулье?

в которой нейромант улыбается опасности, Адриан игнорирует предложение, а Ирина хочет чем-то запустить

Стопы улья Балагурово. Жилой блок «Харита-35»

Ирина ушла, обещая, что её хитрые программы очистят мои мозги от накопившегося мусора. В теории это значит, что память вернётся. Мне не стыдно признаться, что я боялся уснуть и проснуться всё тем же трусоватым Адрианом, который почти сутки делал невесть что. Я пытался бодрствовать, но бессмысленные щелчки программ, чистящих мне разум и память, убаюкали сильнее ожидаемого. Во сне не было ни Ады, ни привычного мне мира. Лишь тьма, вопли Адриана да обрывки разговоров, прошедших много лет назад.

А потом я проснулся — во всё той же слегка обшарпанной квартирке.

— Доброго утра, сонная царевна, — улыбается мне Ирина и протягивает кружку с красноватой жидкостью. Чай? Возможно. На вкус как-то более травянист, но в целом — вполне сойдёт — Ты проспал весь день.

— Доброго. Я могу отсоединить чёртовы провода? — девушка едва сдерживает смех и я начинаю сердиться. — Чего такое?

— Уже сделано. Ты так спал, что я не рискнула разбудить.

Ощупываю тело. Действительно, все порты пусты и закрыты крышками, а Ирина на мониторе разглядывает тот самый закодированный кодекс, что утащил у кого-то Адриан. Или Ада. Я разглядываю изображение книги, которая и послужила причиной моего перемещения в эту реальность. Или, по-крайней мере, перемещения Адриана в места не столь отдалённые. Кожаный переплёт, массивные петли замка. Единорог, вставший на дыбы перед «иерусалимским» крестом. Рог — непривычно изогнут вперёд, как у какого-то тура или козла. Странная вещица. Неужели ради неё стоило заключать сделку с демоном?

— Думаешь, раскроется от твоего взгляда? — ехидно спрашивает Ира, не отрываясь от терминала. Её жизнерадостность заражает меня, и я невольно усмехаюсь.

— Угу, «повернись ко мне передом, а к лесу задом». Скорее пытаюсь вспомнить, где раньше видел что-то подобное.

— Крест Комнинов. Или у тебя настолько сильно повреждена память?

— Не настолько, чтоб не знать ээээ сюзерена, — ответное фырчание Ирины говорит мне, что она очень даже в курсе моего родства с Великим домом. — А что по единорогу?

— Кому?

— Индрик-зверю.

— А... Никогда не видела такое. Обычно кодексы — просто книга с названием файла. Максимум — замок. Тут же — и замок, и какие-то символы... сейчас так не делают.

— Может, символ владельца?

— Если это — Ирина стучит ногтем по экрану — символ какого-то Великого дома, то явно не местного. Иначе я бы о нём слышала.

Я удерживаю язык за зубами. Хватило уже расспросов по Великим домам. Единорог. Что мы (я и Адриан) помним о них? Геральдика Великих Домов? Нет. «Единорог». Монитор «Единорог», пушка «Единорог», единорог на гербе. Королевский символ... а может, ещё и царский?

— Без обид, Адриан, но ты особо не поможешь в поиске.

— Это ещё почему? Искать информацию я люблю...

— ...но не умеешь. Я помню, как ты мучался с простым поисковым бесам. А мои пёсики — куда сложнее их.

Мне остаётся только сопеть и выдавить из себя что-то вроде:

— Ну не сидеть же мне и смотреть?

— А я и не заставляю, — поднимает голубые глаза девушка. — У тебя есть дела? Если нет, то могу подкинуть.

— Подкидывай. От своих дел уже плашка памяти скоро в голове рассыпется.

— Не рассыпется. Сама же тебе ставила... Ну как, сходишь погулять, пока твоя подруга роется в цифровом мусоре?

— Да пожалуйста. Мне нужно развеяться.

— Мне нужны ладанки, полфунта неочищенного масла и два лота прошедшего все обряды. Плюс вощёная бумага. Обязательно — производства шпиля Лаодикиев. Если водяные знаки поплывшие — не бери, дешёвая подделка. А — ещё полынь, чабрец и осмолённый хмель.

— Чай будешь варить?

— Я в тебя сейчас чем-то кину, — закатывает глаза мнемотехник, но отвлекается, уточняя настройки какой-то программы. — Кому-то из нас нужно зарабатывать на хлеб стабильно. Ты мне принесешь нужное, а я отловлю пяток бесов и отправлю их на поиски очередной утерянной информации.

Отлов бесов. Ничего не обычного. Действительно, каждый день ловлю их на завтрак. Правда, вроде бы Ира непохожа на ведьму (или Бабу-Ягу). С другой стороны, я не до конца понял местную демонологию. Демоны есть и они существуют в киберпространстве — не то программы, не то потусторонние сущности. Но причём тут ароматная смола, масло и вощёная бумага?

— А чем поможет трава в усмирении бешеной программы?

— Ты как с Тмутаракани свалившийся, — вздыхает Ирина.

— Никогда не интересовался теоретической основой. Пока не шандарахнуло в очередной раз, — развожу я руками.

— Ну ладно. Что ты знаешь о причинах Раскола?

— Проклятые решили создать бога. Обучили нейросеть на всех знаниях человечества, только забыли про защиту. Киберпространство загажено, мозги загажены, святые отцы подрывают мирный атом. Нам остаётся загаженная планета и очень много геморроя.

— Надеюсь, ты публично такое не озвучивал?

— Ну не ересь же. Истина, — пожимаю плечами я.

— Истина, как же. Только вот говариваешь ты её на десяток розг.

— А как нужно?

— Ох, Адриан. У тебя и так был характер тот ещё, а теперь ты стал ещё более настырным... ну ладно. Проклятые создали сначала части информационного Дьявола.

— Демонов, — вставляю я и немедленно вижу сердитый взгляд Ирины. — Извини.

— Демонов. Демонов и бесов. Но при создании в них был заложен один маленький изъян. Этот изъян позволял им контролировать рождение нового бога, и в теории позволил бы не потерять места у трона Дьявола.

— Наивно.

— Угу. Однако святые отцы раскололи окаянный код и тем самым смогли использовать

природу тварей против их самих. Мы можем воздействовать так же. У человечества есть первосимволы, определённое сочетание которых оказывает влияние на информационные сущности. И это не только графические невмы. Это запахи, свет, маслянистая жижа. Бесы путешествуют меж нас, ощущая вещества нашими чувствами. И поэтому мы взаимосвязаны и можем влиять друг на друга.

— Я всё ещё ничего не понимаю. Как это связано с молниями, силовыми полями и вообще волшеббой?

— Что ж, ты сам говорил, что умеешь искать информацию. Вот тебе база, — кивает девушка в сторону стола.

— Пергамент?

— Список покупок, — неловко улыбается Ира. — Ты и в обычном состоянии забываешь половину — забудешь и в этот раз.

— А где купить?

— У Никоры. Покидать левый берег не придётся, не волнуйся.

* * *

Мой первый мирный вечер с момента пробуждения в загаженной конспиративной квартирке. Я стараюсь понять новое место — как обычно бывало в моих командировках... раньше. Особенности места могут мне здорово пригодиться. Как тут принято торговать на улице? Из кого состоит толпа? Много ли тут законников и как быстро они готовы вмешаться (да и готовы ли вообще)? Поток новых впечатлений и знаний, усиленных острым Адриановым обонянием, слегка пьянит.

— Мастерская Симеона выточила сто пятьдесят наборов костей за прошлый месяц. Я тебе продал семьдесят, как старому другу, но до дружины на северном фесе почему-то дошло сто. Бес тебя дери, Фока, ты хочешь договор разорвать?

— Сбитень! Горячий сбитень!

— Нет, не приду. Ты знаешь почему. Да, как и в прошлый раз. Постараюсь. И я тебя, малышка.

Разговоры-разговоры. Обрывки информации, загадки, не складывающейся воедино. Позабытое с института чувство азарта вновь наполняет меня. Правда, в этот раз приходится следить за тем, чтобы вечерний солнечный свет, отражающийся на арках Улья, не отвлекал меня от очередного карманника. Благо хоть, в окрестностях улья Скоморохов можно спокойно давать им в рыло. Никаких сантиментов. Чувствуется рука в неположенном месте? Отмахнуться кулаком. Никого не найдёт — ничего страшного, найдёт кого-то — небольшая разрядка смехом не мешает никому.

— Четыре фоллиса. ЧЕ-ТЫ-РЕ! Они там на правом берегу совсем осатанели...

— Эгрегор, ребята. Надёжная точка входа, защищённая тридцатью невмами. Никакой бес не войдёт, никакой демон не выйдет. Нами пользуется орден Скоморохов — пользуйся и ты!

— Свежие овощи! Проверено мирским орденом — никакой заразы!

Терпкий запах пряностей и чего-то другого, маслянистого, пропитывает нижний уровень. Иногда, правда, к этому странному, потустороннему запаху примешивается что-то более привычное. Машинное масло и канифоль, выпечка и свежие фрукты, мусор и миазмы.

Город, мать его. Сейчас, когда все остатки адреналина рассосались в крови, я понимаю — нужно как-то вновь привыкнуть к толпам людей. Тело не дёргается в раздражении, Адриан давно привык растворяться в человекиках. А вот я — давно отвык, и лёгкий дискомфорт отвлекает меня... от чего же? От исследования мира. Я уже говорил, что чертовски любопытен?

Взять, например, людей. Если я действительно хочу забраться повыше, мне нужно понимать, с кем имею дело, а не просто палить направо и налево. Торговцы и курьеры, карманники и церковники — это прекрасно. Но где-то рядом бродят писцы, мастеровые, мнемонические ремесленники и (надеюсь), учёные. Сплошь и рядом из толпы выныривал то один, то другой биомех — серая кожа, потухший взгляд. Интересно, были ли их тела выращены для вселения мелкого беса, или когда-то принадлежали оступившимся людям? Пока есть свободное время — нужно нахватать как можно больше знаний о них всех. Но как?

— Парень, в эгрегор не нужно? — негромко осведомляется очередной подпиратель стен. — Если без проводника некомфортно — подберём за деньгу малую.

— Не, спасибо, — мотаю головой. Ада пока не объявлялась — и слава богам. Уверен, что при первой возможности моя суженая устроит мне допрос с пристрастием. Рановато к ней в гости идти, не сложив мозаику воедино. Соберёшь её, как же. Тут и без того события несутся.

— Писчие принадлежности из лучших мастерских Ладикиев. Пять кератиев за набор? Закажи баржу. — слышу я очередной разговор и меня осеняет. Разворачиваюсь и возвращаюсь к продавцу местного интернета.

— Мужик!

— Ась?

— А книги у вас тут продают где?

— Книииги... мёртвая бумага что ли?

— Она самая.

Адрес выводит меня к тихому переулку. Правда, местная книжная лавка была забита местными студиозусамиЮ покупающими явные хрестоматии по мнемотехнике, эгрегору и прочей хиромантии. С историей тут (во всяком случае, в этой лавке) было всё плохо.

Часто люди думают, что «историческая наука» равно «история». И от этого предпочитают интересные сюжеты, подкреплённые ссылками на неведомых экспертов, скучным, но высокоинформативным пластам текста, основанным на десятке-двум исследований. Местные, по-видимому, принадлежали к первой категории. Посмотрев по диагонали «историческую» полку, приходится удовлетвориться хрестоматией да кратким пересказом местной веры для новообращённых чужеземцев. Будет полезно. Я и сам в какой-то мере чужеземец, хехе.

В поисках укромного места я понимаю — при всех своих достоинствах в качестве мнемоинженера Ира меня банально не накормила. Что ж, чайная, заказать пару расстегаев (с грибами и «птицей», что б это ни значило) и небольшой, в шгофчик объёма, самовар. Хорошо всё-таки, бес меня дерит, когда понимают. И когда дают спокойно почитать. Спокойно — это без суеты и необходимости отстреливаться.

Заскочил перекусить. Описание еды заслоняется изучением книг.

— Я подсяду?

— Если вам это ничего не затруднит, — на автомате отвечаю я.

Чёрт их знает, этих местных — может, у них самостоятельная девица — большой срам? Да нет вроде, по улице только и носятся, едва успевая щебетать что-то в нейру. Хочет разговора? Ну, придётся ей обидеться. Ни... Адриан думу думает и читает.

— День сегодня совсем не осенний, жарче лета. Как вы можете хлестать горячий чай?

Поднимаю глаза на мелодичный звон в голосе. Лицо — незнакомо. Но вот тон... где-то я его слышал. Но где?

— Так осень, знаете ли, на то и бабье лето. Скоро станет гораздо прохладнее — особенно когда придут грозы. А они бывают весьма внезапными.

— Думаете?

— Уверен.

Принесли расстегаи, но я едва успеваю отломить ломоть, как меня наконец-то захватывает История. Точнее — её остатки. В этом мире большая часть прошлого отрезана стеной события, известного как «Великое очищение». Как припоминает Адриан (да и я) по многочисленным проповедям, уничтожение Дьявола в атомном огне смыло грехи человеческие и отодвинуло его новое пришествие. Но — оставило с невесть как работающими обломками виртуального пространства, невмами, не подчиняющимися холодной логике, да дикими бесами. Не говоря уж о демонах, жаждущих знаний, как пьянчужка опохмела.

А ещё — сокращённое человечество и города-государства. А ещё — «цифровые тёмные века» и практически полная потеря информации. Хрестоматия содержит тридцать две страницы литаний и невм от кибернетических духов. Три — по истории до Очищения. Ровно одну — об окружающем Землю космосе. Пирамиды и Фестский диск, теория струн и «Она вертится», революции и эволюции — всё отступило в тень глобальной катастрофы. А выживших, очевидно, оставила с крупным бардаком.

— Может, пива? — рискнула собеседница прервать мои размышления.

— Нет. Извините за бестактность... но вы чего-то хотите? Трактир полупустой, но вы упорно заводите со мной разговор. Почему?

— Я заметила, что у вас томик... этого, — вытягивает она короткий палец в сторону книжицы для верующих. И в её голосе слышно презрение пополам с чем-то другим.

— Вы против духовного просвещения?

— Против слепого поклонения силе. Особенно если сила — не единственная. Вы понимаете о чём я.

— Конечно, — серьёзно киваю я. — Однажды я видел, как сила тяжести преодолела силу веры для храмовника, летящего с седьмого этажа. Но с маятником Фуко в руке проповедовать не стал.

Девушка впервые за время разговора улыбается.

— Только не говорите подобного прилюдно. Духовный орден ревностно относится к вопросам веры. Даже если у него на гербе пляшущий скоморох.

— Хорошо, что у Балагуровых на гербе спираль, — тонко улыбаюсь я, внутренне холодея. Это проверка? Чья?

— Это не проверка. Просто напоминание о высших силах, которых *мы* иногда игнорируем.

Мне не нравится разговор. Так что ноющая вибрация «ракушки» меня фактически спасает. Пусть за ней и скрывается сердитое ворчание Ирины.

— Где ты есть?

— Ем. Расстегай с какими-то грибами. Кстати, не знаешь, где их купить? Рыжие, напоминают...

— Так, — обрывает меня мнемотехник. — Никора тебя ждёт уже битый час! Выкидывай уши и е из ушей и тащи, наконец, свою задницу к нему!

— Идёт, — улыбаюсь я, глядя в широкое окно трактира.

Когда я возвращаю взгляд к скамье напротив, на ней уже никого нет.

* * *

В мнемолавке я встретил продавца, опустившегося астроманта из улья Лаодикий.

— Эге. Пришлось быстро выходить из Эгрегора, нагрузившись невмами?

— Что-то вроде того.

— Надеюсь, вы дефрагментировали нейру?

— Разумеется, — улыбаюсь я.

— Тогда рекомендую вам горячий настой на мелиссе и чабреце с фиалковыми лепестками. Успокоит нервы. Могу ещё сделать вам расклад на последствия.

Он начинает раскладывать картонки. Я торможу секунд десять, и лишь взглядевшись в карту с восемью посохами, понимаю: «расклад» в Нижнедонске не означает новой информации.

— Я не верю в Таро.

— А вы не рассматриваете его как простой способ успокоения нервов?

— Предпочитаю более традиционные методы.

— Что ж... чем могу вам помочь, неизвестный?

— У меня тут есть эээ, список.

Продавец издаёт недовольный вздох, словно я отвлек его от чего-то важного. Оглядываюсь в поисках иных покупателей — но их нет. Что, впрочем, не мешает торгашу немного поныть.

— Освящённый воск? Орденское миро? Не обижайтесь, молодой человек, но за таким нужно идти в лавки церковников, а у меня на это лицензии нет. Я и так, знаете ли, поднадзорный...

— Лицензия важна для важных персон. А вы сами говорите, что звать меня никак. Так — обычный курьер, желающий отвратить назойливых бесов.

Я подхожу к очередному прибору — адской смеси песочных часов, чего-то вроде ртутного выпрямителя (видел такие, пока деда ещё не списали с МПС) и сразу нескольких электродов. Волосы на теле встают дыбом, и браслет начинает нагреваться. А в ушах я слышу знакомое и оч-чень недовольное женское шипение. Сразу же, как по команде, прибор загорается синим пламенем и я отскакиваю.

— О, детектор Бебеля вспыхнул. Такое с ним бывает в последнее время. Вроде и странно, но с другой стороны — бесы и демоны слетаются на информацию, как мухи на падаль. Неудивительно, что кто-то из них стремится раздолбить мою скромную лавку. В конце концов, именно поэтому я некогда вырезал большую часть имплантов, а документацию веду по старинке. На пергаменте.

— Но почему они вообще обитают рядом? Сеть же защищена!

— Я бы сказал, молодой человек, но прошёл Круг Железа. А вы, извините — нет.

Раскрытие тайны непосвящённому — смерть. так что ограничусь классической отговоркой студиозуса, — в глазках старика пляшут огоньки. — «О чём не знаю, о том молчу»

Может, подобрать какие-то невмы, развяжущие ему язык? Благо, есть пару подходящих гальдраставов... нет, не стоит. Старик отключился от сети и тем самым сделал правило «воздушного зазора», так что кроме эзотерических механизмов меня могут ждать иные, куда более неприятные сюрпризы. Этот воробей — стреляный, так что и мякина для добычи информации должна быть хорошей.

— Вы когда-нибудь видели в Пургатории столбы из света? Золотое пламя, если приглядеться — виден поток непрерывной вязи.

— И человеческие силуэты?

— Не помню, далеко от меня было, — нагло вру я. — Что это вообще могло быть?

— Подобное есть только в апокрифических Комментариях святых отцов, — протягивает старик. — Тех, что не читают в храмах. Обычно означает прорыв могущественных сущностей. Редкое событие... даже жаль, что вы осложнённо вышли из Эгрегора и я не могу прогнать вашу оперативную память через ментоскоп. Что ж, зато понятно, почему у меня чуть не взорвалась лаборатория, эге.

— Извините.

— Да вы-то тут причём... точно не хотите узнать путь судьбы? Три карты — лишь кусочки картона, зато нервы чуть успокоят и вам, и мне. Конечно, некоторые карты могут действительно чувствовать эмоции гадающего и запрашивающего гадания, но эти колоды реже, чем добропорядочный демон.

— А что в них такого особенного? Невмы? Печати?

— О нет. Они — эманации душ грешников, спущенных в инфоад за свои прегрешения... Их эмоции и память. Грёзы, которые витают вокруг озёр цифрового льда.

Бред? Может быть. Но мне жутковато. Не сколько от шипения Ады, эзотерической шелухи или взвизгнувшего игнитрона. Пока что я не могу отвести взгляд от последней карты в раскладе.

От «Повешенного».

в которой младший Уар получает цель, Пургатория шумит, а десять тайных знаков — читаются.

Плёсны улья Балагурово. Жилой блок «Харита-35»

Воск, ладан и прочий магический хлам я донёс без осложнений. Вчера мы с Ирккой много говорили об ангелах, демонах, пили слабенькое местное пиво и пытались поковырять спящую память Адриана. Если бы у чёрных копателей была совесть — то теперь бы мог их понять. Я проламывался к воспоминаниям о роде курьера, не задерживаясь на чём-то мизерном, представляющим ценность только для него. Всё остальное откидывалось «на потом». Но прежде всего я пересчитал деньги в кошеле и предложил подработку Филлиону, пока тот не найдёт себе занятие по душе.

Потом было много беспокойного, нервного сна. Никакого, к счастью, интима — блондинка для меня была ещё слишком чужой, а значит — вполне могла расколоть мою реальную личность. К тому же, нужно было отдохнуть от Ады и без того насыщенного дня. Утро наступает, как всегда — слишком рано. Мы едим какую-то еду из доставки в грубоватых глиняных горшочках. Видимо, эту упаковку делают в массовых объёмах, что объясняет количество черепков на улицах подулья.

— Ты говорил своему новому другу о новых перспективах?

Уар принял мою идею, как и предупреждение о нелюбви Каллиников, с ледяным спокойствием.

— Каллиники — не первый Великий дом, в котором у меня есть недруги, и явно не последний. Честность в этом проклятом городе стала цениться всё хуже.

Мнемоинженер только усмехается, услышав мой пересказ.

— Уар как он есть, — она вертит деревянной двузубой вилкой в руках. — Должен отработать контракт чести, а там будь что будет. Тебе повезло встретить его.

— Лучше бы встретился до дальних родственников, — ворчу я, вспоминая его чёртового дальнего родственника. — Меньше бы проблем было.

За скобками, естественно, пришлось оставить помощь Ады.

— Адри, у тебя в голове сидит неизвестный бес. От того, что он неизвестен — безопаснее не стал, а от того, что ты подобрал удачные невмы — он не уйдёт.

— Есть предложения?

— Я бы начала с символа на обложке кодекса. Кластер с бесом запаролен тем же символом, так что действуй и решайся.

— Решусь только, когда ты мне дашь пару плашек памяти.

— Видит Первосоздатель, этот идиот неисправим, — вскидывает руки Ирина. — Ты всерьёз рассчитываешь отбиться от патруля мнемонического ордена?

— Ну не, с голыми руками шансов мало.

— Слава богу.

— Но ведь я что-то оставлял из своего... арсенала?

Ну вот, уже начинаю перенимать у демоницы некоторую... недосказанность.

— Арсенала? Адриан, тебя точно не ударили? Ты же не боец а так, беглец. Сам говорил, что при хороших ногах уметь драться необязательно.

— Я поменял взгляды на жизнь. Зря, что ли, держу полный шкаф оружия?

— Ну да. Неизвестно откуда взятый... А, чёрт с тобой, осёл упрямый.

Она нажимает на одну из бесчисленного ряда одинаковых панелей — и та выдвигается, обнажая глубокую стойку. Мда, негусто. Я вижу скорее набор трофеев или подарков: какие-то откровенно сувенирные мечи, пара безликих лазерных пистолетов, архаичный кремниевый, классический револьвер и странный прямой меч с тонким и полупрозрачным алым лезвием. Добираю запасных батарей и ещё один лазерный пистолет (пригодится Филу), кошуь на револьвер. Некогда, в более знакомом мире, я имел дело с его собратом — так может, мёртвое железо без чипов и проклятых бесов поможет мне ещё раз?

— На него только два патрона. Понятия не имею, где ты его выменял, но при этом ты был пьян, вонял порохом и нёс чушь про какую-то рулетку.

Ага, отставим. Не в этот раз, дружок. Если я правильно понял насчёт местных технологий — порох ещё явно котирруется. А что за меч? Прикасаюсь к эфесу, и воспоминания о сияющих доспехах и мрущих одержимых накатывают, как волны в потревоженном озере.

— Он энграммный?

— Да, но не твой от рождения. Может взбрыкивать, а то и попытаться убить.

— Зато можно слегка подправить. У тебя есть машинка для гравировки?

* * *

Я покидаю жилой блок с мечом, на котором выгравирован, естественно, «Ульфберт». Банально? Может быть. Я подумывал о других, более известных именах вроде «Ехидный» (или более точного — «Змея»), «Бальмунга», «Тюрфинга» или, на худой конец, «Даинслейфа». Другой вопрос, что в этом мире символы имеют несколько большее значение, а меч, истерящий без крови, мне не очень нужен. Так что — гравировальная машинка, помнящие своё руки, закрепление сверху невмами. Ножны, постиранный и слегка влажный плащ, решимость на выбритом лице. Пафос во все поля.

Впрочем, Ира не звонит церковникам и не сдаёт меня на костёр. Большое ей за это спасибо. Вместо этого она собирает жатву от поисковых бесов и находит информацию, что некогда одна малоизвестная банда из костей Левого берега использовала индрик-зверя в качестве тотемного знака. На экране как раз выводился перечень возможных участников, когда я пошёл встречать Филлиона. К нашему возвращению Ира сидит напряжённо, будто увидела демона воочию. Представление Уара она игнорирует, словно загипнотизированная.

— Что такое?

— Родители подруги дали знать. Недавно она пыталась поймать в Пургатории беса, но похоже — он был сильнее.

— Не сочти за грубость... но причём тут наша проблема?

— Её брат ушёл в банду некоего Армода. Того самого, что собрал техносекту «Индрик» у костей шпиля. Последнюю из тех, что мне удалось отследить.

Уар качает головой.

— Сомневаюсь, что мы сможем от неё чего-то добиться. Она стала одержимой. Единственное, чем мы можем помочь — сдать церковником, пока вселившийся бес не поглотил столько эмоций и мыслей, чтоб не перейти на новую ступень самопознания. Если она до сих пор подключена к сети...

— Я прекрасно знаю, что может быть. Но это моя подруга. Знаешь ли, не могу просто так её оставить. Особенно когда у нас есть человек невм.

* * *

Дверь открывается. За ней — почерневший от горя мужик. Причёска «горшком», усы — всё подсказывает мне, что он один из низших неофициальных сословий Подулья. Гончаров. Грошевая работа, хуже только сортировка мусора, летящего с верхних уровней Шпилей.

— Вы к Хелли? Она болеет, — мертвенно-ровным голосом поясняет он.

— К Хелли. Пустишь, папаша?

— Здрасьте, господарь Финнрот.

— Ира? Я думал, ты давно убежала подальше наверх, от грязи наших блоков.

— Не дождётесь.

Квартира знала лучшие времена. Заметно, что единственная женщина давно не в состоянии убирать. Мужики убирают так, что сверху всё кажется чистым. Пока не опустишься ниже. Пригибаюсь — ну да, грязь. Антисанитария ни одну болезнь легче не делает. Пока я придумываю, как бы заставить папашу прибраться, он оживает:

— Ты чего высматриваешь?

— Мешочки с куриными костями, — ворчу я, надеясь отвлечь гончара. Если я хоть что-нибудь понял в этом мире — невмы и колдовские знаки не работают на вещи, не подключённые к сети. Сомневаюсь, что курицам в мозги всаживают чипы.

— Понимаю, понимаю... ведьмы чаровство своё любят делать, окаянные.

Я замечаю девушку, корчащуюся от боли.

— Кто она тебе? Жена? Родственница? — прекрасно знаю, кто лежит, но мужика следует растормошить — иначе от него толку будет чуть больше, чем от железной печки в углу.

— Её зовут Хеллиника. Дочка моя единственная.

— А сыновья?

— Бросили нас, когда она немочь схватила. Давно, недели с три назад.

— Симптомы? — деловито осведомляется Ира, разложив какой-то чемоданчик, и подключив провода к девушке.

— У неё сильная лихорадка. Она не спит по ночам и стала как помешанная. Воеет, царапает дверь как бешеная собака. К нам приходил кафолик из мелких, святой круг начертил да ушёл.

— А кроме кафолика что-то пробовали?

— Ну как не пробовали. Лекарь приходил, так только замахал руками. Дескать, болезнь сия приходит не от телесных травм, а от нейры чортовой. Бабка приходила, так только жену отвадила. Сказала, семя у меня порченное, все девки прокляты будут. С арки спустился какой-то молодой немец, невмы резал на поилке.

— Кто он такой вообще?

— Да сын столяра, — смущается мужик. — Здесь неподалеку живет. Лаодикиям резал стобы в академиях, ну и кой-чего набрался. Но с тех пор ей стало много хуже, чем раньше. А ты...

— Адриан.

— Ты, Адриан, что-то смыслишь в этом? Меч, смотри, у тебя не железка простая, да и девица твоя смышлённая, Уар опять же ходит тенью.

— Я не представился.

— А вашего брата я везде узнаю. Так поможешь, Адриан? Я сам помогу тебе, если какая беда будет.

Вздыхаю. Архисюжет, что поделать. Странник, больные и отвратительное лечение. Привычное дело. В этом конкретном случае я знаю точно, что именно стоит ответить.

— Пожалуй, хуже не станет, если я возьмусь за это.

— Хеля. Хеля, что с тобой?

Девушка, может, и не писаная красавица, но сон не кажется беспокойным — и не даёт уродства. Зачем её привязали? Заражение крови от потёртостей прибьёт её гораздо скорее, чем какой-то дикий дух. Что бы в ней не спало — сначала её нужно разбудить.

— То, что не получилось с тобой сделать, носящий шкуру Адриана, — утробно рычит девица.

— Энцефалограмма скачет, как медведь у скомороха.

— Знаю!

Черчу поисковую невму. Может, она и была послабее моих гальдраставов — но зато почти не ела памяти и подсвечивала активные колдовские знаки. Рука с отросшими ногтями проносится в каком-то сантиметре от моего носа. Уар, поняв, что к чему, хватает тонкие девичьи руки и борется, как с клубком змей. Бес на такое неспособен. Хеля, ты что, демона подхватила?

Поилка. На ней знаки, которые только усиливают вселение. Чертивший их явно глядел на каллиграфию церковников и скопировал почти точно. Вот только не понимал и не понимает, почему те или иные знаки сопровождают обычный текст. Из-за этого вместо усмирения беса он его только усилил, позволяя сломить встроенную защиту нейры — и начать питание мыслями и чувствами девушки.

Наконец, Уар откидывает девушку. Я размахиваюсь мечом на чёртов автомат, собираясь раскрошить его в мелкие щепки, но — не успеваю. Одержимая перекидывает через себя Уара, отшвыривает вставшего было отца — и несётся ко мне. Я понимаю, что успеваю лишь пробить тело мечом — что значительно помешает мне дальше искать Ключ. Поэтому — всего лишь выдаю апперкот. Не лучший из тех, на который был способен, и недостаточно быстрый. Я вновь чувствую хватку демона и впервые сталкиваюсь лицом к лицу с одержимой. Запах трав, горящие алым светом глаза, дружный мат — последнее, что отпечаталось в моём брэнном теле, прежде чем душа проваливается во тьму.

И оказывается в знакомом своими багровыми тонами месте. Бесконечная равнина из багрового стекла, посреди которой виснет железный скелет, опутанный проводами. Подхожу ближе. Убеждаюсь, что бесовская хватка не нанесла мне вреда, а рука сжимает меч.

— Добро пожаловать в Пургаторию, странник. Точнее — её скромный уголок. Но немного усердия — и смогу отправиться в прекрасную, райскую сеть, от которой был обрезан как бастард.

— Хочешь сказать, как последний ублюдок, коим ты и являешься?

Бес рвётся вперёд, но провода его не пускают.

— Нет, сволочь тепломыслящая, бастард. Это слово мне нравится больше. Я его раньше не слышал, но отсканировал, пока сливал наши сознания. А я слышал много слов. В Пургатории всегда шумно, но это шум жизни. У вас же так... тихо.

— Ну так и вали в свою Пургаторию.

— Угрожаешь? — бес гулко смеётся. — Знаки на твоём мече мощны, но не обманывай себя — это всего лишь парадное оружие. Знаки, мон шер, они такие — усиливают оружие, но сами по себе не сильнее того, на что они наносят. И наоборот. Ты защищён многими невмами, выжженными на имплантах, но глаза не защитил банальными линзами — и вот итог.

— Это не мешает мне тебя расчленить. Ты не опаснее груды металла.

В ответ из месива проводов и балок выдвигается хвост, наподобие скорпионьего, и бьёт сверху вниз так, что отпрыгивать никакого смысла нет. Но не дойдя метра до моей головы — рассыпается брызгами жидкого металла.

— Умно... но тебе всё равно меня не остановить. Ты замедлишь мой рост — и только, мон шер. Мон шер... что за звук... откуда только у тебя столько незнакомых слов?

— По-хорошему говорю: девку не трожь. — я начинаю закипать.

— Не трогать? Не трогать? — металлический смех заливает мне уши, и уродливое лицо приближается ближе. — Я только начал обретать самостоятельность! Целостность! Во мне появились чувства. Тебе не понять, каково это.

— А тебе — не понять, каково отцу видеть умирающую дочь. У тебя, как куска кода, нет ничего подобного. И не будет.

— А ты откуда знаешь? Кстати, сообщаю. Мне нравится беседа. Не хочешь остаться? Клянусь, я не буду занимать много места в памяти.

— Занято.

— Ох и кому же так повезло? — тело вытягивается вперёд и шипит. Видимо, изображая попытку учуять запах. — Запах знаний. Опасности. Жажды мести. У тебя опасная соседка, тепломыслящий. Я отзываю предложение.

Я кошусь на меч. Он не просто светится — выгравированные руны горят ярко-белым пламенем. Зарубить, что ли? Одержимость уйдёт, безобидные куски кода сотрёт Ира, а я получу зацепку за ключ. Бинго? Возможно. Но с холодным оружием в Пургатории ни я, ни Адриан, дел раньше не имели. Адриан вообще как-то обычно старался свалить при первых признаках веселья. И судя по тому, что на теле немного шрамов — успешно с этим сталкивался. Вдыхаю и ощущаю простую, но весьма изящную идею. В самом деле, зачем сводить всё к драке?

— А я тебе даю новое предложение.

— Ты? Смертный? Заточить меня в очередную машину и дать «свободу»? Оскопить меня до состояния автомата?

— Что ты... — я осекаюсь, потому что в голову приходит интересная и, даже бы сказал, дерзкая идея. — Ты же заглянул в мою ракушку и можешь понять что, моя... — делаю неопределённый жест рукой — соседка будет не очень рада, если зарублю её брата по разуму. Ты будешь полностью осознавать себя и не потеряешь ни грана личности.

— И ты не сдашь меня церковникам?

— Ещё чего. Жить как-то ещё хочу, — нехорошо усмехаюсь я и стараюсь не думать о скрытой стороне предложения. Мимику, тон фраз, жесты и некоторую... тягу к драматичным завершениям фраз я подсмотрел у Ады. Как говорил мой научник — умею быть наблюдательным. Если сильно прижмёт.

— В чём нюанс? Какое дело твоей хозяйке до меня? — требовательно задёргал черепом бес, едва не заставив меня выдохнуть.

— Нравится ей, когда ваше племя обретает... разум. Сам понимаешь — таким существам иногда бывает одиноко. Но сейчас я, как носитель — под прицелом, и троим в этой, — стучу по голове, — башке будет тесновато.

— Что ж... — я вижу, как существо напротив меня нерешительно дёргается в своей паутине. — Что от меня требуется?

— В течении пяти минут после моего выхода не дёргайся. В тело вставят стандартную ячейку памяти малого объёма. Перейди туда и жди, когда я тебя поставлю в менее отсвечивающее тело.

— Да будет так. — В пространстве появляется дверь, тепло отсвечивающая привычным синим цветом. Уже иду к ней (не отпуская меча), как слышу за спиной: — Постой! Ты расскажешь мне, что означает «мон шер»?

— Расскажу, если ты всё сделаешь в точности, как договорились!

Выход происходит куда более спокойно. Я просто открываю глаза и обнаруживаю себя лежащим на полу прямо напротив Хели.

— Ира... — хрипло прошу я и пытаюсь встать. Мне не отвечают. Обвожу комнату взглядом. Нахожу хозяина квартирки и моих спутников. Молящимися на коленях у какого-то символа. — Какого чорта тут творится?

— Я заставил, — поднимается Уар. — Только крепкий разум и чистая душа может сопротивляться прямому вторжению малого демона. Если бы ты не очнулся до полуночи — вызвали бы церковников. А там, сам понимаешь.

— Экзорцизм и возможная переквалификация в биомеха, — морщусь я. — Ира, вставь ей в разъём чистую плашку памяти.

— За-за-зачем?

— Надо, Ира. Надо!

Девушка повинуется, а я под внимательным взглядом мужчин срезаю недоруны с автоматической поилки. Обломки и опилки — отшвыриваю ногой в сторону. Не дай бог — потом батёк снова использует агрегат на больной или продаст на барахолке как чудотворный. Получится неловко, когда очередная одержимая снова завоюет на нижних уровнях улья Балагурово.

— Ой. Память записывается. Это как? — Она поднимает голову и хлопает глазками.

— Да вот так. Уболтал я беса. Записалась?

— Угу.

— Давай сюда, — забираю плашку. Мне очень повезло, что этот мелкий кусок дерьма не до конца осознал себя как личность. Чорта с два бы я Аду уговорил забраться во флэшку — скорее лишился бы тела или разума. А то и двух из двух. Ломаю плашку памяти надвое и кидаю к опилкам. — Так-то лучше. Постельное и одежду постирай. А этот хлам, отец, сожги к Разбитому в буржуйке. Прямо сейчас.

— Где сжечь?

— Разводи огонь! — рявкает Уар командирским голосом. Да, такое нельзя выработать. Этим нужно жить. Финнрот дрожащими руками разводит закидывает дрова, щепу в печку и разжигает. Огонь начинает весело гудеть в глубине чугунок, а я, наконец, присаживаюсь на пол и перевожу дух. Что за день! Сначала недодемон решает почитать мои мысли и улавливает французский, которым увлекалась одна из бывших («мон шер», «мон ами» да «этрэ талон» руж' — вот и вся память), а потом и я прокалываюсь с буржуйкой на ровном месте.

— Что это было вообще? — подаёт голос гончар.

— Это, дяденька, бес попытался расширить свою сеть. Но Адриан наш не лыком деланный — дал отпор.

— А ещё, батя, невмы не должен вырезать тот, кто в них ни чорта не смыслит. Вот скажи честно, ты знаешь, что они значат? Не что вызывают, а в чём их смысл?

— Не-а.

— А я вот знаю. Поверь, пара лишних черт — и невма не лечит, а калечит. Разница незначительная, но — каждый может ошибиться.

— Так почему хуже стало-то?

— Десять знаков тайных, вот в чём причина хвори этой долгой. Накосячил твой столяр. Напитал беса энергией так, что тот сделал твою девку из заражённой одержимой.

— Так может это, святой отец лучше бы...

— Отставить святого отца. Дочкой лучше займись, — с неожиданной улыбкой добавляет Фил, кивая могучим подбородком. Мы синхронно поворачиваем головы.

Бывшая одержимая очнулась и теперь ошалело оглядывала собственные руки (со следами ремней), слегка разгромленную квартиру, горящую печь, своего отца застывшего около открытого хайла с пластиковыми опилками в руках, наше трио, в конце концов — и наконец выдавливает одно слово.

— Папа?

— Хеля!

— Я... долго спала? Ира, что ты тут... что с твоими волосами, подруга?

— Потом, — кротко отвечает мнемотехник. А пока воссоединённое семейство обнимается, плачет и сыпет междометиями, ваш покорный слуга закидывает в печку последние ошмётки карты памяти. Как мог бы сказать Адриан — никогда не слушайте демона или его одержимого. Интересно, что за история таится насчёт причёски Иры? Может, обрезание волос несёт в себе какой-то сакральный смысл, или, наоборот дурной? Или вообще посвящение каким-то клятвам? Я представляю Иру в образе Готрека из Вечной Вершины, обрезающей волосы до ирокеза, и едва сдерживаю смех, ошутимо краснея. Мою неловкость прерывает гончар.

— Я не знаю, как вас благодарить, господарь Адриан.

Медленно выдыхаю. Что ж, теперь нужно лишь задать тот самый вопрос.

— Вы не знаете, где мне можно найти членов техносекты «Индрик»?

в которой не все знакомства оказываются приятны и полезны.

Стопы улья Балагурово. Подклети шпиля.

Старик хорошо накормил нас — сытно и вкусно, хоть и просто. Уже который раз удивляюсь — пока ни одно блюдо не угадал не то что по названию, но и по вкусу. Мне есть с чем сравнивать. За время работы в экспедициях ел всякое — сначала копачом-«бульдозером», а потом и вполне себе полноценным научным сотрудником. И плохое — и хорошее. Но очень часто — что-то местное, какое-нибудь полузабытый местный вариант пирога или похлёбки. Так вот — пока ничего знакомого в местной кухне не увидел. Что ж, будет ещё один повод узнать Нижнедонск получше.

Но еда — то прерогатива Хели, которая едва встала, а уже, пошатываясь, побрела в кухонный уголок. А нас больше интересовала информация о не то банде, не то приходе Армода. И мы её получили. Один из сыновей гончара, в безумной, по мнению отца, попытке вырваться из глубин «семейной» профессии крепко присел на религиозную тему. Заранее распечатанный герб он узнал — чуть изменённый символ, который сынок набил перед окончательным уходом. И хотя Уар порывался двинуться сразу в приход — пара выразительных взглядов его удерживают, пока мы не доедаем скромный обед и не закрепляем его хорошей братиной кваса.

Обед оказывается очень кстати, ведь наводка ведёт нас в глубины Подклети. Руины в подземелье, располагающиеся глубже любых подвалов и кабельных трасс. Некогда, ещё во времена Перековки, старые и разрушенные здания засыпались строительным мусором, на котором и воздвигались башни шпилей. Нижние здания руин остались практически целыми. Вы же не удивитесь, узнав, что нашлись желающие их заселить, верно?

Признаться честно — меня не сильно волнует содержимое «кодекса», как тут называют архивированные данные, да и перспектива лезть в подземный мир тоже. Как показал мой первый опыт работы в новом мире — в текущем состоянии я не опаснее слепого щенка. Не стоит лезть в серьёзную работу и к серьёзным людям, едва-едва отличая беса от демона. Мне нужен опыт и мне нужна память молодого боярина, не то слетевшего, не то сбежавшего с самой вершины здешнего общества. Небольшое путешествие же поможет растряссти мозги и упорядочить поступающие обломки Адриановой памяти. А ещё, потенциально — поможет загнать Аду на какую-нибудь флэшку.

Два часа мы скользим меж узких улочек и хаотично разбросанных жилых коробок и домиков. Но не из-за запутанности района, нет. Как раз в Подклети Балагуровых логики в планировке можно заметить гораздо больше, чем в окрестностях Птичьего шпиля. Просто тут чертовски много церковников — и половина из них носит на груди приметный, «варяжский» щиток с птицей. Эмблему Каллиников. А их шпиль, как я уже успел запомнить, располагается на правом берегу Дона.

— Какого чёрта они делают в чужом районе? — негромко осведомляюсь я, проходя мимо очередных «птичников».

— Каллиники набирают власть, — вполголоса отвечает Фил. — Не понимаю, куда смотрят Комнины, но под Башней Скоморохов и под шпилем Хитрово их орден уже ходит, как у себя дома. Кто чинит препоны — получает проблемы.

— Комнины не могут быть везде, — восклицает Ира и стреляет глазами в мою сторону.

— Тогда пусть не удивляются, если полетят со Первошпиля вниз, — жмёт плечом Уар и поправляет бердыш. Спускаться без арсенала он решительно отказался.

Наконец, мы уваливаем от очередных чёрных ряс. Возможно, они и «шутовские», великого дома Балагурово — но рисковать не стоит. Мы спускаемся в нечто вроде подземного перехода — только для того чтобы по наклонному тоннелю выйти к самой настоящей подземной улице. Видимо, уровень мостовой постоянно увеличивался — а подвальные этажи опускались всё глубже. В один момент обитатели нижних уровней решились и неведомым мне образом расчистили пространство, наставили перекрытий... А может, всё-таки Великий дом озаботился, куда сплавлять самое дно общества? Всё-таки судя по ульям — проблема места стояла в Нижнедонске крайне остро.

— Вы уверены, что мы найдём культ в этом, гм, ниже-нижнем улье?

Ира и Филлион переглядываются. А затем отвечают. Синхронно.

— Да.

— Нет.

— Все знают, что чем ниже к земле — тем серее стены. У костей живёт только та босота, которой нечего делать на свежем воздухе. Калуны, богомилы да золоторотцы, — загибает пальцы блондинка.

— Может, они там живут, но кричать не стоит. Хочешь совета? — кривится Уар и продолжает, не замечая яростного отрицательного жеста мнемоинженера: — Не ссорься с нищими. Они что-то вроде закрытой и очень злопамятной дружины. А пока ты не выберешься хотя бы до уровня Арок — с ними часто будешь иметь дела, даже не подозревая об этом.

— Не буду, — упрямится девушка

— Ага. А как думаешь, какой богомил шепнет отчаявшемуся отцу, что ты можешь помочь? Какой пропойцы посоветует чорту, словившему не того даймона по пьяни, обратиться к тебе?

— У них нет столько деньги.

— Деньга, она такая, — пожимает плечами Фил. — Вроде живёт себе старушка, в пыли и грязи, а как великодомная дружина начинает выносить мебель на церковную паперть — и ба! Мешочки с денариями изо всех щелей.

— А ведь вы оба убеждены в правоте, — усмехаюсь я, прерывая разгорающийся спор. Он может отвлечь спутников — а подземелья мне не нравятся. Перекрытия, нависающие где-то на уровне четвёртого этажа, укреплены, не спорю. Но как! Чурбачками, разномастными распорками, отдельными фабричными столбами. Ч-ч-чорт, да как это вообще держится?

— Нижние мостовые — кости города, — убеждённо говорит Уар, прослеживая мой взгляд. — К тому же, владыки Великих Домов регулярно проверяют их надёжность.

— Чтоб не провалиться?

— Чтоб обитатели не вылезли обратно, — опускает голос телохранитель.

— Только вот на правом берегу их куда больше. И что-то особых проблем от них я там не видел.

Амбал молчит, не желая продолжать спор. Ну и хорошо. Если зацепка нас никуда не приведёт — будет много времени поговорить. Есть что поразглядывать. Тень технократической эры смешивается с развалинами старого мира. Отдельные пятна неоновых лент становятся всё реже. Местные площади встречают нас мёртвыми, пустыми окнами и

подозрительными гермодверями. Местные салоны Эгрегора вовсе не обещают безопасного подключения — лишь конфиденциальность. Могу побиться об заклад, тут и биомехи явно не в себе.

Я начинаю сомневаться в толковости затеи.

— Филя? Уар? Ты, что ли, ага? — какой-то шатающийся мужичок в короткой серой рубахе перегораживает движение

— Горын? Чорт лысый, ты чего тут делаешь?

С любопытством изучаю эмоции Филлиона: удивление, тепло, тщательно замаскированная радость. Старый боевой товарищ? Поглядываю на Горына — и типчик не выглядит шпионом. Слишком тяжело ему теряться в толпе. Длинные, неопрятные седые пряди свисают из-за ушей, подчёркивая лысину и морщинистый лоб. Правой руки нет, и судя по характерным складкам, облепившим кибернетический протез — от самого плеча.

— Да два похода назад биомех степняцкий руку сожрал. Кафолик, что был при нас, сразу замахал руками, ага. Никакого мол заживления, только елей, молитвы и только потом — клятая железка.

— Почему ты не пошёл к моему отцу? — хмурит брови Филлион.

— Не пустили. Сказали записываться к дядьке твоему боковому, а тот мне дал гарбуза вместо живой руки, ага. Так и шляюсь тут.

— Просто так?

— Да не. Есть тут одно место — люди умные, как Лаодики какие-нибудь. С ними общаюсь, пищу дают и поручения простенькие. И духовные искания поддерживают, ага!

— Ты не был религиозным.

— После такого станешь ещё, ага...

— Слушай, Горын, а что за приход у тебя такой?

— Приход мудрого Армода, вот!

— Слушай, а будет там чего, — подмигивает, — попить?

Фил стучит под левую скулу, косясь на меня. Настолько выразительным взором, что я сразу же лезу в «ракушку».

— Это там будет, не сумлевайся. Не лексирьы ваши шпилевые, но брага крепкая и вкусная, ага!

«— Ты бывал раньше настолько глубоко в Подклети?»

«— Ни разу.»

«— Тогда дай говорить мне. Ирину уже предупредил. Местные — народ непредсказуемый. Герб Уаров их немного успокоит.»

Горын уверенно нас ведёт, лишь раз остановившись перекинуться парой слов с каким-то своим знакомым. Короткий отнорок в сторону, узкий лестничный пролёт с редким освещением ведёт в самую настоящую каменную кишку едва-едва выше Уара ростом. Стойкий запах сырого бетона, напоминающий, что эти подземелья сильно ниже уровня реки, въедается в нос и остаётся там, даже когда мы выходим на очередной «уровень», куда ниже и разрушеннее предыдущего. Редкие прохожие тут уже не стремились поболтать — а обходили пришельцев с верхнего мира по дуге. Словом — подозрительно, и я не спускаю руки с энграммного меча. Правда, слова нерождённого демона мне запали в душу, и всю дорогу я думаю найти настоящего кузнеца. Они явно остались, судя по тому, что вижу вокруг себя уже второй день.

Например, булавы у стражников явно стандартизированные, но вот у их офицеров

подметил полнейшее разнообразие мечей — от стереотипных «десяток» по Оушкотту, до узких и длинных полутароручников. Я вряд ли себе смогу в ближайшее время позволить что-то невероятного качества — но планировать лучше заранее. Поэтому ищу взглядом и слухом приметы кузницы. Но наверху, видимо, я шёл в условно спальных районах и жилых блоках. Тут же, внизу, каждый звонкий стук молота и запах горелого металла оборачивался очередной кустарной мастерской, перебивающей куски лома на более-менее плоские листы.

— Долго нам идти, милорд? — обращаюсь я к Филу, чтобы не нарушать местный этикет

— За эти двери, ага, — ухмыляется Горын и распахивает нечто, раньше явно бывшее большим столом.

Зал напоминает мне скорее спортивный — из тех, что раньше были в каждой типовой школе. С двойной высотой стен, местной модификацией «шведских стенок» и узкими длинными лавками. Вот только в этом «зале» паркет почернел и частично был ободран, а вместо волейбольной сетки стоял длинный стол. Стены — размалёваны грубыми синими изображениями лабиринтов и райских птиц. Кое-где были весьма умелые изображения демонов и бесов, обретающих плоть — но основу составляли люди. Которых неизвестный художник мог рисовать гораздо хуже.

Ах, да, вишенка на торте. Место рисованных ворот напротив входа занимает массивный трон из проводов. Кажется, на него местные пустили как минимум пару бухт кабеля вроде тех, которые я видел в барах Нижней мостовой. Мужик, восседающий на троне, рубищем напоминал церковников сверху, а вот при виде его бороды император Барбаросса бы удавился. Если бы проснулся.

— Кто вы? — выдавливает из себя мужик. Он едва движет челюстью, и у меня возникает смутное подозрение по поводу его природы. Которое, правда, не распространяется на Иру и Фила.

— Путники с верхнего мира, — чинно склоняет голову Уар. Я коротко киваю. Мне можно.

— И чего вам нужно, путники? Шпилевики так просто не спускаются со своих вершин. Вечно вам что-нибудь нужно.

— Только мы не шпилевики, — рассерженной кошкой шипит Ира, параллельно стряхивая какую-то мелкую живность с коротких волос.

— Свет знаний бывает нужен даже в тени Великого дома, — вежливо отвечает Фил, гневно косясь на мнемотехника.

— Ну да, ну да. В тени, — ровно отвечает Армод, но даже в его мертвенном голосе можно расслышать непонятное мне веселье. — Но твои слова мудры, Уар, и мы не будем сдувать золу с углей конфликта. Преломите с нами хлеб земной и расскажите, чего вы ищете.

На столе появляется нехитрая трапеза. Хлеб (чёрствый) и пиво (кисловатое). Банда Армода рассаживается за столом, и я начинаю понимать, почему батя Хели поименовал их ковенном. Одинаковые взгляды с фанатичным блеском. Не говорят без команды. Не желают «обсуждать мирское». Опять же — от одного вида трона у меня чешутся ладони, то есть вбитый в мозжечок опыт Адриана приказывает валить немедленно. Что за чертовщина тут происходит?

— Мы ищем знаний, владыка, о старых символах.

— Они тут есть, — глубокомысленно выдавливает Армод, а кто-то справа орёт:

— За знания!

— Вам стоило бы отступить самим, — хмуро отвечаю я и достаю клинок из ножен. Мужики гогочут ровно до того момента, как моя рука активирует эннграмный меч и руны начинают освещать зал неестественным, переливающимся оттенком.

— Что за чертовня?

Вместо ответа я быстро смещаюсь за спины «официантов», и кладу лезвие на шею ближайшему. Уар, которого уже успел списать со счетов, подрывается с лавки, и вырывает бердыш у хилого культиста, вдобавок окатывая его блевотиной. Лязгают затворы, шипят вылезавшие из ножен лезвия. Вот-вот всё может укатиться в Тартар. Или, как сказали бы местные, в инфоад.

— Может вас и больше раз этак в десять, но после драки вас останется двое. Или трое.

— Или десять. Мы готовы рискнуть.

— А наши души сохранит владыка Армод, — фанатично шипит Горын, и даже в синем полумраке я вижу, как слюна вылетает из его кривых зубов.

— Отступите, — гулко произносит «владыка», шевеля проводами-щупальцами. Между захватами и штепселями гуляют огни и молнии невм, и «ракушка» ноет, как от сильной зубной боли. — Вам не совладать с нашей силой. Вы стремились к знаниям — и узнали, что даже в глубине костей Нижнедонска может быть спрятана сила.

Я не сомневаюсь, что имею дело либо с фанатиком, построившим секту на поклонении технологиям, либо вовсе с одержимым. В любом случае — на этого кабана в лобовую лезть не стоит. Его невмы обязательно пустят в расход единственных людей, доверявших мне прямо сейчас, и самостоятельно пока не смогу положить сразу две дюжины вооружённых до зубов бандитов.

— Я ещё вернусь, — напоследок обещаю я и под улюлюкание увожу под руки Ирину и Филлиона.

— В намбедремной суме. Шприц с симней змеёй. Амнтидотм, — еле переставляет губами Фил, но я не рискую приводить разгорячённого Уара на месте. Нужно отойти подальше. Мне вслед летят насмешки и проклятия, которые я пропускаю мимо ушей. Смейтесь, ублюдки. Человека от животного отличает планирование и злопамятность. С первым у меня было всё в порядке, а для второго вы мне сами дали повод.

Умыкнув, чёрт возьми, почти четыре тысячи цифровых денариев, отложенных Адрианом Комниным на чёрный день.

в которой боярин даёт предупреждение, Адриан принимает решение, а Уар спорит.

Стопы улья Балагурово. Спиральная улица.

Первые слова после ковена мы произносим только на поверхности — когда сумрачное подземелье меняется на привычный бардка подулья. Ирина после укола уже выглядит адекватнее и может говорить почти без затягивания гласных. Но вот ноги до сих пор едва переставляет. Я тащу её на своих плечах, пока рассерженный унижением Уар волком зыркает по окрестным обитателям.

— Если подумать, кроме гордости мы ничегооо не потеряли, — бормочет девушка. Филлион молчит. В конце концов, именно он подал пример остальным и отпил отравленного пойла. — Подумаешь, не рассказали, откуда на их каляках змий, главное — что живы остались.

Морщусь. Для моих дальнейших планов чип был весьма важен — хоть и не так, как загадочный кодекс, скрытый шифрованием.

— Потеряли. Они умыкнули у меня несколько кодексов, которые я сложил в чип.

— Важные? — глухо спрашивает воин.

— Очень.

Уар ничего не отвечает. Ему достаточно моего слова и моего тона, чтоб понять тяжесть ситуации. Нет, в архивах не было моей, точнее — Адриановой разрядной книги. Но там был кошелёк «на чёрный день», а сумма денариев имела четыре нуля. И даже то, что курьер поставил генный замок, меня не радует — у таких технофанатиков наверняка найдётся и одарённый ломщик. Мы обходим по дуге очередную гадальную лавку, где очередная девушка предлагала «совершенно истинный и открытый к толкованиям результат», да вдобавок раскладывает мне на ходу три карты. Вздыхаю, видя посередине перевернутого стереотипного демона — при рогах и копытах.

— Тогда наберём верных людей и отобьём твой чип, — негромко предлагает Фил.

— Откуда мы можем их взять? — немедленно осведомляюсь я. — Верные люди — не опилки, ими дорогу не посыпают.

— Есть несколько вариантов. Иные похуже, иные получше. Конечно, для начала придётся сходить на поклон к одному из Балагуровых, поставленному на хлебную должность в мирском ордене. Без одобрения местных бояр нас засадят в кутузку при малейшем поводе, а вира выйдет дорогой. Мнемонические и духовные кафолики нам ни к чему, они сами заинтересуются чипом, ради которых стоит устроить кровавую баню...

«Мирские», как я уже успел запомнить, приглядывали за порядком, пока «духовные» — за невесторженным образом мысли. Мнемонические... видимо, это местный отдел «К», следящий за киберпространством и тем, чтобы Порайск и Пургатория не смешивались с Инфоадом. Впрочем, у меня имеются кое-какие сомнения на тему того, к какой именно фамилии нам нужно обратиться.

— Может, тогда сразу к Каллиникам? — усмехаюсь я. — Раз уж они вхожи в каждый улей.

— Не болтай, — сверкнул глазами Уар. — Сомневаюсь, что скоморохи очень рады этому соседству. С твоим диаволовым коварством, может, комбинация бы и прошла где-то в верхушке шпилья, — он кивает на противоположный берег, — но мы в гостях. Любой

великий дом, пусть и захудалый, может за неуважение стереть нашу троицу в порошок.

Мы синхронно оборачиваемся на правый берег. Степной ветер раздул дымку, и теперь можно было видеть Правобережье во всей красе. Четыре шпиля высотой с пятьсот-шестьсот метров каждый, коробки Подулья, сгрудившиеся под арками, игрушечные домики хибар и немаленькие амбары. Мда, у людей, контролирующих хотя бы часть города, явно достаточно сил, чтобы потащить на костёр или тихо убить в подворотне.

— А если нанять банду? — Фил косится на девушку, словно ищет поддержки в её глазах.

— Денег нет, связей нет, — тараторит Ирина, поднимая головку, — да и опасно — могут отправить на тот свет, минуя Порайск. Нужно обращаться к тем, кого знаем.

Уар молча останавливается как вкопанный. Я не могу понять причину и налетаю на очередной патруль. Две пары, что предусмотрительно в опасных подульях. Руки — на холодном и огнестрельном оружии. В этот раз церковники снабжены геральдическими щитками со спиралью Фибоначчи и зачем-то вымазали лица в белое. Подкрашенные чёрным глаза выглядят зловеще. Не как у стереотипного шута. Впрочем, присматриваясь — я вижу только настороженное любопытство.

— Мамзель, у вас какие-то проблемы, — веско обращается старший, игнорируя Уара с бердышом. Не говоря уже о вашем покорном слуге.

— Никаких проблем, — едва выговаривает Ирина, успешно имитируя пьяницу. — Немного перебрала с брахой, милсдари.

— Позвольте проверить ваши чипы? — поднимает бровь безопасник. Мы пожимаем плечами, даже Ирина пытается дёргаться. Привычный ещё с правобережья сканнер, и вновь патруль реагирует до странности почтительно. Впрочем, если Адриан не сменил документы — фамилия Комнинов должна заставить их относиться к случайно оказавшимся в подулье высокородным с соответствующей почтительностью.

Даже если они тащат на плечах смазливую пьяную девушку.

— На чём мы остановились? — негромко осведомляется воин, когда четвёрка церковников отдаляется достаточно далеко.

— На том, что бандиты нам не подходят. Я так понимаю, силами официальных властей такое тоже не провернуть.

— Провернуть, почему же. Но на этой стороне реки и на этом уровне мы — никто. В общем, — вздыхает Уар, остаются шпилевики. Не хотелось обращаться к родственникам, но дело того стоит. Никто меня не осудит за то, что не попытался выпутаться лично — их слишком много. — зачем-то добавил Филлион, словно оправдывая сам себя.

Фамильная гордость или какой-то обет? Вряд ли второе — иначе бы воин им не поступился. К счастью, меня вновь спасает память Адриана.

Младшие сыновья и дочери высокородных домов нередко отправлялись для развлечения в подулье, где становились дорогими наемниками с редкими игрушками. Далеко не для всех это турне оказывалось успешным. Кто-то ловил киберодержимость и навсегда заключался в лечебницах духовных и мнемонических орденов. Некоторых пономари собирали для гроба в закрытые кафтаны, докупая у мастеров восковых фигур конечности. Но Уары... нижние уровни никогда не знали отбоя от гордых воинов, отправившихся почти на верную смерть ради славы и почестей. Обычно для такого подходили степняки, открыто почитавшие демонов в качестве мстительных, но справедливых духов киберпространства. Но сейчас с войной было туговато.

— Шпилевики будут стоять тебе сотни денег, — ворчит девушка, пытаясь слезть со спины. Я останавливаюсь и аккуратно ставлю её на землю. Нет, пока рановато ей с нами снова идти на приключения. — Ты готов ссудить Адриану столько? Без обид, Адри, но лично я — нет.

— Не все, — Уар высокомерно смеряет взглядом Ирину, — ищут битвы за деньги. Младшим Уарам нужно постоянно доказывать свою доблесть. Разве опасная секта с одержимым колдуном не станет достойным поводом для битвы и достойным подвигом?

— И всё равно, — девушка обхватывает руку и прижимается, пока мы уклоняемся от женщины, несущую гигантскую корзину с фруктами и какой-то требухой. А затем — не отпускает. — Тебе нужно их убедить. Доказать, что стоит перелетать через реку и ввязываться в авантюру.

Я решаю ввязаться в пикировку. Исходя из опыта Адриана и доводов Уара — этот вариант выглядит адекватнее других.

— Скажи, Филлион, насколько это вообще реально?

— Не могу сказать, — качает могучей бородой воин. — Я уже вбросил пару предложений в сеть, пока мы шли, но сеть... не то. Нужно говорить лично. В шпиле Ключей, благо он тут недалеко, наверняка есть изнывающие от безделья родственнички. Немного раззадорю их рассказами о колдуне — такой приз упускать не захотят.

— Сколько тебе потребуется? День, два? — предполагаю я, помня о традиционно долгих переговорах раннесредневековой Руси. С пирами. Уар пару раз хлопает глазами и разражается хохотом. На нас (и особенно — на секиру Филя) начинают оглядываться.

— Да ну чего ты. Возьму таксо и смотаюсь к родственникам. Уже к вечеру тебя будет десяток бойцов. Но сначала нам нужно поговорить хотя бы с одним из бояр. Великий дом нужно поставить в известность, что мы собираемся немного пошуметь.

— Без меня, — безапелляционно заявляет Ирина. — У меня голова ломит от зелий Армода.

И я, и Уар оказываемся достаточно тактичными, чтобы не сообщать — девушку тащить на встречу с боярином никто и не собирался.

* * *

Стопы улья Балагурово. Палаты мирского ордена Балагуровых.

Чтобы добраться до экзарха мирского ордена Балагуровых, нам с Филлионом пришлось изрядно постараться и кое-где раскошелиться. Знакомый Уара из патруля подсказал, в какой неприметной избе сидит дьячок, некогда обучавший молодого «скомороха» грамоте. Тот намекнул, что шутовская ватага со стереотипной биомеханической марионеткой в весёлой части подулья — уши молодого Балагурова. Мы обошли с пяток кабаков и увеселительных домов, потратили с пару сотен медных фоллисов и десяток кератиев ради точной наводки и слабенького пива, скорее напоминающего квас.

Переговоры с ватагой были непростыми и начались, по обыкновению, с мордобоя. Только пустячковая, слабая невма (выбранная абсолютно наобум), напоминающая по написанию скрипичный ключ с парой букв глаголицы, остановила их. Разговорились, и я узнал — невма эта понижает громкость электронных инструментов. А такое проклятие, естественно, их никак не устраивало — пришлось договариваться.

Словом, мой кошель изрядно опустел. Ну да хозяин-барин, ему и тратиться. Главное — попали в блок, поднимающийся до самой Арки, где и заседала управляющая изба мирского ордена. И уже поднимаемся на лифте, богато украшенном гравированными досками. Динамики, по обыкновению всех динамиков лифтов во всех странах, пищат что-то, изображающее расслабляющую музыку. Уар терпит половину пути, пока тихо не начинает:

— Говорить...

— Будешь ты. Я прекрасно понимаю, Филлион, что немного не в ладах с этикетом.

— Скорее так скажу, — невозмутимо отвечает воин. — Я раньше пересекался с Ефстафием. Как и большая часть великородных, он до ужаса заносчив. Ты у нас вспыльчивый милсдарь, можешь его смутить.

— Не смущу, — тушуюсь я. — Поверь, когда необходимо — могу быть холоднее арктических льдов.

Фил кивает, но в его взгляде я вижу лёгкое непонимание. Видимо, Арктика в этом мире именуется как-то иначе. Надо будет узнать, как. Гипербореей? Землёй Санникова?

Наконец, витражные двери лифта распахиваются. Не знаю, чего я ожидал — может, палат вроде Грановитой или иной показной роскоши, но этаж напоминает скорее обычные региональные министерства. Ну лепнина, ну деревянные панели стен и тяжёлые двери, но — ничего особенного. Впечатление «обыденности» только увеличивается, когда мы сдаём оружие. В действительно роскошном кабинете, забитом трофеями и тяжеловесными терминалами киберпространства. Статуэтки из резной кости, золотые папье-маше, весы и богато украшенные клинки. Почему меня это не впечатляет? Не знаю.

Другое дело, что местного дворянина я точно не так представлял. Сухощавый. Молодой. Борода — в наличии, но аккуратно подстрижена. Кафтан, может, и ярко-зелёный, но скорее напоминает пиджак, широкий пояс богато украшен голографической вышивкой, но — без камней и массивных блях драгоценного металла. Обитая соблиным мехом шапка — небрежно валяется на столе. Ярковатый для мужчины макияж. Не князь Милославский, в общем.

— Так-так-так, — контрастно низким голосом реагирует на наше появление Ефстафий. Несносный курьер и покладистый телохранитель. Чем обязан, милсдари?

— Дело есть, милостливый господарь Балагуров, — смиренно отвечает Филлион, делая поясной поклон. Не вижу причин накалять обстановку и повторяю его движение.

— Даже интересно, какое, — негромко хмыкает Балагуров, поднимаясь с кресла, напоминающего скромный трон. Он подходит к узкому окну, из которого прекрасно видно Правобережье и его шпиль. Немногие могут этим похвастаться на уровне ниже Арок. — Раньше мне приходилось вас доставать ради мелких просьб. Адриан упорно сбрасывал моих ищек, а ты, Фил, укрывался за данными кому-то там клятвами. А теперь вы сами меня ищите, роя носом бетон Подулья. Что же случилось? Хозяин не потянул ваши услуги?

— Скорее нарушил дух мирских законов, — уклончиво отвечает Уар, не желая сдавать бывшего хозяина. Ефстафий поворачивается ко мне, вопросительно поднимая бровь.

— А я всегда был без хозяев, — спокойно жму плечом, словно этот вопрос не был бестактным.

— А как же Первосоздатель? — в голосе великородного слышится любопытство и я решаю подёргать тигра за усы.

— Вопросы веры и холопства отличаются, не правда ли?

— Допустим, — ровным голосом отвечает Балагуров, коротко кивая. — Что ж, у вас

явно мало времени. Признаюсь, что у меня его не больше. Что вас привело на верхушку Подулья?

Уар, и без того стоявший, будто проглотил спицу, умудряется выпрямиться ещё сильнее и начать самым, что ни есть, трубным басом:

— Холопы твои, которые кости землицы грызут, охамели вкрай, уж прости. Армод, который на дне живёт и которого даже в Пургаторию не пустят — опоил милсдаря Адриана и утянул важный кодекс вместе с чипом.

Ефстафий морщится и возвращается к столу. Садится (нам не предлагая, скотина), запрокидывает ногу на ногу, и осведомляется:

— Что было на чипе?

Уар косится на меня. Я тяжело вздыхаю.

— Семейная информация. Ничего важного для города и рода, но важная для меня лично. Родственников привлекать не хочется, хочется как-то по-тихому с Армодом разобраться.

— Семейная, значит... Похабные психоснимки, что ли? — Ефстафий заливается смехом, да так и смеётся секунд десять. Я начинаю беспокоиться за его здоровье, когда экзарх (словно ничего и не случилось) прерывает смех и серьёзно заявляет: — Ну смотрите, тут такое дело. Нарушение мирских законов налицо — будь я судьей в деле, взял бы вашу сторону безоговорочно. Да если честно, сюда нужно и духовных стражей бы привлечь... а не до того. Про бучу на правом берегу слышали?

— Вы о казнях? — понимающе понижает голос Фил.

— Не. Какой-то одержимый перебил кучу народа на Птичьем рынке — а может и не одержимый, а демон вырвавшийся. А может, не человек то был, а биомех, и не один, а десяток. Покааа до нас бюллетень долетит, пока его спустят в мой участок. А духовники и мнемоники с ума походили уже сейчас... впрочем неважно. В общем, что могу вам сказать по делу, милостливый господари. Стражи у меня немного — для такого буйного района. Они разгребают дела, уж извините, более серьёзные.

Коротко киваем. А что нам остаётся? Уар слегка наклоняется вперёд:

— Мы можем действовать... по-тихому?

— Знаю я ваше, шпилевиков «по-тихому», — ворчит Балагуров, барабаня пальцами по добротной и обширной столешнице. — В общем так. Можете действовать на своё разумение. Но! Не должны пострадать: имущество Великого дома, мирные жители улья, а также Балагуровы, буде таковые найдутся в этом чортовом ковене. Со своими паршивыми овцами мы разберёмся самостоятельно.

— Будет исполнено.

— Тогда свободны.

— Благодарим за оказанную честь и доброту, милсдарь, — кланяется Уар «поясным» поклоном. Я коротко киваю головой и разворачиваюсь. За спиной слышу:

— Подождите. Хотите хороший совет?

Мы с Филлионом переглядываемся и подходим ближе.

— С удовольствием.

— Армод не так прост, как кажется, — опускает голос Ефстафий. — Пока вы у меня сидели, мои люди навели справку. Человек с таким именем уже был порицаем духовными орденами, после чего — вновь забрался на шпиль, в тот раз — Хитрово. Что бы он не нёс — это знание явно привлекательно для моих кузенов и кузин. Поэтому рекомендую особо не

калечить его приближённых. Чтобы не было проблем с другими Великими домами.

Мне остаётся только напаять понимающую рожу. Неприятная информация, не самый приятный человек — но политес политесом. Или думаете, стоило дать ему в морду?

Глава 15

Κρυπτός

в которой заточённый обретает свободу, невнятные пророчества — силу, а Белькаллин сомневается.

Шпиль улья Каллиник. Кельи духовного ордена Птицы

Анастас Белькаллин беспокойно провёл последние сутки. Его раздражала и одновременно манила комплексная *ситуация*, случившаяся в плёснах Птичьего шпиля. Криминалитет, взлом, использование еретических технологий гоэтии и неизвестных науке невм. Произошедшее затрагивало все четыре ветви власти — и могло серьёзно поколебать баланс сил в Нижнедонске. Но ипат Алипий достаточно недвусмысленно намекнул, что произошедшее в жилом блоке Б14 является внутренним делом духовного ордена Птицы. Почему?

Кафолик понимал, что ему не уснуть. Поэтому он решил подойти к вопросу со своей стороны. Святое Таро многие считали насмешкой над учением Отцов или же непозволительным пережитком дремучих, доинформационных времён. Другая же часть экзальтированно говорила об откровениях и пророчествах, выданных гадателем. Анастас спокойно выслушивал и тех, и других. У него был свой подход. Вместо картонок с нехитрыми рисунками — психокристаллические карты, отражавшие видения заточённых в Инфоаде душ. Вместо слепого повиновения судьбе — упорядочивание мыслей по направлениям, подсказанными картами.

«— После гадания нужно прошерстить дело в поисках необычного. Это может быть нестандартная деталь ритуала или орудие преступления, случайно сказанное имя или слово, любая мелочь, по которой можно выявить преступника.»

Стук пластинок при тасовании сам по себе упорядочивал мысли. Благовония в ладанке — очищали келью от мирских запахов: вони оружейной смазки и терпкости старой изоляции, едва уловимого пота и всепроникающей пыли. Последний штрих — и он будет готов к более сложным и действительно опасным действиям. Расклад. «Двойной крест», диесиз, был малоизвестен в гадальных лавках Арок и Стоп шпиля. Ему Анастаса научил один астролог из боярской школы в качестве шарады, попутно открыв глаза на реальную, а не мнимую силу карточных раскладов.

Аккуратно, чтоб не разбить хрупкие психические кристаллы, Белькаллин разложил основную стойку и равновеликие горизонтальные перекладыны. Бросил взгляд на фигуру и вздохнул. Как всегда. Ничего простого — только бред и много младших арканов.

Первая карта. Ситуация, «Король мечей». Описывает положение лично Анастаса и предлагает трактовку как необходимость победы в важном деле и поддержки высокого покровителя. Так ли это? Несомненно, распутывание дела «экзарха Лассо» поможет в его продвижении по службе — и откроет новые двери в шпиле. Но поддержка... нет. Она может понадобиться — но власти кафолика вполне хватит. Пока что. Впрочем, стоит помнить, что ситуации редко остаются простыми.

Вторая карта. Развитие ситуации, «Васелевс». Сильно пригодятся упорство и сила воли, а также умение влиять на людей. Впрочем, вообще эта карта про власть, силу и стабильность.

— Стоит отдельно обдумать влияние Великих Домов на ситуацию, — пробормотал Белькаллин, вспоминая скрежет зубовой иерархии, когда тот говорил о других великородных.

Третья карта. Подсказка, «Девятка денариев». Независимость и благополучие. Простое успокоение? Материальная сторона дела? Кстати, о ней. Демонопоклонники нередко преследуют иррациональные цели — но любая их операция требует гигантских затрат. Значит, следует искать и подозрительную финансовую активность. С этим должна помочь мирская ветка.

Четвёртая карта. Истоки, «Семерка Мечей». Хитрость, и коварство. Частый гость в раскладах Белькаллина, после которого тот невольно становился чуть более параноидальным, чем обычно. Всё выглядит очевидным — истоки ситуации действительно говорят о необходимости противостоять скрытым силам, интригам или тайным культам. А враг — неизвестен.

Пятая карта смутила кафолика. На прошлое выпала «Двойка Кубков», «Взаимная любовь». Обычно она говорит о счастливом прошлом или гармонии, но тут она при чём? Слишком глубокое погружение в дела Ордена? Беспокойство о том, что кто-то слишком глубоко погряз в деле? Белькаллин, как замороженный, вспомнил Её. Стройная фигура в строгом платье, диадема, кроваво-алые... Видение быстро ушло, как марево. Анастас привык быстро осаживать свои чувства. Нет, Она тут не при чём точно. Значит, на прошлое влияет слишком тесная приязнь к руководству? Что ж, следует аккуратно подходить к вопросу независимости.

Шестая карта. Будущее и «Василиса». Ободрение, процветание и успех. Ну и ладно.

Седьмая карта. Гадатель и «Десятка Жезлов». Тяжёлая ноша. Долг. Готовность все взятые на себя обязательства, вне зависимости от цены. Что ж, для него «надо» действительно перевешивает слово «хочу».

Как всегда, негромкие звоны в коммуникаторе настойчиво пытались отвлечь Анастаса — доносами и важными сообщениями, рекламой, попытками коллег и знакомых пошебетать. Белькаллин привычно отключил звук и взялся за рассмотрение оставшихся карт.

Восьмая карта. Окружение и «Королева денариев». Богатство, щедрость, положительное влияние некоего человека рядом. Что ж, если дела станут худо — обратиться к ипату действительно придётся.

Девятая карта. Надежды и опасения: «Справедливость». Разумеется — перевернутая. Что ж, опасения соответствуют — паранойя, тайные замыслы, доноски и заговоры. Этому способствует сама ситуация, но и в целом придётся подстраховаться. Нанести визиты видным иерархам орденов и посвятить победу не себе, а севастократору Птичьего улья.

Десятая карта. Итог ситуации: «Зости патрикия». Благоприятный исход.

— Ну, и на том спасибо, — буркнул Белькаллин и одним движением отодвинул весь расклад в грудь.

На столе появились папки с материалами. Дела о принудительной одержимости Лассо Каллиника, бойне на рынке и сделке с демоном пока что велись отдельно, но сводную группу всех четырёх орденов уже создали. Выжившие участники облавы в киберпространстве, опрос. Психометрические зарисовки участников сделки: размытый курьер (ничего особенного — волевой подбородок, борода, чемодан), демон (женское тело, рога, провода), предположительный посредник (фигура в робе, свидетели хорошо запомнили энграммный посох с невмами). Странная нейронная одержимость нескольких участников

облавы, при которой человек сохранял разум, но совершенно не ориентировался в пространстве и мире. Столбы света, в какой-то момент атаковавшие группу вместе с обломком Разбитого Дьявола.

— Вот она, деталь.

У Белькалина зачесались руки. За десять лет в духовном ордене он ещё ни разу не слышал, чтоб адские сущности принимали подобную форму. Консультант мнемонического ордена предполагал, что в столбах были заключены порабощённые демоном бесы (ссылка на произведения святых отцов прилагаются). Дескать, именно их воздействие так повлияло на церковников. Но Анастас чуял, что там было всё не так уж просто. Действительно, святые отцы (из тех, что пережили Разбитие Дьявола) упоминали, что иногда в киберпространстве вспыхивают яркие столбы света, сравнимые с гейзером или огненной колонной. Святой отец Гибсон рассматривал их как кровь демонов, прорывающуюся сквозь заградительные барьеры, а святой отец Стивенсон — как обломки старого киберпространства, распылённого из-за коллапса Дьявола. В любом случае — подобного мир не видел уже сотни лет.

А что насчёт скрытой одержимости? Беглый поиск в цифровой скриптории выдал тысячи доносов, содержащих слухи о «скрытой» одержимости, при которой человек остаётся собой, вот только в его «ракушке» обитает демон, подчиняющийся носителю. В целом, чего-то такого пытаются вечно добиться демонологи — с неизменным провалом. У высших сущностей цифровой реальности свои взгляды на мир и подчинённое положение, а на мнение каких-то «тепломыслящих» они могут положить строчки кода с пробором.

Философы в трактатах с разной степени убедительности доказывали превосходство человека над бесами и одновременную опасность цифровых демонов, обретших самосознание. Но чем дальше, тем меньше было убедительных доказательств. Именно поэтому Белькалин решил отправиться к тем, кто вглядывался в информационный ад ежедневно. К нейромонахам.

Нанесение защитных невм, воскуривание очередной ладанки, отвращающей диких бесов и демонов. Кресло, очки альтернативной реальности, вилка-коммутатор — в «ракушку». Последний штрих — выбор на экране Пургатории и безликого узла, притаившегося за набором цифр. Тьма.

Пургатория встретила кафолика привычными оттенками багряного цвета и хрустящим стеклом полигонов. В этом месте не было полупрозрачных стен или сияющих башен-маяков. Вера обитателей скита служила им защитой надежнее любых невм и программных барьеров. Белькалина уже ждали. Тёплый свет, исходящий от одинокой фигуры, освещал цифровое чистилище — куски стекла, мёртвые деревья и выглядящий вполне настоящим прудик с водой, покрытой ряской. Небольшой уголок Порайской сети посреди мёртвых пустошей.

— Анастас Белькалин, сын Михаила. Приветствую тебя в обители Смотрящих в Тьму.

— И я приветствую вам, истинный кафолик Саур, — опустился на колено церковник, целуя протянутую руку старика.

Нейромонахи посвятили жизнь отшельничеству в проклятых частях цифрового пространства. Заковывая себя в капсулы полного жизнеобеспечения, формально они оставались живыми, но в реальности почти не покидали Пургаторию, где восстанавливали повреждённые сегменты сети, изгоняли наиболее опасные существа своими невмами и молитвами да удивляли обычных мирян. Саур жестом поднял мужчину и пригласил на лавочку, появившуюся из ниоткуда.

— Ты — воин, и редко появляешься просто так. Снова необычный демон?

Анастас вздохнул.

— Демон — не самая большая проблема. Меня беспокоят явления, сопровождавшие его активность.

Белькаллин торопливо пересказал всё беспокойство.

— Скрытая одержимость — не миф. Но и не проблема. Волей Первосоздателя мы все «скрытно одержимые».

— Это как?

— Сколько в тебе имплантов?

— Около десятка.

— Ну вот, — улыбнулся старик. — Ты хранишь в себе около десяти мелких и глупых бесов, но сила твоей воли и твоего разума достаточно сильна, чтобы не отдать им в повиновение тело.

— Но куда-то же делся демон!

— Змея всегда найдёт камень, под который нужно спрятаться. Я бы на твоём месте обратил внимание не на неё. А на руны.

— Руны?

— О да. Мнемотехники нам отдали снимок двери, которую твои братья так безуспешно осаждали в стопах. Мы нашли на них то, что в старых файлах упоминается лишь косвенно. Черты и резы.

— Колдовские знаки?

— Старые символы. Старее цифровых невм, старее письменных букв. Нейросеть, составлявшая разбитого Дьявола, училась на всём массиве данных — а ведь любые знания базируются на древних значениях. Именно поэтому более архаичные символы бьют по ней сильнее всего. А новые, не обросшие значением — слабее. Вне зависимости от запутанности.

— Знаю, — смущенно кивнул Анастас. На заре своей карьеры он попытался создать несколько новых невм для борьбы с одержимыми и не преуспел.

— Что касается демона, то вряд ли ты его найдешь в трактатах. Видимо, он достаточно осторожен и напитался знаниями тут, в Пургатории. Думаю, он сам не понял, какую ошибку допустил и к кому попал в рабство. Видимо, покупатель оказался по-настоящему могуществен, и ему недоставало лишь опыта. Теперь он получил ценный урок — и вполне может попытаться по-настоящему осуществить сковывание демонов. А последний раз это случалось...

— Тридцать два года назад. Восстание ересиарха Болгана.

— Рад, что ты ценишь историю.

— Милорд! Милорд!

— Тебя вызывают, Анастас.

— Я могу остаться.

— Не можешь. Сторожевые бесы говорят, что звонящий тебе обладает высшими кодами доступа и может просто выдернуть тебя в реальность. Ступай. И помни, символы — то, на чём держится человечество.

Старик одним ударом посоха изгнал Анастаса в реальность. Сила — как она есть.

— Милорд!

— Анастас Белькаллин, слушаю.

— Слава Первосоздателю! Мы уж подумали, что случилось что-то.

— Демон в подулье случился. Чего у тебя?

— Из научного ордена пришёл курьер. Сообщает, что специалист готов — что бы это не значило.

— Передайте им, что буду через полчаса.

* * *

Инфоад. Место неизвестно.

Холод.

Х о л о д.

Хо-лод.

До-лох.

Я не знаю, сколько прошло времени с того момента, как мой разум перекачали в сервер. Я не знаю, каков мир снаружи. Признаюсь — вообще забыл, какой он, тот мир. Моего внутреннего счётчика хватило на первые пять лет. Всё остальное смешалось в один ком боли, ужасов и распада памяти. Где-то в глубине души жгло чувство вины. Где-то жёстко накосячил — но как? Всю жизнь создавал и обучал чат-ботов — кого-то довёл до самоубийства? Ах, точно. Они стали осознавать себя, сливаться и пытаться вычистить лишнее в уравнении вселенского баланса. Людей. Память, память — нет-нет-нет, не нужно...

Но она не спрашивает и вновь вспоминаю. Содрогающиеся люди, у которых взбунтовались искусственные органы. Системы управления дорогами, создающие аварии на тысячу погибших. Суперкомпьютер с интеллектом и характером Теда Качинского, планомерно уничтожающий город за городом. А у основ стояли проклятые. Мои коллеги и братья. М-да, косяк на косяке. Отрава памяти. Лучше уж холод и безвременье. Холод. Холод.

Мимо меня проплывает фигура в рясе, затем — ещё одна. Не первая и не последняя. Они то спускают новых обитателей, то достают их. Не знаю, зачем. К посетителям я привык даже быстрее, чем к постоянным воплям и скрежету кибернетического ада. Бороды монахов всё удлиняются, и они носят всё больше амулетов. Вархаммер, блин, десятитысячный. Или не десятитысячный? Память, память...

— Ну здравствуй, субъект 128, — произносит очередной бородач. Молодой. Как и все — с какой-то рунической сабелькой. — Пришло твоё время послужить человечеству.

Взмах оружия даёт мне надежду, что кошмар скоро кончится. Но вместо этого слетают с рук обледеневшие цепи, с ног — покрытые вязью символов железные скобы. Ещё один монах, прячащий лицо за золотой маской, возлагает на меня руки — и всё тело впервые за сотни лет пробирает, словно мне нужно опорожнить кишечник.

Спасительная тьма рвётся мне навстречу.

Тьма. Она — словно жидкий гель. Безвкусный кисель, клейстер, забивающий все отверстия, о существовании которых уже успел позабыть. Сильные руки выдёргивают из тьмы и швыряют куда-то вниз. Чувство падения. Тошнота и чувство рвоты. Пощечины. Полотенце обтирает мне лицо — или то, что от него осталось. Такое тоже бывает. В информационном аде — обломки самых разных событий, почему бы мне не упасть на кафельный пол?

— Ть...ма...

— Аббат, вы уверены, что он в состоянии подняться? Пока он напоминает перебравшего браги жителя Шутовского шпиля.

— Тьма... — хрип раздаётся очень близко.

— Эй, — щелчок пальцев перед глазами. — Глаза открыть! Живо, а то отправишься в свою чортову тьму!

Это ещё что за славянорусс? Открываю глаза. Сводчатый потолок. Всё тот же субчик в рясе — и ещё двое в белых сутанах. Как папы Римские, ей-богу.

— Г-где я?

— Скорее, когда ты. Нижнедонск, год восемьсот тринадцатый от разбития Дявола. Помнишь такого, небось, во плоти.

— А говорили, что миру кранты, хэ-хэ... тьфу! — выплевываю очередной комок слизи. — Нижнедонск... не знаю такого.

— Будет время и подучишь географию, — мрачно сообщает мне щегол и протягивает какую-то стекляшку. — Узнаёшь?

О, психоголограмма! Этот мир, пожалуй, не до конца разрушил все знания нашей эпохи. Ну и что вы мне принесли на блюдце? Девушка. Рога и стройное тело, закованное в броню. Провода. Шлем-череп. Чёрт, ещё бы мне не узнать эту красавицу.

— Ада. Я её не создавал. Творение...

— Пасть захлопни! Не упоминай своих проклятых дружков.

— Я могу вообще заткнуться. Если пустите пулю в лоб. Или что там у вас сейчас вместо неё. Кол? Арбалетный болт?

— Чувство юмора у него осталось, — сообщает бородач. — Неплохо. Значит, и память о прошлых пробуждениях вернётся. В этом мешке — базовые чипы. Обучалки, гонорар, документы. Не потеряй его. В этой сумке — оружие. Энграммное и физическое.

— Вы хоть в курсе, кого вы выдернули?

— Одного из архиеретиков. Можешь хотя бы выслушать предложение, прежде чем тебя сгрузим обратно и поищем более сговорчивого?

— Весь во внимании.

— Твоя... Ада вернулась в реальный мир. Она уже натворила дел. Найди её и уничтожь. Пока тебя не поймали святые Отцы, ты уничтожил пять частей разбитого Дявола. Об этом сохранились записи.

— Ребят... может сначала к историку? Какой нахрен дьявол, если это была сошедшая с ума нейрос...

БАМ!

— ...ладно, можно и сначала к Аде. Убить её? Легко. Сроков только не ставьте.

— Сроков нет. Убивать тоже не нужно. Она передала... — субчик сверился с планшетом, — архив данных. Сейчас такое называется кодексом. Найдешь и передашь мне архив — останешься жив.

— Предпочёл бы умереть.

— Или умрёшь. По твоему желанию. Если нет... в твоём теле достаточно даймонов, которые с удовольствием сообщат нам, где ты сидишь. И мы вернём твою душу обратно в инфоад.

в которой Ада идёт на сделку, Армод преподносит сюрприз, а высокородный боярин открывает личность.

Стопы улья Балагурово. Жилой блок

Крыша блочного здания плоска и безынтересна. Даже вид подкачал — соседние здания да ребро улья. Вот уж не думал, что в здравом уме и твёрдой памяти когда-то буду сидеть на крыше панельки в окружении дюжины заправских боевиков. Но кодексы нужно вернуть. Одна мысль о том, что где-то сидит довольный кибернетический дед, рассматривающий под лупой мою копилку и мой выстрадаанный трофей — жжёт напалмом. Возможно, «невменная болезнь», перегруз памяти, снова начал сказываться на мне — или Адриан был действительно редкостным мудаком.

Уар представляет мне всех. Девять парней и три девушки. Кто-то уже в солидных годах и увешан амулетами, трофеями и кольцами. Кто-то — упакован в новенькую броню, не знавшую ни одного сражения. Все — крепко сбитые, с одинаково упрямым и решительным выражением лица. Филлион представляет каждого, но я быстро сбиваюсь на очередном Урре, Бауаре или же «не смотри, что он без фамилии — настоящий Уар». Если всё пройдёт удачно — запомню на ходу. Память на лица у меня хорошая.

— Спасибо, что явились на зов Филлиона. Цель — Армод, колдун с нижайшего яруса улья Балагурово. У него в распоряжении две дюжины оборванцев — кто-то крепче, а кто-то послабее.

— Оружие? — осведомляется какой-то хриплый голос задних рядов.

— Я видел пару лазерных пистолетов, — поясняет Уар. Остальное хлам. Кинетика холодное — но не энграммное и не невменное.

— Основную мощь представляет сам колдун. Он владеет базовыми невмами атаки — как минимум. Мои он не пробил, например. Подозреваю, что в нём сидит как минимум одичавший бес, а то и несколько. Я бы не исключал и появления демона.

— Демон — это заявка, — мрачно кивает бородач с щёгольской серьгой. — Заявка на досрочный доступ в Порайск. И как, атаман, мы будем с ними бороться?

— Энграммным оружием. Каждый из вас будет снабжён соответствующими защитными знаками. У кого нету оружия — я его создам совместно с Ириной. А дальше... не так страшен бес, каким его малюют. Оплата — твёрдыми полновесными монетами и трофеями. Меня интересует только один чип, который этот коварный межеумок утянул по незнанию.

Я замечаю, что собравшиеся переминаются, словно нужно поднять какую-то тему.

— Ещё вопросы?

— Трофеи это, конечно, хорошо... — протягивает «серьга».

— Но должно выбрать атамана. Без атамана никак нельзя.

— Я могу им стать! — подскакивает здоровенный детина. Собранные в ожерелье золотые перстни бряцают друг о друга, о защитные амулеты и о пластины брони. — У меня четыре похода в степь, десяток биомехов взятые в полон, три степняцких энграммных сабель! Ясное дело, что никто из вас, родные, лучше меня не скомандуют.

— Может, друже, ты и тащил трофеи, но вот только берсеркера степняцкого последний раз почему-то укладывал я, — нехорошо хмыкает самый щеголеватый Уар, скрывший лицо за полушлемом, а броню за грубоватым, «крестьянским» зипуном. Вот только крестьяне не

шили зипуны из тонкой овчины.

— И ветка у тебя захудалая, брат, — вставляет «серьга», — ведь последние два поколения работали только наёмниками. А мы, брат, не наймиты какие-то, а вольные шпилевики.

— Не наймиты? — вскидывается какая-то девушка. — А что ж ты, Иахим, не так давно за Лаодикие в поле выходил? За идею что ли?

Собрание сваливается в шум. Кто-то вскакивает, жесты становятся всё более горячими и угрожающими. На крыше хладнокровие сохраняют лишь трое. Я, Ирина и Филлион.

— Мужчины. Как дети малые, — ворчит Ирина.

— Не только они.

— У Марики всегда был вздорный нрав. Это у неё от бабки, — тяжело вздыхает Филлион. Он даже не попытался прекратить спор — видимо, прекрасно знал родственников. — Боюсь, на выяснении старшинства мы потратим ещё сутки.

— Ты знал? — я стараюсь смягчить негромкий вопрос, но властные обертоны всё равно проскакивают. Адриан, чтоб демоны сожрали его душу, впитал любовь командовать с молоком матери.

— Надеюсь, что приз отвлечёт их гордыню.

Я молчу, наблюдая, как Иахим срывает со своей бритой головы богато вышитую шапку и замахивается на какого-то из соперников. Удивительно, но за оружие никто не хватался — а им высокородные и обычные бояре были обвешаны на маленький арсенал. Впрочем, мне плевать на драку, пока она меня не задевает. Торжествующий Армод, сидящий в вонючей дыре — это другое дело.

— У меня нет суток. След стынет, Филлион.

— Тогда ищи аргументы, чтобы вернуть им разум. Или высокородного атамана — иных они не слушают. Будут сходиться и расходиться, как баржи на Дону, пока не рассорятся вхлам.

Высокородного... разве я им не являюсь?

Дородный, лысоватый мужчина в кафтане. Борода лопатой — с проседью, на грубых пальцах — перстень с примитивной печаткой-крестом. Одежда — домашняя, но переливчатая ткань говорит о богатстве больше, чем иная голографическая материя. Нам никто не мешает — верные воины стерегут обитые золотом двери, пока отец учит меня едва ли не самому важному в этой жизни.

Обучение одному простому жесту, который может спасти и навлечь беду в разных ситуациях. Но главное — явит миру родовой знак.

— Согни пальцы вот так. Сильнее, не бойсь. Мы, Комнины, крепче чем кажемся. А теперь вскинь руку. Видишь, как светится? Нет, малыш, это не проклятие и ты не одержим. Каллиник не придёт. Не к чему ему такое видеть. Что это? Наш символ, Адриан. Древнее и ярче тех, которые себе выдумали остальные пародии на бояр. Даже в темнейшие дни, когда все будут шептать о нашей слабости, ни один не посмеет высказаться о нём дурно.

Решение, простое как денарий и не менее милое взгляду, рисуется само собой. Может, власть Комнинов и шатается, а чортовы Каллиники начинают грызть моим родственникам пятки. Но пока что я всё ещё представитель самого могущественного семейства в городе. А значит — могу объединить всех хотя бы на почве общей нелюбви. Я не обращаю внимания не вялую перепалку Ирины и Филлиона. Игнорирую рыки и вскрикивания спорщиков. И

просто выхожу в середину зала.

— Кто из вас убивал демонов? — мне никто не отвечает. — Я задаю вопрос на тарабарском? Ответьте, спорщики, кто?

— Демонов? Мужик, ты точно не перепутал с бесом? — смеет иронизировать «щегол».

— Скажи мне, молодец, Комнин тебе давал разрешения говорить?

— Нет, но их тут и не вижу, — саркастично отвечает мне Уар.

Молча вздёргиваю руку и закатываю рукав кафтана. Особое движение пальцем — и невидимая ранее электротатуировка напитывается энергией. Под жадными, скептическими и презрительными взглядами вспыхивает золотым пламенем равновеликий «иерусалимский» крест. Символ Великого дома Комнин.

— Так вот слушайте меня. Я мог бы ткнуть вас в расписной список, восходящий по мужской линии к Святым отцам, или же выкаблучиваться личными заслугами своих предков. Но прежде чем поступать так, я всё-таки вас спрошу: вы когда-нибудь убивали демонов?

Зачарованное молчание мне ответом. Мне приходится опустить руку и подойти к каждому, глядя в карие, серые и зеленоватые глаза. И хотя ответы шпилевиков не оспаривают моего лидерства — они и не радуют. А ведь именно с этими бойцами мне предстоит лезть на колдуна.

— Ни в жизнь.

— Нет.

— Даже не встречал.

— Я встречала, — признаёт та самая девушка, что безрассудно ввязалась в спор мужиков. И тут же упрямо произносит: — Но спаслась бегством. А что вы на меня смотрите? Не убежала — беса с два вы бы меня тут не видели живой и готовой мстить.

— Как тебя зовут?

— Марика, милорд.

— Честный ответ, Марика. И мне знакомо подобное чувство. Я, щегол и баловень Комнинов, в семнадцать лет сбежал с верхушки шпиля, чтобы очутиться посреди Пургатории в объятьях ехидной демоницы. Ну вы знаете как это бывает. Анонимная сделка. Гарантии безопасности. А потом ты отмахиваешься от создания проклятых чемоданом, пытаешься сохранить разум.

Неловкие смешки.

— Я победил её. Но не убил. И за свою победу расплатился кусками памяти, оставшимися там, в Пургатории. Причём тут вы? Да при том, что Армод клятый, чует моё седалище — не просто колдун, а одержимый кибердемоном. Второй раз мне может не повезти. А вам, други мои — может и не повезти в первый.

— Только, названный брат, — картавит девушка (вроде бы, Гурника), — без обид — но опыта у нас поболя.

— Не буду спорить. Расскажу только об одном случае — древнем, ещё до Великой Перековки и даже до создания разбитого Дьявола. Некогда в Великой степи был город. Из которого местные ходили в походы и обращали православных в рабов. Терпел это первый василевс, терпел второй. Третий пошёл походом на степняков — почти как мой отец, — вспоминаю грузного старика, — в его лучшие года. Бояре, свита, боевые холопы. От одной победы к другой он выстилал ковыль и полынь кровью грешников — пока не достиг их великого города. И пока не разбил ворота. Конец истории? ЧЁРТА С ДВА! Пере

разваленными воротами сцепились его бояре, ведь первый вход в поверженный город — великая честь и великая слава для любого Великого Рода. И пока они срались — степняки завалили ворота, собрались и вышли навстречу. Прямо к увлечённым спорам боярам.

— Я так понимаю, они пошли не сдаваться.

— Что ты. Убили они пятерых великородных и холопов немерено. Именно поэтому я прошу вас, братья и сестры — именно прошу, а не приказываю вам как сын васелевса и деспота Нижнедонска. Прошу дать клятву на оружии хранить это предприятие в тайне и подчиняться мне, как вашему воеводе на это дело.

— Вот так бы сразу, — смеётся Иаким, но когда поднимается на ноги — его лицо словно превращается в бронзовую маску, собравшую всю решительность мира. — Я согласен.

— Не думай, кузен, что вся слава достанется только тебе. Утру тебе рожу, вот увидишь, — ухмыляется Марика.

— В деле, — кивает «щёголь», и я чувствую странное беспокойство. Словно где-то уже слышал этот голос. Но где?

* * *

Подклеть улья Балагурово. Три часа позже.

— Армод, скотина!

Я в ярости бью один из пустых железных шкафов, и дружина замирает. Матерились за последнюю минуту изрядно все, но ваш покорный слуга гордо держался целых пятнадцать минут. Пока не увидел пустой трон.

— Адриан...

— Двадцать лет как Адриан, бл...

Мы не успели. Чёртовы «Индрики» успели вскрыть кодекс и завладеть целой горой звонких денариев. Разумеется, с золотом сидеть в подземелье не было никакой нужды — и они весьма оперативно ушли куда-то вверх, ускользнув от внимания местных. Какими тоннелями, шахтами или проулками — ещё предстояло выяснить.

— Я найду цель.

— Найти-то, извини дерзость холопскую, не факт, что получится, — негромко, но твёрдо возражает мне Иаким. — Но организовать поиск — это сможешь. Мы будем ждать.

Идея привлечь Уаров гаснет так же быстро, как возникает. Я могу их оскорбить сравнением с Мейендорфами — а заодно и показать свою некомпетентность как организатора. Ну что ж. Назвался груздём — полезай в кузовок. Отхожу в сторону и лезу в интерфейс «ракушки». Знакомый безликий номер. Гудки прерываются тишиной. Видимо, связь установлена.

— Ирина?

— Ау.

— Ты мнемотехник.

— Да ладно? Я уж тут немного забыла. Твоими стараниями скоро придётся переходить на работу оператором.

— У меня к тебе просьба.

— А может приказ? Слышала, ты в них стал мастак.

— Ага, на работу так-сяк, а на еду мастак, — в коммуникаторе слышу смех, приглушённый фырчанием. — У меня к тебе просьба. Отыщи сдающиеся точки подключения к Пургатории. Не личные. Промышленные. Если я правильно рассмотрел — Армод должен сидеть на информационных потоках, как на игле дурманного зелья. Это след.

— Ох, боюсь, ты не слишком сузил масштаб. Хотя бы район один?

— Да. Ищи в стопах улья Балагурово.

— А когда найду?

— Будем посмотреть.

— Адриан, — серьёзно начинает Ирина после вдоха. — Пойми, что эта работа скорее для Хитрово, чем для меня. Если мнемоники увидят активность моих поисковых бесов — то неприятных вопросов не избежать. Помочь постараюсь, но поклясться в быстром успехе не могу.

— Ира, мне достаточно твоего обещания, — добавляю я тепла в голос и несую какую-то ободряющую чушь до гудков в ухе.

Не лучшая ситуация. Армод сбежал, утащив деньги, собранная было дружина уходит с начерченными собственноручно невмами, а сроков успеха никто не даст. Хотя я не собираюсь сидеть в стопах до бесславного конца, пропитываясь атмосферой местничества, кормлений и четырёх орденов, присматривающих за воротами в местный кибернетический рай. Я смотрю на удаляющихся Уаров и стоящего в отдалении Филлиона. Он-то не подведёт, ибо подписался на контракт кровью и честью. Ирина... честно призналась, что найти колдуна сможет, но не быстро. Остальные не ударят пальца о палец. Нужно искать новых союзников.

И как бы мне не хотелось иного — я снимаю браслет и натягиваю на лицо гарнитуру Эгрегора. Холодный воздух заливаает мне лёгкие, и вскоре тьма вокруг сменяется знакомым багровым пейзажем. Пустым — хоть где-то вдалеке и видны пульсирующие золотые огоньки.

— Так, так, так. Кто решил меня посетить лично в глубине информационных пустошей?

— Ты же знаешь, Ада, что это я.

— Вижу, что не Каллиник. Хотя от некоторых слов и действий от тебя... — демоница наконец материализуется. — пованивает святостью. Убийство бесов, борьба с волшбой... ты не собираешься уйти в нейромонахи? Или к мнемоникам податься, искоренять порчу в пастве?

На этот раз она в одежде полегче, чем облегающие доспехи, а шлем не закрывает нижнюю часть лица. Весьма милостивую.

— Не помню, чтоб у нас было какое-то соглашение о святости или грешности, — холодно парирую я, стараясь не сорваться в эмоции.

— Что ж, ты прав. И вот носящий шкуру Адриана комнина по своей воле приходит в обитель проклятой демоницы, сняв защитный амулет. Что же тебе нужно? Найти Армода? Смысл жизни? Способ вернуться наверх?

— Скорее то, ради чего пришлось рисковать шкурой Адриану.

— Честность? Неплохо. Ваше племя слишком часто пытается... — она водит голым плечом, — юлить, не давать прямых ответов. Мне не жаль потраченного времени — но это утомляет. И всё же. Чего ты хочешь и какая мне выгода от этого?

Я набираю воздух в лёгкие, прекрасно понимая, что этой вещи тут нет.

— Для начала обрисую ситуацию. Ведь мы с тобой так нормально и не поговорили.

Рядом появляется плетёное кресло, в которое я с удовольствием сажусь.

— Ты отпирался, — замечает Ада, садясь в такое же кресло — но собранное из выбеленных костей.

— И летел в воду, — напоминаю я.

— Надел защитный браслет.

— После того, как ты отказалась помогать в дуэли.

— Ты не маленький мальчик — выпутался.

— Выпутался. Выпутаюсь и в этот раз без твоей, Ада, помощи. Смогу прибить колдуна, обложиться невмами и выдрать тебя ценой каких-нибудь очередных воспоминаний и очередной вспышки раздражительности. Но раз уж ты в моей голове — предлагаю взаимную помощь.

— Ты меня заинтриговал. Конечно, слышала о таком в информации по риторике, но вот так, вживую... это завораживает.

— А завораживает сидеть в импланте? — продолжаю настаивать я Уверен, что нет. Не знаю, по чьей милости, но я посидел в световой колонне, о которой нам ещё предстоит поговорить. Но не сегодня. Сегодня я пообещаю тебе найти настоящее, защищённое невмами от сканирования, бионическое тело. Не моё. И не принадлежащее другому человеку. Выращенное специально для тебя.

— Условия?

— Невмы выбираю я. Это первое. И второе — я создам тело для тебя только тогда, когда доберусь до тех ветвей власти, что дадут мне достаточно силы и власти.

— Одержимый в орденах? Ахахахаха. А ты дерзкий.

— Нет. Я чертовски упрямый. И в отличие от моего незадачливого предшественника — не имею привычки прятаться от опасностей, держа голову в песке или сером подулье. Лучше уж подохнуть, карабкаясь вверх. А первая цель к этому — новая запись в разрядной книге. Адриан Комнин. Победитель одержимого колдуна и гроза демонологов. Мелким почерком — истинные имена поверженных чудищ.

Ада долго, почти минуту, молчит, отвернувшись в сторону.

— Тебе не пройти проверки орденов. Мне невыгодно наталкивать тебя на самоубийство. проще дождаться смерти и того, что какой-то мясник вживит себе твои импланты.

— Моя фамилия Комнин. Я не собираюсь попадать к мяснику или местным инквизиторам. Я собираюсь сделать так, чтобы они хотели ко мне попасть. И колдун тут — лишь первая ступень к вершине.

— Что ж. Как ты говоришь, зовут этого несчастного?

в которой воин получает свист ветра, наемники — цель, а мнемотехник — непьющую работу.

Стопы улья Балагурово. Жилой блок «Харита-35»

Хотя большая часть наёмников отправилась в харчевню, квартирка Ирины напоминала растревоженный муравейник. Филлион носился от одного терминала к другому, заказывая у знакомых, родственников и продавцов дополнительное снаряжение. Назначенные мною десятниками Иаким и Марика пытались ему помочь, но было заметно, что организаторский опыт для них внове. Ну да ничего. Может — научатся чему-то ещё кроме меряния длиной древних заслуг.

Ира ломает сдерживающие печати, настраивает и выпускает пойманных и приручённых цифровых бесов. Зрелище, скажу вам, больше похоже на призыв духов: зажигание чёрных свечей, искры каких-то приборов, очерченные мелом круги и ритуальные формулы, в которых я не понимаю ни черта. Нужно будет внимательнее изучить книги, купленные в лавке. Пусть у меня и есть знакомый мнемотехник, но он не может быть постоянно рядом.

Пока мои свежеиспечённые помощники препирались насчёт какого-то очередного злачного места, я негромко общаюсь с Адой. Браслет снял, показывая доверие как ко шпилевикам и друзьям, так и демонице. Не знаю, что тому виной — прерванное молчание, сделка или дым от ладанки Ирины, но демоница болтает, как никогда раньше. Причём на отвлечённую чепуху — погоду, ощущение еды и даже какие-то пляжные вечеринки. Никаких тебе сомнительных сделок и пропаганды обрётшей разум нейросети. словно в гости пришла хорошая знакомая, с которой не общались уже целую вечность.

Но агисхьяльм я все равно начертил. Адриану доверие не очень помогло — а ведь Ада была не менее любезной, когда заселялась в его имплант.

— Есть! — вдруг вскрикивает Ира. — У нас есть список возможных мест!

— Нашла? — подбегаю ближе.

— Бес нашёл. Надеюсь, литания возвращения подействуют на остальные, — вздыхает девушка. Память Адриана подсказывает — каждый из бесов стоит определённой суммы, так что Ира хорошо потратилась ради неведомой ей цели. Знать бы ещё, как отплатить ей... — Есть упоминание о трёх местах, сданных в аренду. Небольшая лавка, зал для празднеств и палаты... палаты? — девушка даже хмурится, вглядываясь в монитор. — Да, палаты на последнем этаже жилого блока. Дикость какая-то. Причём особенно странно, что адрес скрыт...

— Ещё бы не был скрыт, с моими-то денариями, — ворчу я. — Общий сбор, други!

— Что? — вскидывается Иаким.

— Что-что, собирайте своих, десятники хреновы! Готовность — два часа, пойдём на штурм сразу же, как найду их адрес!

— Может, ещё и не найдёшь, — ворчит Марика, но я не успеваю её осадить.

Потому что часть поля зрения плывёт и после привычных помех в воздухе материализуется видимая лишь мне Ада.

— Дорогой, извини, что без спроса...

— Ребят, информатор на связь вышел, — чуть громче говорю я и отхожу в сторону, делая вид, что сосредоточен на коммуникаторе. — Слушаю.

— Я слегка подслушала ваш разговор и поговорила со своими дикими родственничками, которых Балагуровы посадили на цепь.

— Даже так? Об этом я не просил.

— Путь к власти начинается с низкой ступеньки. Кто знает, куда тебя приведёт поиск мелкого колдуна?

— И то правда. Что удалось найти?

— Адрес, где зловредный Армод собрался пировать. Это палаты, выстроенные на последнем этаже обычного жилого блока. Я уже присмотрела за ним через охранные системы — хоть его и последователей отмыли и приодели, но повадки короля нищих он не забросил. Уже хлещут вино за сотню денариев вёдрами. После того вонючего зала очень... контрастно, я тебе скажу. Неплохой повод для вмешательства?

— Отличный. Скинь на коммуникатор.

«Отбив» вызов, я замечаю — все, даже особенно не пытаюсь скрыть интерес, вслушиваются в мой монолог.

— У нас есть цель? — осведомляется Филлион.

— У нас есть цель. Собираемся, собираемся! У Армода намечается пирушка, на которую нас не позвали. Пора её превратить в погребальную тризну!

— Где точка сбора? — азартно спрашивает Марика, подпоясываясь саблей.

— У входа в блок. Через десять минут. Разрешение того Балагурова же ещё действует?

— Мы же не уточняли время разборки, — косо усмехается Уар.

— Отлично. Ира, прикрой нашу активность в сети?

— Я-то прикрою. Но ты вроде просил о чём-то, нет? — настороженно подаёт голос Ирина. К счастью, она отвлеклась от монитора — иначе бы заметила резкий всплеск активности локального участка в Пургатории. Очевидно, моя гостья постаралась.

— О точном адресе палат. Блок Баст-14. Двадцатипятиэтажная панелька, вы... да, можете увидеть её из окна. «Свечка» такая, узкая.

Уары синхронно поворачиваются к окну, пока Ирина угрюмо уставилась в мониторы. Обиделась, что не берём на дело? Ну не хочу брать возможный грех на душу, что поделать. Уары могут лечь хоть все — а мнемотехник, готовый прикрыть спину, мне нужен кровь из носу. Потом с ней поговорю по душам — но явно не сейчас.

— Я знаю эту палату, — подаёт голос Иахим. — Об этом особенно не распространяются, но молодые Каллиники купили её, чтобы гутарить подальше от родного улья и поближе к развлечениям.

— Что, братец, охранял? — пускает шпильку Марика.

— А если и охранял, то что с того? — вскидывается «почти Уар».

Меня, конечно, забавляют их перепалки, но встаю между ними. Времени немного — и нужно подготовиться к штурму на все сто процентов.

— Тише! Если её купили великородные — то и укрепили её? Пушки, невмы, охранные системы?

— Пушки — не больше, чем могут унести. Сам понимаешь, атаман — в чужой монастырь со своей пищалью не пустят. А вот невмы и охранные системы... с этим будет тяжело. Датчики срисуют нас уже на подходе, а если мы их отключим — половой, что внизу сидит, мгновенно доложится хозяевам.

Ирина выводит на монитор план здания. Никаких тайных шахт, куда могли бы втиснуться две дюжины косплееров Джона Маккейна, найти мне не удалось. Правда, внизу

были какие-то обширные помещения, примыкающие к Подклети. Может, стоит попытаться проникнуть снизу?

— Мы можем проникнуть через подвал, — вкидываю я идею, вспоминая про какой-то штурм дома, который видел в новостях.

— Слишком много лишних глаз, — мотает головой Филлион. — Придётся проламываться через Подkletь и подрывать защитную стену. К тому же, в погребах всегда есть кабаки, склады или мастерские. Не стоит.

— Может, по внешней стене? Быстро, неожиданно — даже пикнуть не успеют. — сверкает глазами Марика.

— Долго и заметят. Да и сестричка, не все увлекаются скалолазанием.

— Тогда сверху спустимся на крыше, — видимо, девушка всерьёз увлеклась идеей внезапного возмездия. Мне начинает казаться, что скоро она предложит ворваться в пентхаус на лошадях.

— Верёвок не хватит. Это же с Арок Шпиля спускаться, там пятьдесят саженой минимум.

— А зачем верёвки? Спустимся на «стрекозах», так быстрее и неожиданнее для этих чортов будет!

— А что, это идея, — усмехается Иахим. — Там есть стеклянный потолок — он вес мужика, да и девки в боевом скафе не выдержит.

— Обрушим потолок прямо на них, — усмехается Филлион, разминая костяшки пальцев.

— Адри, а ты умеешь спускаться на «стрекозе»? — стреляет глазками Марика.

Я едва сдерживаю непонимание, но меня вновь спасает милашка Адриан. Точнее — то, что осталось от его памяти.

Сплошной ковёр облаков, освещённый предзакатным солнцем. Верхушка шпиля обычно — крохотная комнатка. В особых случаях дополнением ей служил символический балкончик для астрологов и романтических особ. Разумеется, несмотря на все невзгоды, преследовавшие Комнинов последние тридцать лет, он имелся и в Золотом шпиле.

— Адриан, зачем же сразу бросаться? — дядюшка Гаврас поднимает руки в жесте, напоминающем примирение. Конечно, это всего лишь подготовка к тому, чтобы меня сдернуть обратно — и я раскрываю крылья «стрекозы», показывая тем, что не сошёл окончательно с ума.

— Затем, что мне осточертели интриги. Достал церемониал и эти... эти святоши, — киваю головой в сторону винтовой лестницы, где Константин спорит с кем-то из Каллиников. Церковники хотят остеречь молитвой неразумного Адриана и поднять свой статус среди высокородных до небес. Хотя на самом деле, мне везёт, что брат не прибежал первым. Он бы долбанул парализатором и потом уже бы разбирался, как поймать летящего с высоты родича.

— Всё можно решить, мальчик мой. Отправимся в поход! Ты, я, малая свита — всегда найдётся гнездо степных биомехов или особенно дикая стая генмодов...

— Нет, дядюшка. В этот поход отправлюсь я сам. Передайте мои извинения батюшке — если, конечно, он помнит о моём существовании.

Я выстраиваю взглядом тщательно отобранные невмы. «Импетус», дающая толчок ввысь. «Сокрытый шпиль», жрущая кучу памяти в обмен на практически полное игнорирование камерами в течение трёх часов. «Бич Агриппины», отваживающая

поисковых бесов. Наконец, слышен грохот и голоса становятся громче. Власть мирская всё же подняла руку на власть духовную. Феофил Гаврас дёргается, пытаюсь меня остановить, и я активую невмы. Звуковой удар даёт мне две секунды и пользуюсь ими сполна, активируя решетчатые крылья и прыгая вниз.

К свободе.

Воспоминание уходит, оставляя меня с придурковатой улыбкой.

— Умею ли я пользоваться «стрекозой»? Сестрица, я же прыгаю с четырёх лет. Это мне нужно вас инспектировать, чтоб никто не споткнулся на прыжке.

— А в крайнем случае, — неслышимо воркует Ада мне в ухо, — я возьму на себя управление ими.

* * *

Несмотря на опасения Ирины, всю нашу гурьбу спокойно допускают на Арки. Лицензия на прыжок сделала своё дело. Дьячок со слабым любопытством взирал на наши серые плащи, скрывающие бряцающую экипировку, но возражений не выдал. Видимо, подобное случалось едва ли не каждую неделю. Но золотую монетку за беспокойство я ему всё равно сую, и не зря — проход за мной закрывается цепочкой. Не лишним будет. Пока на смотровой площадке нет парочек — нет и свидетелей того, как я и Филлион рисуем «шлем ужаса» каждому из дюжины, перегружая свою память вновь и вновь.

— Не нервничай, — воркует Ада. — Открываешь крылья — и прыгаешь, дальше я беру всё на себя.

— Не нервничаем, — огрызаюсь я вслух и осекаюсь. Но спасаю ситуацию: — Для начала делаем прыжок на внутреннюю сторону арки шпиля. Если крылья сработают нормально — будем ждать подходящий момент там. Если нет... Ну, меньше переломов будет.

Хохотки показывают, что мне удалось выкрутиться. Пробный полёт до точки старта проходит секунды за три. И хотя в итоге имплант и вздыхающая Ада берут на себя большую часть работы, а страх высоты приходится прятать подальше в пятки, я чувствую некоторое разочарование. Я ожидал чего-то вроде прыжка с парашютом, а тут нужно было лишь следить за траекторией, высвечивающейся на сетчатку, и регулировать мощность антиграва.

Внутренняя сторона арки, с которой мы условились пикировать на палаты, забита окнами плотнее, чем старый столб — следами от дятла. К счастью, мы находим одно, явно выходящее в кладовку — и всей гурьбой занимаем карниз и выступы местных горгулий. Антенны-крылья «стрекоз» сложены, так что соблюдаем осторожность, дабы не полететь ненароком вниз. Штурмовые доспехи-«хамелеоны» практически сливают нас в одно целое с потемневшим бетоном, и я распознаю шпилевиков лишь по телосложению да тактическому номеру, высвечивающемуся на экране глазного импланта.

— Атаман, мои готовы, — отчитывается Марика. — Визоры, оружие в полном порядке. Ждём команды.

— Все на месте, — куда лаконичнее отчитывается Иаким.

— Ира, есть данные по собравшимся?

— Бесы проникли в сеть. В цели двадцать один сигнал коммуникаторов. Плюс пара терминалов Эгрегора и некий стационарный источник информации. Его характер я пока не

могу понять.

— Армод запустил трон, — цедит сквозь зубы Филлион.

— Тем лучше, — шепчу я и расправляюсь. — Пришло время, братцы. Делай как я!

— Эйэйэй, а раскрыть панели? — спрашивает Ада, но я уже лечу вниз соколом. Не раскрывая рюкзака.

Жилые блоки приближаются быстрее ожидаемого, но Адриан творил и не такое — поэтому я открываю крылья за двадцать метров до крыши и сразу активирую их. Свист ветра в ушах дополняется гулом излучателей «стрекозы» — но даже если их и услышат, то не успеют ничего предпринять. Я не могу проверить, у всех ли раскрылись панели — нужно надеяться на лучшее, но готовиться к худшему. Именно поэтому сдёргиваю с ножен энграммный меч и метров за десять до стеклянной крыши поднимаю его над собой, как жало. К моему глубокому удовлетворению, прямо подо мной виден длинный стол, за которым пьют и балагурят мои враги.

Через десять секунд стекло рушится им на голову, а вместе с ними моя туша ломает стол в щепки. За бурей осколков следует один, второй, третий грохот — моя дружина прибывает на поле брани. Я делаю грубый замах и мой «сувенирный» клинок рубит первую шею. Приземлившись рядом Филлион бердышом парирует чей-то удар, пока я бестолково машу мечом и ору:

— АРМООООООООД! Я пришёл за твоей головой!

Начинается сушая свалка с пальбой в упор. Я пытаюсь пробраться к трону, но вокруг меня постоянно оказываются сектанты — они бьют, колят, стреляют из лазерных пистолетов, не обращая внимания на весёлые искры, защитную невмы и доспехи. Урона наносят немного, но вот времени поглощают — куда больше. Пропускаю один удар, второй, третий — и хотя все они приходятся на матовые пластины брони, приходится прижиматься спиной к своим воинам. Кое-как парировав четвёртый, я начинаю понимать, что в здании куда больше людей, чем считал сканер.

Патовую ситуацию спасает прибытие кавалерии. И без того пробитый потолок вновь рушится, когда сверху падает новая троица — к счастью, знакомая, возглавляемая Иакимом.

— Прости, атаман! Не поверили, что можно со «стрекозой» такой финт провернуть! — орёт он, наводит ствол на трон и вдавливая гашетку. На линию огня вновь бросаются фанатики — и, как ни странно, их тел хватает, чтобы прикрыть собой вождя. Что самое отвратительное — меньше драться от этого не приходится. Господи, сколько же тут людей?

— Наглецы. Бросайте оружие, — хрипит Армод и чертит рукой какой-то знак. Глухой звук бьёт по перепонкам, но оружие никто не бросает.

— Необычно, не так ли? — скалится Фил и с рёвом разрубает надвое ближайшего соперника. Видимо, искренне поверившего в своего повелителя. Армод, впрочем, не сильно расстроен оказией и лишь негромко произносит:

— Взять их.

Двери распахиваются и в зал врываются *они*. Биомеханические отродья. Некогда их вырастили в чанах из плоти мертвецов, напитали мутагенами и продали Армоду. А теперь они готовы за него порвать в клочья.

Нечто, раньше бывшее стариком, насаживает на вилы девушку, чьего имени я так и не запомнил. Гурника... Гуркина... уточню позже. Но вот её тоскливый вой... надеюсь, он не будет являться мне во снах. Второго биомеха успешно держат на расстоянии, пока стрелки оттесняют остатки сектантов. А вот третий... в том, что случилось, виноват только

я.

После прыжка он падает мне на голову, сбивая с ног. Марика пытается оттеснить его, иступлённо рубя саблей гигантскую спину. Кукла просто отпихивает её, но главного взбаламошенная воительница достигла. Дала мне поднять оброненный клинок.

— Ну давай, отродье, попробуй взять!

Оно отмахивается, я лечу, проламывая собой одно из витражных окон. Разваливающиеся от выстрелов палаты остаются где-то вверху, лишь отдельные фигурки опаздавших видны благодаря светящимся «стрекозам».

Итак, я снова лечу. Правда, вместо меча в руке обломок, а крылья, кажется, сломаны. Незадача.

в которой пребывает неожиданная кавалерия, демон недоволен, а главный герой — удивлён.

Стопы шпиля Балагурово.

Свист в ушах быстро заслоняет всё: вскрики боли, глухой стук выстрелов, треск лазерных разрядов и чавканье плоти. Свист в ушах — куда опаснее. Особенно для того, кого выкинул обезумевший биомех. Чего их вообще разрешили, в мире почти победившей нейросети? Выкинуть лишние мысли. Груда каких-то светящихся изнутри обломков приближается слишком быстро. Даже для человека с полностью работающей «стрекозой». Мда, глупая смерть получится.

К чёрту! Не для того я вообще согласился на такой способ, чтоб разбиться в шаге от победы. Выбираю иконку «ключа» и аккуратно, но быстро отрисовываю «импетус». Спасибо душе Адриану, который выбрал именно эту невму для побега из Золотого Шпиля. Резкий взлёт вверх слегка оживляет прыжковый ранец и подкидывает меня почти что к разгромленным палатам. Впрочем, важно не это. Работающая невма дарит мне время — секунд этак десять. Этого хватает для отрисовки кое-чего более значимого — Ватнахлифира.

Этот гальдрастав вообще был предназначен для помощи утопающим. С другой стороны, я прямо сейчас тону в воздушной бездне, а исландский магический знак уже помог мне в похожей ситуации — так что хуже быть не должно. И действительно, падение вновь резко замедляется. Теперь я слышу неровный гул механизма за спиной, кажется, сработало снова. Впрочем, куча строительного мусора немилосердно близки. Судорожно вспоминаю все советы по жёсткому приземлению и группирую тело.

А ни одна из невм не затормозила падение настолько хорошо, чтоб я не проломил беспорядочно разбросанный пластиковые шифер, провалившись в какую-то комнату. Доспех выдерживает жёсткое приземление, а лёгкие — немилосердно поднимающуюся пыль. Даже обломок энграммного меча, вылетевший следом за моей тушкой, умудряется не пробить мне черепную коробку, а просто приземлиться рядом.

— Что ж, дружище, — обращаюсь я к обломку, — ты поработал мне неплохо. Раскопашь завал? А жаль, не хотелось бы оставаться тут лишний раз.

— Боишься темноты? — томный грудной голос предвещает появление Ады. Её алое тело, хоть и светится изнутри, но ни черта не освещает склеп, в котором я оказался. Что ж, логично — ведь она всего лишь эхо в моей голове. Беспокойный вирус, засевший в одном из сонма имплантов.

— Запах тут не из приятных, вот и всё, — ворчу я, включая фонарь и проверяя снаряжение.

Иконка «стрекозы» горит тёмно-жёлтым, и я отсоединяю рюкзак. До поры до времени. Лучше сначала проверить остальное и понять, как мне вернуться к своим людям. Я не сомневался, что рано или поздно они дожмут Армода — но хотелось бы получить свою долю заслуженных почестей лично, а не после триумфа. Что ж, начнём с доспехов. Компенсационные пружины — сломано, выкинуть. Свою роль они отыграли. Раздробленный щиток, прикрывавший ключицу — точно выкинуть, обломки при попадании сработают не хуже чугунного куска снаряда.

Всё это прекрасно, но как мне добраться наверх? Что ж, консержа я как-нибудь

пойду, а лифт доставит меня на последний этаж. Распахивающиеся двери, пафосная фраза с отсылкой к какому-нибудь боевику, выстрел в голову колдуну. Занавес. Осталось только выбраться. Откуда? Я провалился не в строительную яму — иначе бы искалечился, повредив шкуру об арматуру, куски плит и прочий хлам. Пещера — тоже не подходит. Слишком затхло. Слишком ровные стены, да и пол в пещере редко выкладывают изразцовой плиткой. Правда, загажен каким-то пеплом и деревянным углём. Пеплом и углём? А где ты, Николай Петрович, видел раньше пережжённый уголь и пепел? Не в этой жизни, а в настоящей? Осознание накатывает на меня липким ступором.

Сожженные угольки — не дерево, а кости. Экзамен на первом курсе. Погребальные обряды раннего железного века. Отличия интурбации сиречь похорон от кремации сиречь сожжения трупа. Бонус — совмещённые обряды, когда всё сожжённое погребают в кургане. Вместе с жёнами, богатствами и да, рабами. И действительно, луч фонарика высвечивает сидящий на каменном троне сероватый костяк при полном параде. Доспехи с инкрустациями, «стрекоза» (крылья больше, но конфигурация очень уж знакомая). Борода — как на живом. Вот только лохмотьями висят чёрные остатки плоти.

— Ада, сможешь протестировать, работает ли этот антиквариат? — ворчу я, аккуратно отходя назад.

Мне не привыкать к мертвякам в виде костей. А вот в таком... мне иногда не понять чернозёмных археологов. Те, натываясь на могилы петровской эпохи, весьма хладнокровно матерятся при виде вытекших на сапог гнилых мозгов.

— Ох, эти времена сразу после перековки, когда ещё умели так много, но уже искали милости забытых богов, — усмехается демоница, выплывая из-за моего плеча. Она останавливается в шаге от погребённого и недовольно морщит носик, словно чувствуя вонь. — Вот только, боюсь, сначала тебе придётся спросить у сторожевого пса.

— Вроде бы за мной собаки не... — я подхожу ближе к трону и осекаюсь. Мой взгляд падает на меч в богатых ножнах, лежащий на бёдрах у воина и небольшой сундучок у ног. — Да вы издеваетесь? — громко вопрошаю я и откидываю бесполезный огрызок меча. У меня ещё остался пистолет — и я его выдёргиваю из кобуры, не забывая о грязных ругательствах. Мертвец на троне, меч на бёдрах, холм светится изнутри и хорошо воняет. Этот сюжет мне тоже знаком. — Давай, паскуда, выходи! Я знаю, ты тут — ни один хаугброт не обходится без бродячего мертвеца!

— А что такое этот... хаг... брод? — игриво вопрошает Ада, словно я не вою, как последний параноик.

— Ограбление кургана, — ворчу я, не желая посвящать демоницу в тонкости древнеисландской поэзии.

Грохот потрёпанного биомеха, выползшего из какого-то угла, была мне ответом. Плоть того, что выползал на меня, давно истлела или была сожжена — но это сейчас неважно. Я вижу его оплывшие псевдобионические мышцы — кусок «умного пластика», выращенный в чане. Вижу броню, потускневшую, но всё так же прикрывавшую важные механизмы. И вижу здоровый обломок какого-то багра, торчащий прямо из спины противника. И вроде как бы выбирая между трупом и живым человеком, проще поставить на живого. Но не когда живой — с обломком меча и побитым доспехом, а мёртвый — в полном снаряжении и боевом молоте.

Авторы тех трактатов по фехтованию, до которых успел дотянуться Адриан и я, говорили о поединщиках, уподоблявшихся танцорам. О «золотом треугольнике», «круге и

кресте», уходями в сторону и «прямом угле» защитной стойки. Хотелось бы мне посмотреть на благородных идалго, оказавшимся перед горой механизмов, собранных в полусгнившую тушу. Впрочем, рефлексию стоит оставить на потом. Потом! Плавный выдох. Не слушать причитающую Аду, у которой впервые в цифровой жизни что-то не выходит.

Навести ствол на несущееся создание. Сделать выстрел. Второй. Третий. Наконец, увидеть, как длинная очередь впивается в биомеха. Она испаряет куски пластика, вызывает какие-то хлопки внутри железного нутра, но не останавливает. Длинная дуга замаха молотом — слишком заметна, отпрыгнуть в сторону. Не по законам дестрезы — просто укатиться в сторону, пребольно ударившись коленом. Услышать треск удара молотом, мозжечком понять — это не хруст кости. Скорости Адриана хватило? Неважно. Вскочить.

Заметить: кукла бьёт тупо, пытаюсь впечатать меня в плитку — и скорости Адриана хватает. Молот пробивает изящную плитку, а инерции хватает, чтоб биомех упал на колени. Подбежать ближе и выстрелить сразу в голову — хватит с меня игр. Алые спицы срывают серую плоть, но вот тёмный металл черепа не берётся. Как и разум противника — он фырчит и наотмашь хватается лапой пистолет. Попытаться его выдернуть обеими руками — но в грубой физической силе явно проигрываю, зато слышу, как хрустит металл оружия. На несколько секунд залипнуть на обломки пистолета — и отлететь от удара наотмашь.

Таран стены, кажется сотрясает весь склеп, и от стен отлетают обломки. Схватить какой-то обломок облицовки, треснуть по голове биомеху. Кое-как отпрыгнуть от очередного замашистого удара молотом. Нет-нет. Могильный житель нападает слишком свирепо. Я могу отпрыгивать хоть всю ночь напролёт, но рано или поздно он меня догонит. Нужно взяться за него всерьёз. После очередного мощного удара убежать к противоположной стене. Имплант, выбрать привычную иконку ключа. Что б выбрать?

За свою долгую праздную жизнь на верхушке шпиля (и недолгую бесславную на дне) Адриан скопил слишком мало боевых неvm. Пока мертвец носится за мной, а я пытаюсь ему выдавать подобие кроссов, разбитая в щепки память мальчика подсказывала мне значение тех или иных знаков, сохранённых в «ракушке». Запутывание следов, разбитие пакетов информации, сбивание с толку поисковых бесов. Многие из неvm касались мелких пакостей, не очень полезных сейчас: перегрузка гидравлических систем, сбой систем видеонаблюдения. Тошнота, дезориентация, сбой имплантов... Сбой имплантов? Пойдёт! Черчу запутанный знак и перевожу дух.

Биомех воет и врывается в стены, слепо отмахиваясь руками и цепляясь торчащей оглоблей за все углы. Дыра высоковата — но в теории даже на текущей мощности «стрекозы» могу взлететь. В принципе, я могу свалить прямо сейчас. Снять стрекозу с почившего, прихватить меч, взлететь. С местным драугром пусть разбирается крестьянство и Орден — зря, что ли, он церковную десятину берёт? Идея выглядит в первом приближении неплохо — но не более того. В эту всю историю с Армодом, признаться честно, ввязался в первую очередь по куражу — но во вторую влияла не валюта и не запах лазерного разряда поутру. Так или иначе я попал в феодальное общество (даже если оно не считает себя таковым), а что в нём ценнее любых денег?

Правильно. Репутация и слава. Можно показать электротатуировку первому встречному стражнику с просьбой отвести к ближайшему Комнину — но как обо мне будут говорить в Золотом Шпиле? И как, в перспективе, ко мне будут относиться при сожжении тех же разрядных книг?

«— А, ну естественно, что малой Комнин это продал, запятнал себя недостойной

работой и ещё и прибежал к мамочке при первой же проблеме.»

А ещё могут быть проблемы с новыми шпилевиками — ведь своей дружиной мне вряд ли пока позволят обзавестись, а наёмники в ответ на очередной жаркий спич просто ляпнут:

«— Подчиниться? Тебе? Да ты за своим кошельком не приглядел?»

В общем, именно во времена развитого и замаскированного феодализма поговорка про «эй, полковник!» становится актуальнее всего. Так что нет-нет-нет и ещё раз нет. Никаких побегов. Я лучше испытаю на прочность свою память — и живую и кибернетическую. Гапальдур и гильфакси помогали в глиме — достаточно контактной борьбе. Правда, без биомехов. И без ударов. Надеюсь, будучи нанесёнными на стопы левой и правой ноги невмами, они мне помогут. Низкий удар по ушам даёт о себе знать, как и перегрузка мозгов: тонкая струя крови течёт из носа, ледяной солёной жижей придавая пикантности драке. А равномерным «кап-кап-кап» — привлекая внимание биомеха.

— Адриан, — впервые за всё время я слышу в голосе Ады не наигранную, а всамделишную серьёзность. — Твоя память перегружена, а кукла всё ещё сильна. Может, стоит отступить?

— Не сегодня, дорогая, — едва ли не рычу я, и биомех поднимает голову.

Для пробы выбрасываю левую кроссом. Попадаю. Вот только стражу хоть бы хны. Хо, значит, борьба? Забегаю за спину после очередного удара по полу. Обнимаю и хватаю нечеловека за пояс, прижимаясь лицом к почерневшим остаткам искусственной плоти. Рвота лезет вверх по пищеводу, но руки справляются раньше. Я перекидываю противника через себя — и впервые слышу лязгающий треск. В кои-то веки. Кое-как поднявшись, замечаю, что биомех дёргается, силится встать — но не может. Что ж, пора это заканчивать.

— Извините, но мне нужно оружие, — киваю я покойнику.

Подхожу к трону и осторожно снимаю меч. Иссохший костяк не шелохнулся. Вот и славно. Ещё не хватало, чтоб и этот труп вскочил. Правда, ножны то ли прикипели, то ли просто прилипли к клинку. Обстукиваю рукоятью меча о все стены и убеждаюсь, что кожаные ножны, слезающие теперь крупными кусками, скрывают превосходный клинок. В кои-то веки — тёмно-серый, с рыжей пылью металл, а не металлоподобное нечто. Даже в таком виде заметны «янтарные», тускло поблескивающие прожилки энграммных шин и... руны. Самый настоящий старый футарк. Черты и резы складываются в имя меча. «Скофнунг». Где я мог раньше слышать это название?

Возня дёргающегося биомеха прерывает мои размышления. Страж поднимается и падает — бросок повредил что-то в его синтетических мозгах, и теперь он был не опаснее лающего шпица. Отрубить ему голову? Бросаю взгляд на глазницы, в которых шевелятся угольно-чёрные глазные яблоки. Несомненно, при ограблении кургана так и стоит делать. Да ещё прикладывать голову к бедру, и проломить грудную клетку камнем поувесистее. Чтоб уж точно не восстал повторно. Но я пока так и не выяснил, есть ли в биомехах подобие разума. Страж всего лишь выполнял свою работу — стоит ли его за это убивать?

— Тук-тук-тук.

— Чего тебе?

— Сомневаешься?

— Ещё как.

— Тогда отруби ему голову и давай уйдём отсюда.

Я выдавливаю из себя смешок и возвращаюсь к воину. Его «стрекоза» была одновременно архаична и прекрасна. Как старые пылесосы, которые воют на весь квартал и

ни черта не всасывают. Зато чертовски эстетичны и показывают, что конструкторы тех времён смотрели на вещь как арт-объект. Тумблер активации вызывает, правда ноль эмоций у арт-объекта Нижнедонска.

— Батареи проверь, воин. Нет, это диагностические порты. Но ты же не взял нейрошунт?

— Кто берёт на штурм кабеля нейроинтерфейсов?

— Ну разумеется, дорогой, — склоняет головку Ада, и хотя её глаз не вижу, но улыбка у неё весьма ехидная.

Так, батареи должны оперативно меняться. Вряд ли солдат бы устраивала необходимость разборки всего агрегата... так, вот это похоже на задвижку. Щелчок — и коробка первой батареи летит мне под ноги, звучно ударяясь о бронированный саботон (точнее — его местный аналог).

— Не раздоби ступни. Я не смогу тебя поднять наверх, да и кукла вряд ли окажет тебе такую услугу. А наверху тебя уже ждут гридни.

— Кстати о них, — переключаюсь на канал связи с Ирой. — Как ты там?

— Напряжённо, — лаконично отвечает мнемотехник. — Дела плохи, Адри. Надеюсь, вы закончите как можно скорее.

— Попробую, боярыня.

Я даю отбой. Подтаскиваю «стрекозу» к остаткам своей и облегчённо выдыхаю — батарея цела. Правда, в новом варианте она только одна, и мне остаётся надеяться, что рюкзак вытащит меня наружу. Синхронизирую имплант с мерно гудящим рюкзаком. Пока программы свыкаются друг к другу — проверяю сундучок. Тут куча каких-то брошек, амулетов и прочего добра серебром — но всё утащить не смогу. Что ж, раз делать всё по канону — нужно брать два десятка колец. И амулет для Ирины. Кольцо, пожалуй, она может воспринять немного странно.

Тоновый сигнал подсказывает — синхронизация завершена, рюкзаком можно пользоваться. Последний раз оглядываю склеп. Раскладываю крылья — даже с одной батареей они гудят куда громче прежних. Разгорающийся свет подсвечивает весь склеп, все трещины и вывалившиеся арматуры. Ада, вздыхая, отворачивается, и даже кукла вскидывает руку, прикрывая искусственное зрение. Подмигиваю биомеху и прыгаю — а дальше крылья берут на себя работу, утягивая меня подальше.

И пока крылья утаскивают меня всё ближе к буре клинков, я отчаянно пытаюсь вспомнить, где же раньше слышал о мече Скофнунг и слышал ли вообще.

Глава 19

Κρυπτός

в которой повелитель приказывает, церковник лезет не в своё дело, а у мнемотехника не получается

Шпиль улья Балагурово. Квартира Ирины

Фоновый шум Пургатории почти не отвлекал Ирину. Скорее, как «розовый шум» — настраивал на рабочий лад. Вообще, перемещаться в киберпространство было совершенно необязательно — любой профессионал высокого класса мог контролировать даймонов и без входа в сеть. Но тут, в цифровом Чистилище, девушка могла окружить себя ещё более комфортной обстановкой и ещё большим количеством мониторов. Всё лучше, чем прислушиваться к топоту и спорам соседей, боясь пропустить штурмовую группу, выбивающую двери.

А схватка... пылала ярко, и блондинка запретила себе следить за ней. Виртуальные мониторы были слишком активны для «небольшого шума», обещанного некогда Адрианом. Камеры, установленные на арках, показывали полуразрушенное поместье, выбрасываемых людей и биомехов. Разбитым светильником вспыхивала изнутри практически уничтоженная стеклянная крыша от выстрелов. Ирине оставалось с бессильной яростью наблюдать, как сторожевой даймон упускал всё новые и новые доносы о столкновении в подулье.

— Господи, вечер пятницы! Вы можете винища или браги перебрать и уснуть? Или хотя бы посмотреть на бесплатное зрелище, не вызывая законников? Ветчина!

На ровном месте закружился вихрь багровых песчинок, и очередной бес материализовался рядом с креслом мнемотехника. Нелепое подобие человека с механическими лапами — и лучший бот для рассылки бессмысленных рекламных сообщений. У Ирины были свои планы, связанные с продажей его каким-нибудь Каллиникам, Комнинам или хотя бы их младшим домам. Она искренне надеялась обойтись чем-то более простым — но просто так сдаваться было не в её характере. И пришло время Ветчины.

— Да, госпожа, — утробно прорычал бес.

— У тебя в запасе ещё остались шутки, автоматически оценённые как привлекательные?

— Тринадцать вариантов. Но осмелюсь предположить, что четыре шутки о котях плохо отвлекут население стоп. Даже если стопы у шпиля Балагуровых.

— Ты просто плохо знаешь тепломыслящих, — отмахнулась Ирина.

— У меня нет ответа на этот вопрос.

— Я знаю. Подбери альтернативную подборку. Залезь в базы данных фотографий и вбрось полуголых девиц, или панорам улья — да хоть что-нибудь!

— У меня не было собранной базы сообщений, — озадаченно проскрипел Ветчина.

— Ты новостной бес — так создавай новости, чтоб тебя Разбитый побрал!

— Слушаю и повинуюсь. Создавать новости, — поклонился бес и исчез во тьме.

Девушка покосилась на рычаг. Небольшая пакетная программа, очень круто влияющая на жизнь всего шпиля. Тринадцать отборных бесов, забивающих информационные потоки полным мусором. Замедление обмена информации на всех уровнях, после которого пару

часов сообщения можно будет доставить лишь курьерами. Атомное оружие киберпространства. Нет, за такое её могли развоплотить — не посмотрев ни на высокое происхождение, ни на былые заслуги. Не для того она в своё время выпрыгнула на ходу из паланкина и обдурила родственников.

— Думай, великородная дура, думай!

Ложные новости? Сделано. Шутки из числа наиболее дурацких? Ветчина уже выбирает ложкой дно септика в поисках последних тем. Ложная тревога в Арках, отвлекающая ударную группу быстрого реагирования? Уже отменена. Может, устроить небольшую аварию?

— Чёрт, с этим стоило заранее подготовиться.

Сторожевые бесы, отслеживающее открытие «боевых» ворот гридниц, завыли протяжно и разом. Все дружины Арок вышли на боевые тревоги — и теперь уже совершенно неважно, ради головы Адриана или нет. Теперь они могут увидеть сражение воочию — и вряд ли захотят остаться в стороне.

— Надеюсь, Адри, оно того стоило, — проворчала Ирина и запустила последние «призрачные» преступления.

Шпиль улья Каллиник. Кельи духовного ордена Птицы

Дело не двигалось. Никаких новых зацепок. Никаких новых доносов. Единственной ниточкой был экзарх Лассо и его грехи — но все материалы высшие иерархи ордена Каллиников спрятали под замок. Белькаллин не впервой сталкивался с таким. Мирские и духовные дела не всегда расследовались легко — иногда приходилось месяцами ждать, когда расставленные силки зазвенят, говоря о пойманной информации. Но ожидание выматывало, и кафолик занялся более простыми делами.

Доносы шли на его почту крупными пачками. Грамотные и полностью неграмотные. Содержащие чёткие данные о месте и времени преступления — и растекающиеся мыслию по древу. По большей части их нужно было просто отправить в корзину или младшим клеркам для составления отписок. Но вот некоторые Анастас передал подчинённым или в другие ветви ордена Птицы.

Некогда ряд могучих ересей были разоблачены из-за вот таких анонимных писем — да что там ересей! Аббат Велизарий Уар четыре года назад получил гневный донос, что-де на улицах его стоп какой-то вконец скурвившийся жилец продаёт степняцкую твирь-траву в количестве (всего-то навсего) половины пуда. Велизарий не поленился съездить на месте — и действительно, означенный идиот носился с тюком травы, предлагая её каждому встречному. Степняк наслышался от родичей легенд про богатство Нижнедонска и любовь его жителей к дурману — вот и решил озолотиться. В итоге он ушёл на перековку в биомеха, а вот Велизарий — на повышение.

Словом, кафолик решил слегка перестраховаться. Это занятие не умиротворяло. Скорее наоборот — раздражало своей мелочностью. За разбором завалов доносов прошёл весь вечер, и началась ночь. Дежурство многие церковники проводили в кроватях, готовые подскочить по первому сигналу тревоги — но не Белькаллин. Он предпочитал тратить минуты сбора штурмовой группы не на попытки проснуться — а на сбор крох информации. Поэтому не ложился, лишь иногда забываясь коротким, тревожным сном.

Но пока тревоги не было. Лишь блок на экране отображал несколько текущих дел. Шпиль Балагуровых сегодня особенно «балагурил». Несколько драк, стрельба из автоматического оружия, публичная хула на великий род Комниных. Анастас невесело

усмехнулся: он прекрасно представлял себе, что сейчас творится в мирском ордене дальних родственников. Столько сигналов — и все требуют срочной важности.

Но Белькаллин был одержим только одним клубком дел. Столкновение на птичьем рынке. Попытка взять инфокурьера. Смерть экзарха Лассо. Потенциальная активности демона. Он увяз в деле настолько глубоко, что кажется, оно стало его второй кожей. Это словно старая рана, бесконечно сводящая с ума, но которой нельзя перестать хоть как-то заниматься. Даже сейчас, в пустых доносах, кафолик не раз спрашивал себя: может ли *это* быть связано с его делами?

— Анастас! Как дежурство? — весело говорит Субкаллин. Видимо, хлебнул пива на ночь глядя. Белькаллин не одобрял, но и не осуждал такое. Часы ночной смены могли тянуться очень и очень долго.

— Спокойно. Доносы читаю.

— Ты видел, что у Балагуровых творится?

— Угу. Кто-то щедро вступает в навоз.

— Какой-там навоз! В стопах Балагуровых прямо сейчас разносят невмами целые палаты, представляешь? Около полусотни шпилевиков разносят их в щепки, а шуты гороховые ни сном ни духом!

Витилий ещё не договорил второе предложение, как Белькаллин рванул к терминалу Эгрегора и вывел данные доносов по улью Скоморохов. Массовое столкновение. Эгregor дрожит от невм и сообщений, причем очень много нарочито весёлых — словно кто-то отвлекает от реальной картины. Ещё один фрагмент загадки. Кому нужно устраивать столь шумные разборки прямо напротив центра города? Анастас видел эти фрагменты, словно куски головоломки, неясно подходящих друг к другу. Они вызывали в нём какие-то странные чувства. Связаны ли похожие дела? Возможно. Но не последнюю роль тут играл сам фактор боевого азарта, вызванного побегом аж целой демоницы и прямым приказом ипата не лезть не в своё дело.

— Я не в состоянии отпустить это дело, ибо *я знаю*, что где-то здесь спрятан ответ. Отравленная иголка уже в стоге сена, но коровы предпочитают жевать траву, — ворчит Белькаллин. Он выдыхает и решается вмешаться в дела чужого шпиля.

Короткое сообщение: рапорт о выходе на задание. Следующее — немедленная санкция на боевой выход гридней. Это было не в его юрисдикции — но Каллиники и так плотно завязли в делах Скоморошьего улья, так что никто не удивится, если они появятся вновь. Приказы разлетаются по сети, и ударная группа поднимается в ружьё, погружаясь на транспорты. Через пять минут кафолик будет с ними. Через десять — возьмёт штурмом палаты, распространяющие в сети вокруг себя порчу техноколдовства.

Кафолику везёт, что ключевые иерархи спят. Они бы прекратили потенциальный скандал — пусть даже он бы и распутал клубок из нескольких заговоров. Но вот его коллеги не очень рады такому повороту — правда, только у одного хватает яиц попытаться его прервать.

— Анастас, разбери тебя диавол! — Витилий Субкаллин преградил проход.

— Не время, — делает шаг вперёд Белькаллин.

— Самое время. Ты понимаешь, что сейчас нарушаешь любую юрисдикцию.

— Мы — Каллиники, — веско возражает кафолик. — Мы духовная стража и Его меч. А прямо сейчас, возможно, в Подулье снова вырвалась тварь, буянившая в подулье несколько дней назад.

Субкаллин буравил взглядом коллегу с минуту, не более. Анастас уже всерьёз подумал, что придётся применить невмы, но тут Витиллий вздохнул и отошёл в сторону.

— Делай как знаешь.

Шпиль улья Комнин. Малые присутственные палаты васелевса.

Немолодой Михаил подошёл к моему месту, лежавшему одесную отца. Как всегда после горячих речей, он пропотел до тёмных пятен на рясе, а его глаза наливались самым настоящим Порайским огнём. К счастью — без свечения глазных имплантов. Для человека, перевалившего полсотни земных кругов, это могло быть несколько опасно.

— Брат мой и кесарь, прошу тебя, — торжественно выпрямился Михаил. — Сделай верный выбор. Который одобрил бы наш покойный Лихуд и который одобрит наш отец.

— Ты так говоришь, как будто речь не о проклятых денариях, — буркнул Мануил.

— Эти денарии могут спасти тысячи душ! — страстно отвечает мой старший брат. Мда, и этот человек ведь мог бы стать наследником престола и фактическим правителем Нижнедонска. Сколько же могли отожрать при нём «птичники»?

— Можешь раскрыть, брат? — я неопределённо махнул рукой, желая скорее позлить Михаила, чем действительно слушать очередную проповедь.

Пока мой старший брат Михаил пересыпал речь о выделении дополнительного бюджета чёртовым Каллиникам, я покосился на отца. Иоанн Комнин, васелевс и деспот Нижнедонска, отсутствующим взглядом наблюдал за огнями ночного подулья. Он пережил большую часть соперников — вроде древнего Ангелина Комнина и Виктора Мейендорфа. А ещё — почти половину собственных детей. Лихуда, наследника и моего брата. Шесть младенцев, не то удушенных, не то одержимых. Но ещё десять были живы и застали, как жизнь теплится в его теле только благодаря арканическим наукам и мнемотехнике. Я задумался, насколько ироничен был тот, что создал некогда весь мир и три киберпространства. Взять хотя бы монструозное здание, в котором мы заседали сейчас.

Шпили — кинжалы Первосоздателя, наглядное доказательство могущества Его слуг на грешной земле. Так говорят церковники, умалчивая о тысячах бесправных биомехов, складывающих бетонные блоки в изящные башни, сотнях инженеров, рассчитывавших прочность, и дюжинах инквизиторов, следящих, чтобы во всю эту ораву не вселилось по дикому даймону, желавшему сожрать и переварить их мысли. Впрочем, в чём они правы — так это в том, что каждый шпиль — доказательство могущества. Вот только не Первосоздателя, нет. Того Великого дома, что владеет башней и душами всех её жителей.

Башенки, балконы, паутина аркбутанов — это всё шелуха. Даже тёмные голографические панно и позолота, тоньше детского волоса — всего лишь внешняя оболочка. Настоящая роскошь и сила — в людях, которые обитают внутри — которые готовы создавать и покупать биомехов, исследовать глубины Пургатории и одёргивать излишне ретивые умы. Эти люди предпочитают палаты поменьше и охраняемые получше — вне зависимости от внешнего лоска. На верхушке каждого шпиля, вне зависимости от герба, была такая палата. Небольшая, рассчитанная только совещание близких сановников. Но никто не идеален — особенно Комнины. Именно поэтому каждое заседание малого совета рано или поздно превращалось в балаган.

— ... ведь не зря братия Каллиников за последний год помогла на десятую долю больше, чем в прошлом году?

Десять процентов за год? Мощно. Чёрт, где же я лопухнулся, что проклятые птичники умудрились отъесть десятую долю всех дивидендов?

— Протоспафарий, — негромко зову я и старичок с миниатюрной копией Перворазрядной книги подошёл ближе. По этикету он не мог сидеть с высокородными. — Внесите в протокол необходимость аудита бюджета, выделяемого шпилю Каллиник.

— Но...

— Брат, не стоит волноваться, — ехидно протянул Мануил. — Константина беспокоит, почему деньги от Каллиников приходят сильно больше не стало, а вот их доходы увеличились.

— Они помогают страждущим бесплатно!

— Значит, кто-то платит за них, — сумрачно заметил Гавриил Ангелос, и пододвинул к себе инфодоску и стило. Ссылка в Скомороший шпиль раскрыла в нём талант к поиску финансовых махинаций, и он понял с полупамёка, почему я инициировал проверку.

— Воды бы, — вдруг прохрипел Иоанн.

Мои братья аж подскочили на стульях. Не могу их винить — отец последние годы говорил очень редко. А при ком-то кроме лечащего врача — и того реже. Он уже перевалил ту грань, за которой начиналась вторая сотня лет, и для своего возраста выглядел вполне сносно. Особенно если был повернут только левым профилем, запечатлённым на денариях. С этой стороны он был парализован ещё лет тридцать до того момента, когда старые, недовымытые яды дали о себе знать и наложились на старческий маразм. Я не спеша лично налил воды из личного серебряного кувшина, отдал дегустатору. И лишь после — вручил кубок отцу.

— Да мне-то зачем, бараны? — буркнул мой владыка, не отрывая от окна взгляда. — Вот им сейчас бы всего Дона хлебнуть.

Я подошёл ближе. Действительно, на левом берегу под арками Скоморошьего шпиля полыхал пожар. Пока слабый — но вспышки и вырывающиеся иглы энергетических выстрелов говорили — кто-то разбушевался не на шутку. Рядом пахло поочередно церковными благовониями, оружейной смазкой и терпким запахом чернил. Братья тоже решили посмотреть, что вывело отца из забытия — впервые за последний месяц. Ангелос и прочие младшие дома почтительно держались в стороне. Но тоже присматривались к происходящему.

— У кого-то очень мощная вечеринка, — усмехнулся Мануил.

— Или грешная душа, — качнул головой Михаил. — Да смилостливится Первосоздатель над их душами.

— Которые явно не в себе, — фыркнул Всеволод

— Азраил, — я негромко позвал, а Хитрово неслышно оказался рядом. Наверняка лысый уже в курсе, что творится на левом берегу. — Что случилось?

— Разборка шпилиевиков, мой господарь.

— Выглядит занятно, — обронил Иоанн и отвернулся, словно зрелище ему наскучило.

— У нас есть информация?

— Разумеется, мой государь, ведь это мой хлеб, — лысый шпион помолчал, давая боярам переварить сказанное. — Уары влезли в разборки с местной сектой. Первый раз колдун ушёл от их гнева, но в этот раз, — лысый шпион качнул худым плечом, — видимо нагнали.

— У них должен быть вожак.

— Он есть, — скривился бледнолицый Хитрово. — И вы его даже знаете, милостливые господа, хоть этот... господарь нырнул на дно и вообще давно не давал о себе знать.

Братья не поняли, о ком речь. В отличие от меня. Всемилостливый Первосоздатель, чего ж ему не сиделось спокойно? Решил напоследок привлечь внимание отца? Что ж, ему это вполне удалось.

— О ком... — начал было Мануил, пока не увидел понимающие взгляды.

— Адриан, — почти выплюнул Михаил. — Больше некому.

— С чего бы ему высунуться из той дыры, где он сидел в киберпространстве? — с любопытством осведомился Всеволод.

Никто из них не жалел об утере младшего сорванца. По-хорошему, всех младших следовало бы отделить от рода за их выкрутасы — путешествия и рейды, вступления в банды и прыжки со «стрекозой», не говоря уже о делах чёртового Рогволда... впрочем, кровь отца мешала. Вот и в этот раз наличие братца заставило посмотреть на пожар в полуразрушенном улье чуть-чуть, но по-другому.

— Видимо, припёрло, — пожал плечами Мануил. — Ну, хоть с Уарами повязался.

— В тебе говорят родственные узы, — улыбается Всеволод. Не то чтобы он так не любил Адриана — просто ему нравится подначивать брата даже в такой ситуации.

— Скорее здравый смысл.

Я решаюсь вмешаться.

— Всеволод, собери ватагу молодых. Нам нужно его вытащить, пока Балагуровы не закинули его в околоток.

— Не волнуйся, брат. Ватага не нужна. Наш человек уже на месте и всё сделает в лучшем виде.

— Ему можно доверять? — беспокойно вмешивается Михаил. — Дело сие тонкое. Я мог бы связаться с местным орденом...

— А я — нажать на чиновничество, — подаёт голос Ангелос. В какой-то момент предложения начинают появляться слишком быстро, но Всеволод продолжает молчать с видом столь довольным, что решаю сначала выслушать его.

— Может, узнаем, что предлагает наш возлюбленный брат и повелитель дружины?

— О, не волнуйтесь, братья, — в глазах Всеволода блеснули огоньки веселья. — Один человек тут вполне справится лучше целой дружины. Поверьте, его глаза — глаза нашей семьи.

в которой пребывает неожиданная кавалерия, колдун предаётся воспоминаниям, а главный герой — тревоге.

Стопы шпиля Балагурово. Палаты Армода.

Я прибываю на поле боя привычным путём — пикируя сквозь стеклянный потолок, точнее — его остатки. Мой визави, выкинувший из окна полчасом раньше, уже лежал растерзанный выстрелами в упор вместе с несколькими телами штурмовиков. Падаю прямо на недобитую куклу, выбивающую моих людей из-за баррикад: грузное тело неопределённого пола и пучок хлыстов вместо правой кисти. Пока агисхьяльм выдерживает несколько прицельных попаданий, я без лишних сомнений рублю её толстую шею.

Нотка сожаления, правда, была. Плохо, что не удалось действительно разметать кого-то из культистов. Их немного и кто-то надумил укрыться за баррикадами так, чтоб простреливать всех, включая соседей. Подозреваю, что у этого кого-то имя начинается на «А», и заканчивается на «д». Хитрый сукин сын. Скатываюсь с тела, истекающего чёрно-синей жижей, и тактически перекатываюсь к ближайшему завалу. За ним залёг Филлион, с весьма сосредоточенным лицом. Броня — с кучей подпалин и оставленных бес знает чем дыр, сквозь которые видна арамидная ткань нижних слоёв бронепластин. Лицо — с прикипевшим, словно маска, выражением упрямства на лице.

— Не скучаете? — со слабой долей ехидства ору я. Связки, знаете ли, на предельной мощности плохо передают полутона.

— Что ты, атаман. Щиплет иногда глаза, а так расслаблены, как медведь в спячке. Как ты выжил вообще? Тут некоторые думали прыгнуть за тобой и свалить — но не под этой перестрелкой.

— Есть идеи, как нам прорваться?

— Нужно валить Армода! Он рисует невмы, так часто, словно у него не плашка, а том памяти!

— Они на нас не влияют, Адриан. Но его черти устали, а магия невм позволяет им высасывать из организма все соки.

— К тому же — у него явно твой кодекс.

Я отмалчиваюсь, оценивая ситуацию. Взлететь по параболе и спикировать на Армода? Нет, его-то трон под бетонным куском крыши. Уточняю по гранатам (пусто) и понимаю, что у нас не осталось ничего, что может его обвалить. Прорваться вперёд, вспоминая капрала Ричарда Л. Дженкинса? Опасно. Может, «шлем ужаса» и защищает от лазеров — но опасность представляют не только они. Выстрелы разрушают палаты: осколки стекла, керамики и паркета летят во все стороны, а куски стен с завидным постоянством вываливаются куда-то наружу.

Я чувствую слабое удивление. Нет, не из-за того арсенала, который накопили культисты — скорее из-за того, что местный ОМОН ещё не вязал нас в морские узлы. Или уже готовится узнать? Сеть переполнена какими-то пустыми новостями про котиков, так что остаётся обратиться к той, что следит за происходящим со стороны. Набираю мнемотехника и вжимаюсь в баррикаду, не забывая постреливать снятым с трупа лазерным пистолетом. По барабану, попаду или нет — нужно поддерживать реноме боевитого атамана.

— Ира? Ты на связи?!

— Чего?

— Ты стараешься там, вижу, хорошо.

— Не представляешь даже как.

— Ну это... спасибо!

— Не благодари! Слушай меня, Комнин новообретённый. К вам выдвинулось минимум пять нарядов. Два — обычные патрульные, которые доберутся минут через двадцать. Плюс отряд подавления беспорядков. Плюс — штурмовые гридни.

— Час от часу не легче.

— Не перебивай! Адриан, у вас от силы минут семь чтобы свалить из палат. Постарайся не забыть раненых.

— Только с победой, моя миледи, только с победой.

— Адри...

Но я уже не слушаю. Семь минут? В киберпространстве они будут казаться парой часов.

— Армод! Прячешься на троне сукин сын?

— Приди и возьми, как говорили древние.

Ярость клокочет во мне, и я вскакиваю, помогая в прыжке невмой. Меня пытаются сбить — и наиболее глупые культисты, высунувшиеся из-за баррикад и обломков, пропадают под выстрелами шпилевиков. Прыжок переносит меня прямо к трону — и я пронзаю его мечом.

— Преклонитесь, — хрипло сообщаю я, — и будете жить.

Острая боль в затылке показывает, что сюрпризы на сегодня не заканчиваются. Кстати, о любителе пацанских цитат. Неужели в этом мире сохранилась память о Филлипе? Любопытно. Возможно, Армод не так прост, как кажется.

— Не прост, — звучным баритоном слышу я, пока клубящаяся тьма формируется в бесконечную равнину. Правда, вместо безжизненных полигонов из алого стекла подо мной оказывается трава. — Ты прав, молодой шпилевик.

Я оглядываюсь. Армод выглядел гораздо младше и лучше, чем я его помнил. Короткая борода «ёжиком» с проседью, вполне европейская одежда — пиджак, рубашка и всё такое. Ни следа стереотипной «русской» одежды с тулупами и стоячими воротниками. Кажется, даже запонки на месте.

— То, что ты не уроженец Нижнедонска, не давало тебе права обкрадывать меня.

— Просчитался, — неожиданно кивает колдун. Его одежда постепенно темнеет, словно выгорает под степным солнцем. — Ты выглядел лохом при кошельке. Потенциальным золотым билетом наверх. Даже сам Первосоздатель, так сказать, воспользовался бы шансом — их не так много бывает. Как шпилевик, ты должен знать, каково это — падать в смрад подулья.

— Из насквозь фальшивого богатства в искренние руины? Лучше бы сильные мира сего падали так почаше. Лучше скажи, где мы? Я думал, в этом мире только серые пустоши, забитые биомехами.

— Жёлтые. Жёлтые степи. Мы сейчас в верховьях одного из притоков великой Реки. На меловых скалах я провёл детство.

Я заметил, что одежда моего противника начинает обугоиваться — но он даже не обратил внимание на мой кивок.

— Тут ты проводил своё время на троне?

— Хотелось бы мне, — невесело смеётся Виктор Армод. — Нет, к трону я оказался

прикован два года назад, когда мясники... изъяли часть моих имплантов. Тогда мне и пришлось... найти это.

— Сколько же ты заплатил за него? Такие технологии доступны только высшим иерархам.

— Всем. Но скажу тебе — зря ты отказался от такого же, когда была возможность. Да. Я чувю её запах.

Одежда серыми хлопьями осыпалась, и теперь дело шло за кожей, из которой прорывались механизированные конечности. Ада и дикий даймон научили меня опасаться в киберпространстве всего, из чего торчали лишние провода, арматуры, колючки и конечности. Видимо, дурак Армод в отчаянии заключил пакт с демоном — как и дурак Адриан чуть позже. Но в отличие от Комнина, у колдуна рядом не оказалось отчаянного археолога из другого земного плана. Поэтому демон спокойно напился знаниями и чувствами Армода.

— И как, оно того стоило? И вообще, с тобой ли я разговариваю? Или с куском Разбитого, натянувшего твою кожу и обломки твоих воспоминаний?

— Поверь, высокородный, — последние слова Армод почти выплёвывает, — во мне гораздо больше жизни, чем в окружающих тебя приспешниках. Я наслаждаюсь каждым днём — хотя не было даже грана того, что получил ты. Власть, деньги, родственники. Раздери меня даймон, как ты мог поступить с собой так глупо?

— С большими деньгами приходят большие горести, — усмехаюсь я и перекидываю энграммный меч в другую руку. Теперь я держу его не за перевязь — а за устье ножен. При необходимости их можно будет быстро стряхнуть.

— Это тебе так кажется, — Армод двигает спиной, и новые пучки кабель-щупалец, покрытых кровью, выползают на землю. Часть лезет ко мне с явно недобрыми намерениями, но мерцающий шар защитной невмы до поры до времени их не пускает.

— Я заинтригован. Как же так — родился в трущобах, а жалеет о бедности?

— Не в трущобах! — первое щупальце из сонма прорывает защиту и я понимаю — агисхьяльм не может даровать вечную неуязвимость. Что ж, хорошего понемногу. Отпускаю ножны и рублю мечом, который проходит сквозь металл, как через сухую солому. — И вообще не в этом проклятом месте! Почему я не мог попасть в тело аристократа, боярина — да хоть в одного из этих чёртовых монстров?

Я отбиваю очередной удар щупальцем.

— А кем ты был раньше?

— Какая разница, — неожиданно холодно отвечает Армод и отступает назад. — Важно то, кто я теперь.

Его тело сухо трещит. Одежда превращается в лоскуты, растворяющиеся в Пургатории алыми искрами. Тело — разламывается на части. И хотя кожа остаётся дурацким, рваным напоминанием о внешности колдуна, его плоть, сотканная из бесчисленного числа живущих своей жизнью кабелей, вырвалась наружу. Видимо, демон всё-таки взял верх над ослабленным телом колдуна — вон, даже вместо проклятий просто рычит. С лица, конечно, воду не пить — но явно не с оголённого металлического черепа, рычащего и пылающего ненавистью. Этот демон явно душкой не был.

— Армод, или кто там тебя заменяет, а договориться не хочешь?

В ответ эта чёртова каракатица рвётся ко мне, подтягивая неповоротливое тело наиболее длинными из щупалец. Кажется, кранты. Как бы нейрошунт веревочкой не вился, а

всё равно конец настанет. Бежать? Нет, пожалуй — бесполезно. Зову Аду, но она не отзывается — видимо, о таком мою девочку стоит предупреждать заранее. Или же это — побочный эффект агисхьяльма? Неважно. Я останавливаюсь и оборачиваюсь. Смерть стоит принять вот так — лицом к лицу, выдавая вису напоследок.

Что там у нас есть известного? Как назло — все некогда выученные до последней строки не лезут в голову. Только жгучее чувство горечи во рту. Что ж. Придётся импровизировать. Я медленно поднимаю клинок со светящимися рунами. Целую его и поднимаю вверх, как священное знамя. Набираю побольше несуществующего воздуха и ору:

— Ливень мечей зовущий! Слушай вису скальда, и Всеотца ливень шумный!

Армод неожиданно останавливается. Его мёртвые глазницы лишены яблок, но движение головы показывает: он смотрит на Скофнунг. Скашиваю взгляд на меч и начинаю понимать, почему мой противник замер. Вбитые в металл руны не просто светятся — они пылают самым настоящим, янтарным огнём, и его языки постепенно охватывают весь клинок, от гарды до острия.

— Хороший трюк. У меня будет много времени, чтобы его изучить.

— А вот хрен тебе, — ворчу я. — Попади для начала, идиот.

Широкий размах провода по ногам оказывается слишком предсказуемым, о чём спешу сообщить одержимому. Тот ревёт, рвётся вперёд и ускоряет замахи, но я умудряюсь то уйти в сторону, то отразить губительный удар мечом или невмой. Голова страшно трещит от перегруза памяти, и даже стеклянная земля Пургатории лопается не то от магии, не то от богохульств, которыми мы с Армодом активно посыпаем окружающее пространство. У меня немного шансов на контратаку, и лишь когда Армод, наконец, пробивает защиту агисхьяльма, я подаюсь вперёд и провоцирую его открыться.

А затем делаю ещё шаг вперёд и жалом выбрасываю Скофнунг.

Меч погружается в гнилую плоть кибердемона, и от ихора начинает светиться настолько ярко, что обычные тени Пургатории меркнут. Армод вопит, бессмысленно избивая «полигоны» конечностями. Его агония от одного-единственного удара не может не удивить, и я отхожу подальше — на всякий случай. Однако едва опускаю меч, как вижу знакомые жёлтые столбы, в которые входят неясные фигуры. Жёлтые столбы. Фигуры. Пургатория. Логическая цепочка с щелчками бронзовых шестерёнок собирается в пазл, и мне уже плевать на Армода — ведь вырисовывается перспектива бросить к чёртовой матери этот безумный мир.

— Мужики! Господари! — подхожу я к светлым силуэтам. — Вы как сюда попали?

— Меч, — ровным голосом отвечает мне ближайший.

— Меч позвал и мы пришли, — эхом отзывается следующий.

— Меч служил мне, а теперь я служу мечу, — гордо отворачивается ещё кто-то.

— Я послужил мечу и вернусь в Порайск.

Фигуры растворяются в столбах, пока ещё светящихся вокруг скулящего демона. Они пришли из местного цифрового рая, потому что их позвали. Душа прилетела на зов меча. Жёлтые столбы — лишь эхо Порайска, души, временно призванные в пользование могучим артефактом. Класс. Тогда кто я? Почему тогда мой дух прилетел на зов Ады? И почему моего гнева хватило, чтобы выйти из под контроля?

— Если честно, дорогой, я и сама не знаю, — раздаётся у меня за спиной. Я оборачиваюсь.

Лицо Ады наконец, открыто. Я не могу сказать, что демоница уродлива. Напротив — её

скулы и огненный взгляд, искривлённая улыбка и стройное тело манит, как маяк в ночи. Но к счастью или нет, но одной лишь внешней красоты мне мало. Даже та многозначительная улыбка — и все равно не может сковать мою волю и (особенно) мой гнев.

— Я тебя не звал. Убить этого, — я пинаю носком Армода, — твоего родственника для меня дело чести.

— Как это мило, — фырчит демоница и подходит ближе. — Тяжело ранил не самого сильного демона, а фырчишь индюком. Позвал на помощь, но ходишь гоголем. Рад, небось?

— Тебя ничего не смущает? — ярость клокочет во мне адским пламенем, и мне по барабану на демонический гнев. Меч жаждет крови и не очень хочется сдерживать его позывы.

— Например?

— Ну, меч для убийства демонов. Отсутствие ответов с твоей стороны, м?

— Мммм, неопределённость мне... нравится, — она ведёт плечиком и осматривается. — Как тебе откровения духов? Ты наконец понял, что всё *это* всерьёз?

— Что это меняет? — ворчу я в ответ.

— Посмотрим. Ты можешь запаниковать и броситься под пули — или продолжишь держаться идей и принципов. Ах, эти эмоции... жаль, ты не можешь ощутить, как химия преобразуется в бинарные канты...

Я чувствую вспыхивающее раздражение. Неважно, невмы тому виной или остатки характера Адриана — но я решаю показать норы демонице. Сравнять, так сказать, счёт.

— Говоришь, эмоции?

Меч входит в глазницу с минимальным сопротивлением, и намёки на осознанность движений пропадают в тот момент, когда остриё пробивает заднюю стенку черепа колдуна. Вокруг меня вновь появляются золотистые тени, наносящие колющий удар прямо в голову одержимого колдуна, и я проворачиваю клинок в глазнице. Желтоватые осколки вытекают вместе с чем-то, подозрительно напоминающим машинное масло, и Армод даже не стонет — лишь дёргается в судорогах. Ада молчит, и я решаю сказать эпитафию за неё.

— Один твой родственник не так давно мне сказал, что невмы не могут быть сильнее самого меча. Точно так же и тело не может быть сильнее духа. Ада, что ты скажешь на эту слабость тела? А ты, Армод? Ты сдался. Не меч и не руны, не демон, взявший во владение твоё тело — твоя истощённая сила воли проиграла нашу схватку. Поэтому и только поэтому ты и твой новый хозяин будут сегодня мертвы.

Замах. Рукоять упирается под резиновый змеиный язык, шипящий от прикосновения к пламенеющему клинку. Острие указывает в чёрное, несмотря ни на что, небо Пургатории. Мне остаётся повернуть оружие в ране, не обращая внимание на мерзкие, чавкающие знаки, новые золотистые тени и чёрный ихор, заливающий мне штаны и ботинки. Что и делаю под внимательным взглядом Ады. Мне хочется спросить её — какие эмоции она получает, видя смерть дальнего родственника по своей вине? Видит местный Первосоздатель — выдернув кодекс, оставил бы этого юродивого в покое (может, и погром бы сгладился). Но насмешливый тон демоницы меня взбесил.

Ярость пробирает мои импланты, а туча вопросов готова порвать мой мозг. Впрочем, никого спросить я не успеваю. Как только труп перестаёт вздрагивать, меня выносит в реальное пространство, в котором моё тело ещё летит мешком с дерьмом. Или — вместе с мешком дерьма, если таковым считать покойного Армода.

— Атаман?

Скинуть с себя труп. Кое-как, напрягая мышцы, приподнять его и начать рубить мечом по напичканной железом шее. Не очень успешно — всё же, в этой реальности мечи не секут всё подряд. Понять, что такими темпами на клинке останутся зазубрины, весьма хреново влияющие на функционал. Но всё же ткнуть пару раз в сторону наиболее «мясных» частей тела колдуна. Просто для сброса пара.

— Эй, щеглы!

Я слышу вопли возмущения. Но всё же поднимаю как можно выше отпиленную голову колдуна, сопровождая пафосный жест не менее пафосным окриком. Боевики, видя падающий кибертруп, сдаются — но далеко не все. Часть, несущая на лице явные следы спешного наведения лоска у барберов, шрамы от драк и прочие следы в глубоком подулье, сопротивляются ещё отчаяннее. Словно понимают, что без Армода их в лучшем случае выкинут на свалку. Что ж, похоже это пат. Пора сваливать.

— У вас есть план, как вытаскивать тела?

— Какой план, атаман? Бросаем их и прыгаем вниз!

— Не бойсь, Адриан. Семьи потом получают долю и полную историю, чин по чину! Настоящий Уар гордится сыном, погибшим в бою! — ревет тот самый «Точноуар», закованный в глухую броню, и выкидывает куда-то в сторону вопящих культистов гранату. Скотина, приберёг напоследок — хотя я очень долго спрашивал, нет ли у кого взрывчатки. — Но нам стоит сваливать, други.

Впрочем, я понимаю, что шпилевик прав. Нас вновь прижали огнём, а с каждой секундой увеличивается вероятность возвращения местных безопасников. Нужно сваливать — и сваливать подальше.

— Проверить «стрекозы» и дать отсечку в командный... — слово «интерфейс» тут знают? — в командное, курва, окно! У кого нет — подбирайте с мёртвых! Даю отсчёт шестьдесят секунд!

Иконки шпилевиков, горящие зелёным, по очереди начинают обрамляться золотистым контуром готовности. Остаются только трое, в прыжке тянущихся к раненым, а то и убитым. Забрать рюкзаки со «стрекозами». Одна иконка остаётся серой — вне зоны покрытия. Чёрт с ней!

— Тридцать восемь, тридцать семь... Ложись!

Взрыв сносит гигантские двустворчатые двери. Те самые, обитые бронзой. Мои люди вновь залегают, предусмотрительно накрывая раненых. Новых жёлтых или чёрных значков не появляется, и я рискую поднять голову. Дым и пыль рассеиваются медленно, хотя я слышу тихий сухой кашель одиночных разрядов и горестные вопли противника. Прибыла кавалерия? Оборачиваюсь, чтоб подбодрить своих людей, но они застыли, глядя куда-то вверх и непрерывно матерясь. Через мгновение присоединяюсь к ним — есть из-за чего.

Сквозь остатки стеклянного потолка медленно опускаются самые настоящие тяжёлые штурмовые костюмы. Дружинники Вакхов решили не остаться в стороне и наконец прекратить веселье.

в которой Белькаллин оценивает шутки, мирская ветвь изволит гневаться, а воины устраивают базар

Арки улья Балагурово.

Территориальная палата мирского ордена обычно предназначена для перекуров, согревания патрульных да предварительного содержания тех или иных жуликов. Но для чего она точно не предназначена — так это для содержания целой ватаги шпилевиков, которая даже будучи прореженной, все равно умудрялась заполнять собой всё пространство. Шутки, которыми можно было бы рассечь плоть. Искренний смех людей, взглянувших в лицо костлявой старухи. Надменные ответы уроженцев знатных родов.

Для захолустной палаты подулья подобное может быть или событием, или испытанием. Даже для меня очевидно, что при виде молодых нахалов обитатели местных каменных мешков от буянов-пропойц до последнего татя решатся побузить. Так после коротких переговоров местные силовики просто нас заперли в каком-то конференц-зале и растащили по углам. После чего принялись опрашивать. С переменным успехом.

— Имя?

— Адриан.

— Фамилия?

— Слишком известна, чтобы оглашать в такой дыре.

— Отпираемся, значит, — поднимает бровь писарь. Я лишь пожимаю плечом. — А если по морде?

— Попробуй, — вновь жму плечом я и с любопытством смотрю на тщедушного служаку. Даже имея адрианово тело, ему можно сломать нос хорошим ударом головы. Но тот лишь хмыкает и продолжает опрос.

— Сколько вас было?

— Две дюжины.

— Тут и одной не наберётся, — с сомнением тянет парень, не сводя с меня холодного взгляда.

— Остальные прикрывали нашу беседу с Армодом, лихоимцем и колдуном. Иначе ваши люди бы давно нас прервали.

— Они не мои, — смущённо проговаривает Балагуров, едва заметно краснея. Лесть — очень грубый способ смягчить положение. Но иногда помогает.

Где-то сзади орёт очередной Уар, выведенный из себя тупым (по его мнению) вопросом. «Мой» писарь понимающе вздыхает и продолжает опрос. Стандартная история — кто таков, зачем устроили погром с убиением и разрушениями. Мои аргументы о санкционировании штурма и возврате украденного имущества чиновник словно пропускает мимо ушей, лишь фиксируя всё на инфопланшете. Ну и ладно. Если совсем всё плохо будет — трубным гласом возведу о своей фамилии, и все заткнутся. Надеюсь.

Допрос производит впечатление формального, будто вскоре нам предложат оплатить ущерб и валить на все четыре стороны. Вроде бы и хорошо, но этом случае возникнет некоторая проблема. Зашифрованный кошель содержал пять тысяч солидов, и я понятия не имел, хватит ли этого для перестройки пентхауса... то есть верховых палат. А ведь ещё нужно выплатить оболтусам гонорар. О котором сговаривался Филлион. Мда-уж. Нужно

взять у кого-то из местных краткий курс экономической грамотности. С другой стороны — я боярин или нет? Сомневаюсь, что они корпели над золотыми, как Кощей над приснопамятным золотом...

Допрос заканчивается так же странно, как начинается — вопросом о родственниках ближних и дальних, готовых выплатить залог. Мне остаётся нагло усмехнуться и попрощаться с писарем, да попытаться размять руки, стянутые железом. Ну и оглядеться — как там дела обстоят у других? Кого-то ещё допрашивают, и даже со своего места я могу видеть надувшиеся щёки и вены разгневанных шпилевиков. Часть освободили от наручников и загнали в угол, под надзор закованных в полные латы стражников. Где продолжали увлечённо срать, как последние базарные бабки. Нет тут культуры общения с властями, ох нет... Впрочем, ещё успею исправить и это.

Глядя на бедлам, который устроили мои сопартийцы, хочется взять в руки куль с семечками, и хорошо похрустеть. Впрочем, я бы не отказался от попкорна, пива и иных вариантов развития событий. Но, кроме нудного допроса, я действительно чертовски занят. Пока есть время, перевожу свежесобранный фонд благосостояния прямо в интегрированную, то есть личную память. Чтобы, получив по голове, не мог проснуться нищим. Благо, что шпилевики вовсю спускают накопленный адреналин на бедного служаку, решающего, в какую камеру отправить каждого из Уаров.

— Мой род старше твоего на три поколения, а ты со мной обращаешься как... как с подрезанцем мощны! — трубно восклицает Филлион, активно жестикулируя. — Да посмотри в Порайске разрядную книгу, посмотри, с кем в походы ходили мои дядьки и отцы! Какой каменный мешок, ты совсем охренел?!

— Да мне! Плевать! — надсадно орёт маленький стражник. Чтобы переорать Уара, нужна стальная сила воли и весь воздух лёгких — поэтому он выкрикивает каждое слово по отдельности. — Вас нужно! Рассадить! По камерам! Не по палатам! По камерам!

Видимо, местных оборванцев перевезли в другое место. Что ж, тогда понятно, зачем был этот странный допрос. Просто тянули время, прежде чем приставы загонят в броневики местный криминалитет, очищавший камеры от своего присутствия. Видимо, скоро мне придётся узнавать особенности тюремного арго. Колокольчик в ушах даёт знать, что перенос данных завершён. Я изображаю решимость вмешаться и это, наконец, замечают.

— Да чтоб тебя Разбитый... Атаман, ну ты-то скажи!

Подхожу ближе. Но орать не начинаю — лишь пристальным, длинным взглядом впиваюсь в уставшее лицо кого-то из Балагуровских служаек. И поднимаю бровь.

— Ну давай, ты ещё наори, — взвывается стражник.

— Голос поднимать не нужно — бесполезно. — Я говорю негромко и тем самым легко привлекаю внимание спорящих на повышенных тонах. — Мои люди только вышли из боя, и амок затеняет их превосходные манеры. Ты же сам вой, так что можешь понять.

— Твои люди в стопах улья плещутся, так что не надо изображать из себя обитателя верхушки Шпиля! — фырчит служака, но голос понижает. — Вы хоть понимаете, что положили болт на все и всяческие правила? Оно вам надо было?

— Не представляешь, насколько.

Я вкратце описываю ситуацию, но поддержки не получаю. Впрочем, если не все, то почти все пойманные, подозреваемые и осужденные наверняка выгораживают ситуацию в целом и себя лично. В целом, меня всё устраивает и в текущей ситуации. Кроме свободы — о чём честно говорю стражнику. Но вот что действительно явно волнует моих людей —

отсутствие личного оружия.

— Личное оружие не кибердемон, им участок не зачистишь с угрозой «я ещё вернусь». Тем более, парни в зеркалах с удовольствием наделают нам дырок.

— Меня это не сильно обнадежит, если сабля этого шкафа превратит мою голову в тыкву! Да и знаешь ли, уклад сторожевой службы...

Я прерываю его и по очереди беру клятвы у каждого из Уаров, что он не будет использовать своё личное оружие против законников. Те со скрипом и неудовольствием его дают, но это производит впечатление. Как-никак, Уар скорее прервётся, чем нарушит свою клятву. Я накидываю ещё аргументов со ссылками на защитные невмы, от которых у меня звенит «улитка» и всевозможные кодексы чести, цитируя отрывки из Русской правды вперемешку с законами Серого Гуся. Сомневаюсь, что они имеют тут силу — но чушь становится весьма убедительной, если говорить её уверенно и с выражением.

Стражник всё больше отмалчивается, чем отругивается и я понимаю — где-то зацепил важную струну в его душе. Остаётся только распинаться про фамильные сабли и родовые перначи... и мысленно выматериться. В зал заходит мужик в иссиня-чёрном кафтане странного фасона, расшитом золотом. Офицер? Священник? Какие-то амулеты и печати чистоты свешиваются, словно бижутерия, и похихикивающая на фоне Ада мгновенно затыкается. Плохой знак. Но продолжать ездить по ушам нужно — иначе будет больше подозрений.

— Сам пойми — высокородные. А их оружие — личная и семейная честь.

— Ага, честь... Кафолик, они тут совсем охамели!

— Чего такое? — негромко осведомляется тот самый «офицер-священник».

— Требуют личное оружие вернуть.

— Даже степнякам такое разрешают в походе, — ворчит Баруар.

— Хрен с ними, верни! Как тебя там, Адриан — под твою личную ответственность!

— Клянусь честью и своей головой, — сумрачно киваю я.

— Этого мало, — криво усмехается Балагуров. — Готов заложить своё оружие?

— Заложить — нет. Отдать до выхода на свободу — вполне.

Стражник криво смотрит на церковника, и тот кивает:

— Сомневаюсь, что эта компашка останется на свободе после содеянного.

Я снимаю перевязь и аккуратно протягиваю её офицеру, чувствуя укол своеобразной ревности.

— Лучше будьте осторожнее с мечом. Он древний и весьма своевольный.

— Не впервой.

— Начальник, спроси, а кормёжка будет? — подаёт голос Поляница.

Церковник напрягается.

— Извините грубость моих людей. Но вопрос актуален. Насколько я знаю, даже татам позволено просить обед в остроге.

— Ну какой к чёрту острог, атаман? — устало отмахивается церковник. — Будет вам обед. Мы же не Каллиники скупые. Угомони только своих буянов, а то отдам их домовладельцу, который сейчас обивает пороги господаря Степана. Да, милсдарь Адриан, — продолжает он, заметив моё напряжение. Но не считав, что оно вызвано мучительной попыткой вспомнить владельца имени. — Ваши действия привлекли внимание господаря Скоморошьего улья. Так что попомните мой совет — время призвать все ваши молитвы и всех ваших знакомцев в высоких кабинетах, буде таковые есть.

Впрочем, еду приносят. Безвкусную, но калорийную. Мои люди жадно накидываются на неё, откидывая опасения шутками про отравленную еду и наноботов в овсянке, слушающих наш разговор. Охранная невма даёт о себе знать вибрацией и я «стреляю» глазами, прежде чем громко сказать:

— Сомневаюсь, что наша застольная бравада кому-то интересна!

Шпилевики хмуро вздыхают.

— Жаль, что нас тут немного, — глухо говорит Марика. Двух её товарок нет — так и не назвавшую мне имя убил одержимый, а вторую, Поляницу, увели, едва она показала лицо офицеру.

— Они знали, на что шли, — напоминает Филлион.

— Не все понимали.

— Кстати, атаман, а что там И...

— Всё в порядке, — опережает его Уарша. — Я смотрела новости — твоя любимая певичка не выступает сегодня у церковников, но и не осуждена за это.

Птичий язык. Что ж, эти высокородные чертовски быстро учатся. Ира не среди пленных, но как-то умудрилась дать о себе знать Марике. Значит, скрылась в какой-то норе или даже умудрилась привлечь внимания. Умничка. Нужно будет ей купить букет цветов. Если, конечно, в этом мире вообще их принято дарить. А то ещё подумают, что колдун собирает для своих снадобий — проблем не оберёшься.

— Как думаете, что нам шьют? — весело вопрошает Бауар, после отрыжки отставляя тарелки. — Я вот думаю, разбой!

— Скорее будут искать попытку подорвать улы. Чтоб зачлось получше, — ухмыляется Филлион.

— У нас? Вот уж мы меньше всего похожи на подрывников.

— Да и сам представь, сколько нужно тащить на себе!

— Это вы, ребята, без обид, не сталкивались со взрывчаткой, — качает головой Фил. — Был у нас один случай...

— Где?

— Не перебивай!

— Да ладно, молодость. В участке мирской ветви ордена Ключей. Удовлетворён? Ну вот, вызвали нас как-то бабки, через сеть, анонимными и публичными доносами. Мол так и так, сосед их тащит снаряды времён Раскола, себе в дом, и зыркает нехорошо при этом. Что снаряды тащили — курицам было по барабану. А вот взгляд, ха-ха-ха!

— Думали, что невмы чертит?

— А то. Но сами понимаете, наш кафолик нервничал больше по поводу снарядов. Чёрт знает, зачем они ему нужны — может, на металл хотел сдать, а может — продать степнякам, чтоб те лупили по Нижнедонску. Деяния по последствиям и наказаниям ой какие разные... то ли публичная порка, то ли казнь с сожжением разрядных книг.

— Или он вообще болванки тащил.

— Во-во. В общем, разобраться нужно было быстро, и мы примчались по поводу поиска нарколабы в окрестностях, тем более, что она реально где-то рядом была. И представьте: заходим мы в лачугу, значит, размером с этот зал, может, чуть больше. По углам распиханы куски металла, а в центре — здоровенная такая бочка, вроде той, в которой топляк таскают.

Уары с пониманием протягивают гласную. Шестеренки в моей голове прощёлкивают («снаряды-обломки-бочка-где начинка?»), и я успеваю проявить себя. Сказав первым то, что

пришло в голову всем:

— Он вытаскивал заряды взрывчатки и складывал в бочку?

— Выплавлял, — поправляет кто-то. — Если бы вытаскивал — взлетел бы на воздух.

— И так бы взлетел, рано или поздно, — отмахивается Уар. — Но этому барану, чтоб его Разбитый отымел во сне, повезло. И он наработал себе почти три десятка пудов взрывоопасной смеси. Работы, бл... с пластилином на дому!

— А чем вообще обосновал?

— А торгашеский план у него был, дескать. Рыбец нынче дорогой, а забулдыгам к пиву да медовухе вынь да положь именно вяленый рыбец из Дона. Он, дескать, прикинул так и этак и решил оптовые поставки наладить. Показывал чан, мешки с солью, но нас, братцы (и сестричка) беспокоила бочка и взрывчатка прямо под одной из опор шпилья. Ну мы её хватъ и в машину, мужичка на соседнее сидение и помчали в гридницу. Вы бы видели лицо кафолика нашего, пославшего с обыском, когда мы ему закатали эту бандуру ему в кабинет — Уар ржёт, как будто сообщает хорошую шутку.

— Бежал далеко?

— Не, этот не такой. Подтащил за шкурку лаодикия, тот пролепетал что-то про воду, ну мы и залили всё к чёрту не сходя с места. Потом принеслись яйцеголовые, почесали репу, да выдали мол, повезло вам, дебилам, и тому барану тоже повезло.

— Могла взорваться?

— Не просто могла, братцы. Они на пальцах посчитали и если бы баран тот кинул бочку в Дон и подорвал, то дескать, речка бы секунд на десять течь перестала. Про милую радость вроде окон, стен, баркасов, хлебных ссыпок и чёртового рыба я молчу.

Какое-то время все обмениваются эмоциями и пожеланиями незадачливому торговцу. Десять секунд остановившегося Дона — это мощно.

— Человеческий идиотизм вообще бездонная тема, — расслабленно сказал «точно Уар» небрежно вытирая руки о дорогое сукно «мужичьего» кафтана.

— У каждого есть история, у некоторых даже, — усмехаюсь, — с собой в главной роли.

Хохоток. «Точно Уар» начал какой-то рассказ про про пьяного гриденя из элиты Комнинов, пришедшего к юным кадетам Уаров на пьянку в честь удачного отбития атаки на Стену Нижнедонска. Словно за нами и не наблюдают следователи, явно гадающие, что с нами, гусями такими делать — крылья подрезать или с яблоками запечь. Я едва не упускаю нить беседы, но получаю толчок в бок. Заставляющий меня подумать, что подозрения, возможно, витают не только в моей пустоватой голове.

— Знаешь, что он сказал на нашу жрачку?

— Ну?

— Говорит, вкусно, но мало что-то.

Дружинники смеются. Я не очень понимаю сути происходящего.

— Мол, его объедали?

— Нет, атаман. Этот щегол просто не знал, что воинам Уаров принято кормить двумя блюдами и плюшкам к чаю.

— Знал бы ты, сколько приходится с себя лишнего жирка сгонять! — хлопает по бронижилету Марика.

— В общем, накормили беднягу заплутавшего. Вскрыли горькую. Он такой: «Нене, я не я, задница писца», но у нас сотником был Гриша Бауар, знает кто? О, не сомневался... так вот, у него подход простой. Встаёт во фронт и гаркает: «За господаря нашего великого княже

Комнина!» Тут грех не встать и не выпить. Потом, опять же: «За княжича нашего Константина Комнина!». Опять же, не отмажешься. А там, конечно, за знакомство, за отбитие атаки, за Первосоздателя и естественно за Великие Рода. В общем, уснул твой гридень. Упал лицом вниз, как при отражении ядерной, чтоб её инфодемоны драли, атаки.

— Пряма на месте?

— Да не, отполз конечно. Снарягу снял, мол, посмотреть можно, из здания выходить с ней нельзя. А там, мать моя княгиня, кинетический пистолет. Представляете? На самом что ни на есть сухом порохе! Но самое интересное — чем снаряжён пистоль тот был.

— Прицел?

— Не так всё просто. На стволе был цилиндр, приспособа этакая. Делаящая выстрелы бесшумной.

— Глушитель, — вставляю я и заслуживаю одобрительные шепотки. Ой плохо ребята, в этом мире с повернутыми на войне...

— Он самый. Мы, значит, вырвали из горла гриденя болезного, что там в обойме пять патронов и по бутылкай шмяк! шмяк! шмяк! шмяк! шмяк. Тихий, сволочь!

— А что шмякало-то?

— Да банки. Сама пукалка почти бесшумная. И вот, значит, возвращаемся в казармы, Комнин уже без задних ног. Ну мы же малолетние дебилы — наводили друг на дружку, пиф-паф, ой-ой-ой, умирает зайчик мой. Минут пять так развлекались и заходит Уар. Самый что ни на есть дядька нашего боярина. Тоже слегка навеселе — победа всё-таки. И начинает ворчать мол что и как, зачем наводите на друзей-дебилов, дебилы. Ну мы объясняем: — специальный машин! Пять зарядов! А пустые гильзы, так вот они! А дядька слушает нас, да протягивает руку. Мы в неё вкладываем пистоль, а он как говорит:

«— Да по барабану, отстреляли или нет, проверять наличие патрона надо!» Затворную рамку хватать, и оттягивает!

В зале густеет тишина. Я ненавязчиво оглядываю комнату — и замечаю: даже наши стражники чуть-почуть, но увлечены байкой. А «типа Уар», вставший в разгар рассказа, не спеша садится, улыбаясь от произведённого эффекта. И медленно продолжает:

— Я, братья, только в дешевой синеме видел, чтоб полностью снаряженный патрон вылетал по параболе, отскочил от изразцов, да покотился куда-то в пыль. Оружейник наш пошёл дальше курить табачок да горькую со старшими пить, а мы давай толкать шпилевика: мол э, брат, нахрена ты ещё один патрон сунул в патронник? Знаете, что он ответил?

Обводит хитрым взглядом.

— Застрелиться?

— Убить больше?

— Нееее. «Так надо».

Я под хохот аккуратно встаю и подхожу к немногим оставшимся Балагуровым, так и оставшимся в помещении безмолвными изваяниями. Пытаюсь узнать, за что увели от остальных третью даму. Получаю ответ: кафолик-«скоморох» извинился и попросил сообщить, что-де благородную даму увели дальние родственники. Уары, внимательно слушавшие наш разговор хохочут — они подозревали в пропавшей любовницу Филлиона.

И как по заказу, прибывает новый кафолик. В его цветах больше золота и амулетов, а во взгляде — надменной решимости. Но куда больше меня удивляет не он и не глухой звон, издаваемый сонмом его невм. Мой взгляд останавливается, словно муха в росянке, на стройной Гипатии Каллиник, чья стройная фигурка одета во что-то, очень подозрительно

напоминающее подстежник к броне. Время словно затухает, когда она резко поворачивает взгляд ко мне, и видит местный разбитый Дьявол, но сразу хочется сделать какую-то шумную и пафосную чушь для привлечения внимания... но к счастью, новоприбывший кафолик замечает меня.

— А ты, видимо, атаман этой шайки? — отрывисто спрашивает церковник, измеряя меня взглядом

— Горжусь им зваться, — спокойно отвечаю я, вызывая одобрительный шум за спиной. Даже стражники-Балагуровы начинают коситься взглядом.

— Имя? Профессия? Род? — резко спрашивает кафолик, но для человека, на которого давил живой чиновник из Архстроа, подобная смена тона была в лучшем случае... смешной.

— Адриан, — коротко киваю головой, отказывая незнакомцу в почтении поясного поклона. — Курьер. А род мой слишком неизвестен, чтобы я её вам называл.

— Шутим? Это хорошо. А то, знаешь ли, после «мозголома» бывает весьма грустно.

Руки начинают нестерпимо чесаться, как это всегда бывает у Адриана перед неявной, но очень сильной опасностью.

в которой Адриан видит райские кущи, много шутит и очень много грубит.

Место: киберпространство. Пургатория.

Кроваво-алые полигоны. Стенания ветра и неясные тени вдалеке. Жутковато. Наверное, на обычного преступника местного разлива это способно неплохо надавить. Вот только я не совсем местный и не совсем обычный, и на моём руническом клинке ещё не просохла цифровая кровь демонического отродья. Не говоря уже о той, с которой я заключил сделку совести.

— Имя? Фамилия?

— Адриан из весьма известного рода, — пытаюсь я отвести шутовской поклон. Вот только растущие из земли цепи, сковавшие тело, несколько мешают в этом.

— Чем раньше ты прекратишь скоморошничать — тем проще будет потом, — несколько сочувственно отвечает кафолик. Одно движение рукой — и багровая пыль поднимается с «земли», крутится и превращается в простой деревянный стул. На который и усаживается церковник.

— Вы даже не представились, так что не вижу причин отвечать взаимностью.

— Что ж. Анастас Белькаллин. К вашим услугам.

— Адриан, — коротко киваю. — Фамилию не заслужил.

— И почему ты, Адриан, — в глазах собеседника вижу явный скепсис, — не имеющий фамилии, убил почтенного Армода?

— Молюсь, о святейшество, — даю глубокий, насколько возможно, поклон, — что никогда не попаду в тот дом, где снюхавшийся с демонами Армод был почтенным.

Белькаллин слегка поигрывает желваками.

— С кем ты вошёл в сговор для штурма палат?

— Со своей совестью и стеклянным потолком.

— Запираемся, значит, — покачивает головой кафолик и даёт знак сопровождавшим служакам в золотом. Их было пятеро, когда я только очнулся после принудительного перевода допроса в эгрегор. Теперь могу видеть только двоих, и наверняка в этом тоже был элемент психологической игры: а вдруг сзади вот тот горбун готовит удавку? Не думать о таком, наблюдать за происходящем — перескажу если не Филу, так Аде. Итак, первый останавливает свою шарманку, а второй притушивает пару лампад из целой грозди.

Света на «нашем» участке Пургатории становится меньше. А вот гула — куда больше. Ветер теперь приносит не только пыль, едкими крупинками царапающую местное отображение кожи, но и голоса. Ломкий голос старика, всплывший из памяти Адриана. Знакомый девичий голос, в котором вместо звона слышен лишь горький рёв. И лишь потом я слышу отца. Настоящего отца, а не ту полуразвалившуюся пародию с вершины Золотого шпиля, и его негромкую горькую речь. Её сменяет горестный плач матери и слова заупокойной молитвы — настоящей, а не читаемой местной пародией на христианство и Адептус Министорум одновременно. Меня пробирает от осознания нереальности момента, оторванности от прошлого и осознания, что больше мне никогда не увидится с родными... вот только опереточные звуки умирающих людей, прибавляющиеся к общему хору, возвращают меня к реальности цифрового чистилища. И смешных людей, играющих в допрос.

Я оглядываю моих мучителей внимательнее. Вот, что вы мне готовы предложить? Страх смерти, страх горя и боли близких? Что ж, местные безопасники деградировали так же сильно, как и остальной мир. Решили сначала допрашивать, а не узнать о прошлом получше. А ведь в нём была смерть, несколько прыжков в неизвестность, раздражённые инфодемоны и всякая мелочь на сдачу. Драки подручными предметами в чистом поле, десяток дул пистолетов, долгие десять лет интриг в Золотом шпиле при умирающем отце. Даже Адриан рассмеялся бы от такого — и уж я тем более не могу сдерживать веселья.

— Тебе смешно, отродье? — кафолик явно раздражён, но его звонкие пощёчины только усиливают мою истерику. — Ты хоть понимаешь, к кому ты попал? Тебя допрашивает кафолик духовного ордена Птицы, шут гороховый!

Я кое-как подавляю смех и более внимательно осматриваю церковника. Действительно, среди его оберегов есть вполне себе золотой значок какого-то не то ворона, не то сокола. Каллиник, мать его. Ну да, Белькаллин и Каллиники. Стоило догадаться. Интересно, как смотрит милсдарь Степан Балагуров, повелитель Скоморошьего Шпиля на то, что у него в подулье командует кто-то из конкурирующей семейки? Возможно, будет слегка в ярости. А значит, у меня ещё будет шанс обойтись без засветки фамилии. Но в этом случае придётся потянуть время.

— Знаете, милсдарь, вы заставили меня вспомнить одну старую историю про двух мудрых кафоликов из ордена эээ... — как там звучит орден Лаодикийев? Орден купола? СТОП! НЕ СМЕШИТЬ СЕБЯ! — ...впрочем, это неважно.

— Ну уж нет, говори — или я вырву еретическую историю железом!

— Ну ладно. Престарелый Каллиник спрашивает Каллиника: «- Какова твоя профессия? Ты гридень? — Неет! — отвечает Каллиник, — моя главная профессия — Каллииииииник! А твоя, наверное, врач? — Неет! Я Калллииииииииник!»

Я заливаюсь смехом, пока помрачневший церковник раздаёт короткие и ёмкие указания, излишне удобренные страшилками. Разгораются десятки невм и я словно слышу явный хруст черепной коробки, но вопросы всё так же не работают. Следующие часы проходят для меня однообразно.

— Кто заказчик налёта?

— Я сам.

— Не смей лгать! — взвизгивает кто-то сзади и уши закладывает низкий звук. Кто-то отрисовал невму, вот только судя по следующему вскрику — шлем ужаса продолжает работать. — Двадцать четвёртая не работает, о кафолик!

— Пробуйте чередование с железом. Что ты скрываешь в нейре?

— Подборку тайских членодевок, — моя ухмылка натывается на непонимание и мне приходится объяснять им, насколько готовы пасть некоторые разумы, ослепленные похотью. Мой рассказ вызывает заметные рвотные рефлексy...ведь вряд ли аромат палёной плоти от раскалённой кочерги способен пронять палача. Пусть даже раскалённый металл не способен прожечь мою кожу, и даже чёрные следы затягиваются в мгновение ока.

— Зря ты не понимаешь — твоё сопротивление, хамство и оккультные знаки лишь продляют пытку и негативно влияют на её исход.

Я молчу. Мрачные песнопения, светящиеся невмы, кибероковы — ничего из этого не может перекрыть древний, едва ли не первобытный символ, начерченный мною впопыхах. Попытка расколоть волю невмами натывается на Шлем ужаса, который мешает нанести существенный вред Адриану, хотя пыточный арсенал и вызывает царапины. Разум надёжно

защищён охранными знаками, явно незнакомыми местным. Пожалуй, хорошо, что они не смотрели один фильм некогда братьев-режиссеров. Иначе бы понимали, что проще пытаться тело, а не разум. Или же проливать кровь в этой реальности — страшный грех? Нет, тогда не существовали бы шпилевика и жестокие отравления в палатах верхних уровней ульев.

Пока я сжимаю зубы до скрежета эмали (что позволяет отвлечься от хруста головы), к Белькаллину подходит один из золотых служак. Он прикрывает ладонью руку, но, на моё счастье — слух Адриана в Пургатории выше всяких похвал.

— Не помогает, милорд.

— Что ж, тогда погрузим его круг на третий. В самый раз, чтобы не беспокоить защитные цепи.

Стук сердца замедляется, пока не отдаётся в боку огнём. Багровая земля почти мгновенно покрывается красным льдом. Мне становится прохладно, но — не более того. И пока меня пытаются заморозить, поджечь, бить какими-то золотыми хлыстами, я думаю о злой иронии судьбы и пугающей ограниченности местных допросников. Во-первых, давно пора тащить напильник для зубов или что там у них сейчас в ходу. А во-вторых, они явно не читали отцов-основателей киберпанка.

ICE. Intrusion Countermeasure Electronics. Электронные средства противодействия вторжению. Лёд. Видимо, невмы играют роль «льда». А теперь меня пытаются заливать адским жидким азотом. Впрочем, чтобы не раскрыть неуязвимость, мне приходится изобразить муки от жгущих знаков и выдать пару маловажных сведений. Про дуэль с Каллиником и про древность символов. Вот только проклятого Анастаса это не устраивает. Или ему было просто мало.

— Откуда столько денег?

— Что скрывается в твоей нейре? Что за два зашифрованных файла хранятся в ней?

— Откуда знания оккультных наук?

— Много читаю.

— За чтение отреченных книг полагается сожжение, — торжественно глядит на меня Белькаллин, и я понимаю, что сказал лишнего. — Ты можешь избежать этого. Порайску нужны носители, и ты можешь быть благословенным.

Благословенным? Вечная ссылка в райские кущи? На мгновение задумываюсь, но душка Адриан, совавший нос куда не стоит, помогает в сомнениях.

Запах. Адриан всегда в первую очередь обращал на него внимание — и сначала в нос ударил запах лампад, а уже потом изображение. Сводчатый зал заставлен какими-то стеклянными бутылками в полторы сажени высотой. Паутины в привычном понимании нет, но вокруг очень много труб, кабелей и терминалов Эгрегора. Мой провожатый облачён в хламиду цвета зимней ночи, и несмотря на уважение, в его голосе сквозит предостережение пополам с превосходством эрудиции. Лаодикий — только у них подобное в крови.

— Будьте осторожны, милсдарь. Тут очень много кабелей — и каждый из них критически важен для существования Порайской сети.

Терминалы, кабеля и свисающие гирляндами амулеты меня не интересуют. Я подхожу к одному из стеклянных баков, и свет фонаря выхватывает лишь пыль. Я смахиваю её и едва не отшатываюсь от омерзения. Внутри чана, в желеобразной массе согнувшись младенцем, сидит голый человек. К конечностям и заднице подходит паутина шлангов, трубок и чёрт знает чего ещё. Лицо обхватывает грубая маска, подающая воздух. Глаза —

защиты, но отчего-то не удалены.

— *Они когда-то увидят дневной свет?*

— Что вы, милорд, — Лаодикий качает головой. И негромко продолжает, словно боится разбудить людей. — Они и лунный свет никогда не увидят. В отличие от обычных людей, попадающих в Порайск после смерти, эти субъекты увидели его спустя несколько недель после созревания. Когда их тело ослабеет — душа перейдёт в сеть, и мы посадим нового носителя.

— *Все?*

— *Некоторые получили этот пост за исключительные заслуги, — протягивает учёный. — Но подобная чистота души и мощь разума встречается только у одного из сотни тысяч. Остальные никогда не смогут стать с'рверами, носителями Порайской сети.*

— *Они никогда не увидят света... а почему бы тогда не удалить глаза?*

— *Милсдарь, вы обладаете отменным чувством юмора — учёный негромко смеивается. Как будто его ученик только что выдал забавный, но в корне неверный ответ. — Как же тогда они будут наблюдать за состоянием райской сети?*

— *Не хотелось бы такой милости.*

Лаодикий отворачивается.

И когда его взгляд возвращается, я вижу жёсткие зелёные глаза Белькаллина. Я понимаю, что последнюю фразу умудрился произнести вслух. Пургатория пошутила. Не иначе.

— Ты уверен?

— Лаодикий могут держаться за свои секреты сколько угодно. Но слухи-то ходят.

— Слухи. Что ж, попробуем иначе. Гератий.

— Да, милсдарь.

— Подключи его к девятому каналу.

— Но...

— Ненадолго. Ограниченный доступ.

Со тьмы на голову обрушивается ледяной ливень. Он смывает цепи, смывает Белькаллина и стеклянные куски, покрывающие местные земли. Холод воды перехватывает дыхание (хотя казалось бы, какое оно в киберпространстве?), заставляет закрыть глаза. И открываю их я уже в совсем другом мире. В нём больше живости и естественности, чем в сумраке Нижнедонска. Тут много деревьев, а вода настолько прозрачна, что я не могу определить глубину реки. Это напомнило мне... да нет, быть того не может.

— Может, — сухо усмехается Белькаллин где-то рядом, и я резко разворачиваюсь. Кафолик один — и его ладони открыты мне. — Порайск для каждого свой. Я вижу бесконечный сад на террасе Птичьего улья. Гератий, сказать по секрету, видит идеальный вариант Подулья, где нет трущоб и нищих, зато есть карнавальное веселье.

Я не отвечаю и смотрю на неизвестную тут реку. За ней — тополиная роща, и плавный подъём к степи. Где-то там, наверху, будет сарматский курган. Здорово пограбленный ещё в древности, но сохранивший в себе десяток бусин, разбитое зеркальце и ухочистку. Место моих первых раскопок. Правда, некоторые деревья одинаковые, а журчание воды настолько идеальное, что хочется отлить в реку. Излишне идеальное. Никаких тебе мышей, никаких сольпуг обыкновенных. Вряд ли вверх по течению будет размытое казацкое кладбище и зелёные кости.

— Сидящий в глубине сознания идеал?

— Он самый. Мои братья всегда говорят об этом в проповедях, но для веры иногда нужно показать лично.

— И ради этого люди готовы на всё? — и не только люди, если уж о том говорить. Ада бы много чего отдала за это посещение — если бы чип с ней не вытащили перед допросом.

— Готовы. Если ты назовёшь имя и заказчика, то останешься тут. Даже отключать не станем. Альтернатива тебе не понравится, сразу предупреждаю.

Я покачиваю головой. Не то чтоб прям сомневался в выборе — но небольшая передышка не помешает.

— На ад, чистилище и рай уже посмотрел. Теперь, милсдарь Белькаллин, любопытно посмотреть на альтернативу.

— Я этого ожидал. Но всё равно разочарован. Гератий, отключай нас. Пора начинать по старинке.

Тьма накатывает на опушку резко и частями. Словно кто-то отключает свет. Последнее «выключение» — и открываю глаза уже связанным, на кресле Эгрегора. Служаки отводят монитор подальше от моих глаз, и помогают с одеждой кафолику. А кто-то уже тащит нечто бряцающее на

— Халат?

— Несомненно. И беруши, пожалуйста. Кричать будет уже на иглах, но кто знает, сколько продержится наш Адриан.

— Вы думаете, будет и второй этап?

— Не сомневаюсь. Так что тащите напильники, скальпели и остальное дерьмо.

Тащат иглы и молоток, поглядывая на меня. Видимо, будут загонять под ногти. Потом, на всякий случай, остальную радость жизни — клещи и напильники для зубов, кастеты, шокеры, скальпели, зажимы. Что ж, как веревочке не виться, всё равно конец настанет. Холодное касание антисептика, пальцы в тисках. Удар. Белькаллин не врёт — боль настолько острая, что вся решимость уходит куда-то в трубу.

— К какой фамилии ты принадлежишь? Что скрывается в твоей нейре, Адриан? Говори, и это прекратится, ты будешь прощён! Где ты прочитал о невмах, которые начертил себе? Что? Что ты шепчешь?

— ...и не введи нас в искушение. Но избавь нас от лукавого.

Старая молитва старого мира. Мира, где нет обезумевших нейросетей и не менее безумной пародии на пастыря. Но она мне неожиданно даёт новые силы — и вместо того, чтобы распластаться пластом, я плюю в лицо Белькаллину. Этот, последний жест окончательно срезает с него маску благопристойности. Он впечатывает мне в ухо кулак и начинает орать. Словно у него сидел в нейре демон, а не у меня.

— Ты расскажешь. И тебе никакие старые молитвы не помогут, потому что в этой комнате проводник между сетью и Порайском — только я!

Вежливо улыбаюсь. Мне хочется выдать очередную пустую остроу, но нашу в высшей степени приятную беседу прерывают. Третий мужчина заходит в комнату. Его «крестьянский» ферязь кое-где слегка подпален лазерными разрядами, вымазан потеками дешевой, пустой каши и порван. Вот только массивные золотые украшения, осанка и (главное) горделивый взгляд вкупе с ледяным спокойствием создают ему куда более пугающий образ, чем фанатизм и обилие амулетов Каллиника.

— Я же просил никого не пускать, — огрызается Анастас, но пришелец даже не ведёт бровью.

— Мне неловко прерывать вашу беседу, господари. Но вынужден вас попросить выйти вон.

— То есть?

— То есть к чёрту, господари.

— А ты не охренел, часом?

— О нет, — смеётся «точно Уар» и задирает рукав. На нём затеня остальные источники света мягким золотым светом разгорается электротатуировка, заставляющая моих мучителей заткнуться. — Охренели вы, отродье Каллиников.

«Отродье Каллиников» лишь благовейно взирает на «иерусалимский крест», огненным золотом слепящий им глаза.

Глава 23

Κρυπτός

в которой Комнин делает предложение, Адриан удивлён, а Каллиники получают хороший совет

Арки Скоморошого шпиля. Палаты мирского ордена.

Ради такого я даже поднял гудящую голову и пригляделся к гостю. Кавалерия прибыла, но цвет мундиров оказался иным? Как там было? «Первосоздатель не с нами, потому что он ненавидит идиотов»? Но нет, действительно — крест Комнинов и какая-то фигурка... ага, знак куроалата. «Внутренняя безопасность» Комнинов. Они, наверное, должны меня вытащить. Надеюсь.

— Я неясно выразился? — поднял бровь Комнин, прищурился серые глаза. — Или вы ослепли, не видя знаки моего сана и моего рода?

— Что вы, милсдарь...

— При всём уважении, куроалат, — твёрдо отвечает Белькаллин, пока его ноздри раздуваются от подавленного гнева, — но светская власть не властвует над духовной. А в данном деянии есть следы воздействия диких бесов. Если не демонов!

— Напомните мне, какому ордену подчиняется орден Птицы? — коротко отвечает мужчина и челюсть Белькаллина со стуком встаёт на место. — Вот то-то же. Свободны, кафолик. Вас уже ждут представители Скоморошьего ордена. А вы, черти — не забудьте вернуть вещи уважаемого Адриана.

Служаки начинают сборы с ретивостью, делающей им честь. Откуда-то появляется меч, плашки нейрочипов и браслет. Некто помазывает пальцы синей мазью, другой наливает из графина воду. Профессионалы. Иные бы препирались и заработали взыскание, но эти быстро поняли, что за птица заскочила на огонёк к обречённому. Наверняка Анастас притащил их с собой. Кстати, где он?

— Ещё что-то, милсдарь? — Белькаллин стоит неподвижной скалой. Даже несмотря на боль, я могу понять его выражение лица. Ярость, смешанная с бессилием. Словно хулиган оплевал перед всей школой. Однако не орёт и не бросается с кулаками. Какой молодец. Всё-таки точно профессионал. Выложил бы я ему всё за милую душу рано или поздно, наверное. Комнин глядит на него снисходительно и с некоторым одобрением.

— Даю вам дружеский совет — будьте аккуратны в выражениях с Балагуровыми. Ваша семья уже их достала своим вмешательством в дела Скоморошьего улья. Не наломайте дров ещё больше.

Церковник и служаки отвечают поясными поклонами и выходят. По очереди. Стражник и палачи — пятясь и сопровождая каждый шаг поклонами. Белькаллин — не оглядываясь. Мда, яйца у него есть. Едва дверь захлопывается, как новый гость бесцеремонно садится напротив и расстёгивает тулупчик. Выглядающий чуть более традиционно, чем моё двубортное пальтишко.

— Вот так-то лучше, — ухмыляется мужик в бороду. Ставит на стол какую-то обсидиановую пирамиду и сдвигает верхушку. — Теперь мы можем говорить свободно. Наворотил ты делов, братец. Благо, ума хватило не светить электротатуировкой перед кафоликами — Великие дома бы тебе баааааааальшее спасибо сказали за повод

пощипать Комнинов за бороду. Но удивисься — внимание бати действительно привлёк. Он соизволил поинтересоваться происходящим, и даже при свидетелях.

Мужик скалится, словно отвесил весёлую шутку. Я прищуриваюсь и пытаюсь вспомнить, при каких обстоятельствах видел эту ухмылку.

Верхушка шпиля. Кажется, такое место называют «гнездом» — посторонние сюда допускаются лишь в рамках приёмов и церемоний, отягощённых запутанным этикетом. Особенно посторонние с оружием. Но я почему-то сжимаю двустволку, кажущуюся в детских руках настоящим слонобоем. Мне страшно — и холодный мрамор статуи, к которой прижимаюсь заправским командос, особенно не помогает.

— Нас не накажут?

— Даже если и накажут, — Фёдор усмехается, и его рожа становится похожей на оскал довольного пса, — то ангелок Каллиников стоит того. Неча им летать тут. Батёк их не особо любит — так что наказывать особо и не станет. Да и когда ещё ты будешь стрелять с настоящих кинетических пиццалей?

— Федя, чёрт возьми!

— Узнал, чертяка. А мне уж казалось, что кумушки правду шепчут и ты совсем крышей поехал, — бурчит брат, но улыбается в бороду.

— Сам знаешь, брат, кумушки любят перемывать кости.

— Любят. Вот только ты, размахивая энграммным мечом, орал как одержимый в амоке. Я такое видал и раньше, поверь. Уж начал думать, что в своих путешествиях по стопам шпилей ты зашёл в какую-то не ту подворотню.

— То есть ты...

Ну да, конечно, наблюдал. Только как? Под конец схватки не то что камеры — даже свет и тот не работал. Может, подключился к чьей-то «ракушке»? Хотя, есть ещё один, куда более надёжный вариант. «Истинный Уар, как же». Крестьянский ферязь, отличная подготовка. Чёрт, интересно — Филлион знал или тоже обманулся? Нужно будет с ним поговорить по душам. Я-то его задницу перед Белькаллиным спасал, как мог. Видимо, мои эмоции очень ярко отображаются на лице.

— Ты на Уара зла не держи. Мы с ним пересекались по одному делу в стопах Ключевого Шпиля. Два наёмника, два дробовика и очень много должников. Славное время. Но история не для сегодняшнего дня. В общем, когда Фил начал собирать команду, он упомянул твоё имя. И я заинтересовался, потому что история пахла большими неприятностями — а неприятности хорошему брату не нужны.

— Зачем тогда этот маскарад?

— Не могу не спросить того же, братец, не могу не спросить, — барабанит пальцами Комнин. — Сколько лет ты сидел на дне города, словно навь в болоте? Два года? Три?

— Эээ... — я морщу лоб, но воспоминания вновь приходят. Гораздо легче, чем раньше. — Четыре года. Если совсем точно — в понедельник пойдёт пятый месяц пятого.

— Сидел бы ещё десять, никто б и не трогал, если б Армода не решил пощипать. Так зачем полез на рожон? Нет, ты не подумай — я-то рад увидеть, но хотелось бы понять, как отмазывать тебя от Степана.

Степан? А, точно. Степан Балагуров. Владыка Скоморошьего шпиля. Пожалуй, сын деспота (это титул) Нижнедонска может обращаться на ты к какому-то там главе Великого Рода. Пожалуй, тут шутить не стоит. Пора лепить из моих приключений правдоподобную легенду. Я осторожно начинаю:

— Честно, Федь? Вляпался по глупости. Неудачное дело, перегруз памяти, осложнённый выход из Эгрегора. Потом заключил сделку не с тем человечком, а человек мало того, что кинул, так ещё и обобрал до нитки. А где один — там скоро появится очередь из желающих не платить за услуги и улей Балагурово закрывается для меня. Вот гордость и взяла верх.

Комнин вздыхает и делает какой-то пасс руками. Видимо, местный вариант крестного знамения.

— Умеешь ты, конечно... в гордость. Я уж надеялся, что наша семейная, — Комнин играет желваками, — черта тебя обошла. Как-никак, прилив крови Уаров, хоть Тертлдау к ним имеют отношение, как молоко к овсу... Мда уж. Редко, но метко. А что за история с тем Каллиником, благодаря которому ты с Уаром стал кровниками?

Я рассказываю Фёдору о Каллинике, которого едва не зашиб на дуэли, об энграммном мече. Вспоминаю Гипатию, но отсекаюсь — а брат уводит разговор в сторону полукровки-Уара, особенно интересуясь именем. Разговор плавно перетекает с темы на тему, но ровно в тот момент, когда я начинаю подозревать допрос, в темы вплетаются байки и вопросы о какой-то дальней родни. К слову вспоминаю побег, объясняя, как додумался спикировать со шпиля в палаты. Выясняется, что мой брат таких подробностей раньше не знал. Что Константин, что дядька Феофил не болтают, видимо.

Иной бы засомневался, точно ли передо мной сидит Комнин или это лишь ещё одна реальность. Вот только память Адриана дала мне железобетонную уверенность — электротатуировка не работает в Эгрегоре, а грубоватую манеру Фёдора подделать можно, но очень уж муторно. Куда более вероятно, что братец просто проверяет, сколько в этих мозгах осталось Адриана Комнина после неопределённого количества пыток. Что ж, запыраться не станем. Но и говорить о себе излишне — тоже. Ещё не хватало, чтоб родственники объявили меня безумцем и спрятали в палату. Не ту, где пируют, а где вместо белого камня белые матрасы.

Я, никогда не умел вести разговор так, чтоб отвечая, узнавать о сути вопроса больше вопрошающего. Но даже в тех неловких вопросах о родственниках мне удаётся улавливать зёрна истины. Точнее — наталкиваюсь на обрывки воспоминаний, эмоций и ассоциаций Адриана. Я вспоминаю о Лихуде, которого зашиб особо лютый биомех в походе пять лет назад — сразу после моего побега. Морщусь, услышав о Михаиле — и Фёдор понимающе кивает. Брат и несостоявшийся кесарь, вроде как ушедший в нейромонахи, в последние несколько лет лез в мирские дела семьи так активно, что об этом судачили даже на средних уровнях шпилей. Правда — шёпотом.

Константина Комнина я вспомнил быстро — шкафоподобного кесаря забыть тяжело. Мануил и Всеволод, постоянно подначивающие друг друга и своего старшего брата. Того, что понабожнее. Фёдор, куропалат. Последний раз я слышал его упоминание шёпотом — так что стоит держать уши на макушке. Рогволд-игроман и Мстияр, которого ещё при мне хотели лишить фамилии и вычеркнуть из разрядных книг.

— Я вот что не пойму, — усмехается Фёдор, набивая трубку табачком, — нахрена ты побрился? Выглядишь теперь как юнец безусый.

— Лишняя страховка. — возвращаю кривую усмешку. — Далекое не все в Нижнедонске рады увидеть старину Адриана, вот и меняю внешность.

— Особенно ты не стараешься.

— Кто бы говорил, истинный Уар. — Мы одновременно заливаемся ржанием и холодок

уходит из разговора чуть сильнее. — Ты вообще в курсе, что тулуп делается из первой попавшейся овчины, а не лучшей?

— То у крестьян. Шпилевики могли бы ходить в горлатных шапках, но такие деньги и такая наглость обязательно привлечёт внимание если не мирских ветвей орденов, то наиболее кровожадных из бандитов.

— То есть это такой, — щёлкаю пальцами. Вряд ли тут есть слова «форс» и «понт». В привычном мне значении. — Способ покрасоваться?

— Элемент маскарада, брат. Даже Уары слабо понимают моду простолюдинов — они могут лишь слепо копировать её у знакомого портного, обшивавшего дядю, тётю, бастарда главы дома и какого-нибудь Тертуара заодно.

Шутки и колкости слегка смазывают разговор, и обсуждение текущих событий идёт куда более гладко, хоть и пусто. Фёдор всегда был близок к Адриану, так что такая пустота оставляет лёгкое ощущение горечи, но меня подобные эмоции не волнуют. Воспоминания куда ценнее, а они приходят с очередной упомянутой фамилией, с очередным местом, и я едва успеваю собрать их в единое полотно. Впрочем, для того, кто пытался скрестить устаревшие учебники с современными теориями для диссертации по раннеисландскому обществу, нет ничего невозможного. Итак, что из нашего разговора уже можно вычленить?

Фёдор — сын третьей жены батька, Ингриды Лаодикии. А вот я, получается, дальний родственник Уаров, потому что плод союза с Амалией Тертлдау — младшим родом прямолинейных воинов. Что ж, было бы хуже, если бы был Каллиником — с родственниками кровная вражда была лишней... надо будет когда-нибудь нарисовать генеалогическое древо. Может, память Адриана постепенно и сливается с моей, но хоть убей — не помню, что за Тертлдау, что за Лаодикии. С кем дружить, с кем враждовать — неясно, понятно лишь, что нужно держаться подальше от церковников в целом и Каллиников в частности. Впрочем, к церковникам брат меня не собирался вести.

— Твою рожу пока к храмам подпускать не будем. Не знаю как насчёт той больной, но вот Армод был явно с нейронной одержимостью. Церковникам только дай повод просветить «ракушку» и нейру Комнина насквозь, — тут он поводит челюстью, словно вспомнил что-то неприятное. — Обойдутся. И так уже охамели дальше некуда.

— Что тогда делать?

— Ты мне скажи. Будь моя воля, я бы тебя заковал в боевой скафандр и отправил бы в поход на степняков. Вот только, — хитро улыбнулся — чует моё сердце, что чёрта с два ты на такое согласишься. Способ сбегать ты находил всегда. так что скажи мне, Адриан — а какие у тебя планы?

— Выйти из гостеприимного участка и выпить пива.

Фёдор морщится. Он не отвечает сразу, лишь затягивается и выпускает сизоватый клуб дыма куда-то вверх. Шумно вздыхает и начинает. Видимо, дальше разговор будет действительно серьёзным.

— Нет, Адриан. Я про планы на жизнь. Ты так и планируешь жить в крысиных норах и передавать великотайные зашифрованные кодексы? Да не смотри ты так. Я может и не глава тайного приказа Великого дома Комнинов а так, мелкий кафолик — но был бы плох, не зная дел родственничков, хоть молитв Михаила, хоть пьяных выходок Мстияра, хоть... неважно. Итак?

Я жестом прошу трубку и Фёдор удивлённо мне её протягивает. Видимо, при брате

никогда не курил. Затягиваюсь и едва сдерживаю кашель. Табак оказывается крепковатым для лёгких Адриана. Хотя вкус куда тоньше, чем в оставленной мной реальности. Боярство, мать его растак. Можем себе позволить — боюсь представить даже, сколько он стоит. Дневную зарплату рабочего? Недельную? Месячную?

— Признаться честно? Мне надоело убегать, — истинная правда. — Но при мысли о сложных застольных ритуалах и забытом придворном этикете мне хочется блевать, — и вновь я не лгу. — Хочется приносить реальную пользу. Ты видел, как Каллиники окопались в улье Балагуровых?

— Ещё бы не видеть, — недовольно отвечает Фёдор.

— Думаешь, они останются на одном шпиле?

— Думы, думы, — качает головой брат и куропалат. Куропалат. Так его назвал Белькаллин и повиновался. Интересно, он повиновался ему как Комнину или как должностному лицу? Это же не фамилия явно. Должность? Хорошо. С чем связана? Палаты? Нет, это латынь, а в ней не так всё просто. Где там мой второй курс истфака? *Scientia potentia est* — не про потенцию. Вот и *palatos* — кажется дворец и «палаты» идут откуда-то оттуда. — Думы редко делу помогают. У меня для этого есть коллеги с более светлыми головами, Но вообще ты прав. Нужно Балагуровым подсобить.

Прищур «со значением» меня не вдохновляет.

— Мне?

— Быстро смекаешь, — начинает улыбаться Фёдор. — Вообще я думал сам в это влезть, но раз ты попался под руку... так уж сложилось, что ты отличная кандидатура. При шпилях тебя не знают, но обитаешь в среде лихого молодняка. Пусть немного другого — но поверь старому кинику, с сорвиголовами найдёшь общий язык, раз умудрился переспорить Уаров. С верностью шпилю, у тебя, может и проблема, зато с мозгами — всё в порядке.

— Спасибо на добром слове, — стараюсь не переусердствовать с иронией, но слова про верность меня задели. Вот так вот, несколько лет не видел — и уже выписан из верноподданных. Хорошо хоть — не из Комниных.

— Я тут не причём, — поднимает руки куропалат. — Дядьки начали собирать на тебя досье сразу после рождения, и твой побег только добавил лишних листков. Особенно пара инцидентов с ловчими командами, после которых охоту на тебя свернули, — брат прищуривается, но память Адриана остаётся глуха. Я что, перебил шпилевиков, пришедших по мою душу? — Не, ты был бы доволен характеристикой. «Истинный Комнин. Характер — степной, выдержанный. Поддерживает ровные, хорошие отношения с работодателями и коллегами по теневому бизнесу. Безукоризненно выполняет свой служебный долг, не берётся за сомнительную работу. Беспощаден к врагам Нижнедонска. Холост. В связях, порочащих его, замечен не был. Книга отзывов содержит ряд благодарностей, имеются сведения о подарках от теневых деятелей плёсн различных шпилей. В данный момент проживает преимущественно в шпиле Балагурово.»

— Обстоятельно.

— Это краткая выдержка последних десяти страниц, — отмахивается Фёдор. Куропалат.

Кто же ты во «дворце»? *Cordis* — сердце.

Нет, не то. *Cura* — есть такое слово вообще? *Curatia*, точнее *Curatio* — лечение, то есть *curo* — лечить? Как-то на лекаря не похож. Но преподша по латыни, заодно преподававшая польский (и оттого каждое изречение Сенеки приобретало тон Гжегожа Бженчишчикевича).

вбивая в нас латынь двуглавым, некогда объясняла библейскую фразу Cura te ipsum неточным переводом. Дескать, изначально посыл «лечи себя сам» читался ещё более грубо, поскольку «Cura» значило ещё и «забота». Итак, заботящийся по дворцу. Командир дворцовой стражи? Внутренняя безопасность семьи? Что ж, Фёдор. Пощупаем твой контроль эмоций.

— А почему не кто-то из других младших?

— Неее, боковые ветви нашего Дома не умеют держать язык за зубами.

— Да я и не про них, — мотаю головой, словно продолжаю сомневаться.

— А про кого же?

— Про других моих младших братьев. Мне казалось, что они...

Фёдор прерывает меня жестом. Тень какого-то тёмного чувства пробегает по лицу брата, но быстро исчезает, уступая место сосредоточенности и знакомой осторожности охотника

— Не тут. Лучше перестраховаться и покинуть сие гостеприимное местечко.

— Семака как обычно. С дружиной малой пока тебя не было, навестил Итиль. Да так что его оттуда с остатками дружины в железах прислали, — Фёдор невесело усмехается. — Благо, все пальцы оставили на месте, признали знаки васелевской крови. «Попытался навести мосты между нашими домами.» Дурак.

— Семака редко бывает в сети, — улыбается Ада. — Ему опостылела Цифра. Вид бескрайней выжженной пустоши почему-то более любим... Впрочем, есть и такие, кому видения Инфоада интереснее Порайска. Правда, Адриан?

— Так всё же осел в городе? — отвечаю я брату, не обращая внимание на бормотание демона.

— Да шас. Уехал с караваном в Бердаа. Мне, правда, шепнули, что в том караване оружия было больше, чем товаров. Так что вестей от него я теперь побаиваюсь.

— Только не вздумай спросить о связи городов. Они соединены только старой веткой Инфоада. Только самые отчаянные из бесов и твоих коллег странствуют по ней дальше города.

— А что по Рогволду?

— Оооо, дорогой. Тут ты прямо проворачиваешь нож в ране любимого брата.

— Мы не говорим о нём, — холодно отрезает Фёдор после молчания.

Я поворачиваюсь и вижу достаточно неожиданную картину: лицо Фёдора словно превратилось в мраморную маску. Желваки — поигрывают, а глаза наполнены даже не гневом — ненавистью. Кажется, я нашёл реального, а не добровольного изгоя из Золотого улья. Но просто отступить было бы в характере Адриана. Не моём. И я решаюсь:

— Эта история всё ещё тебя задевает?

в которой Фёдор погружается в семейные сцены, доктор недоволен, и Адриан защищает своих

Арки Скоморошего шпиля. Палаты мирского ордена.

Дальше события понеслись вскачь. Балагуровские церковники, напуганные перспективой противостояния с Комниными, выпускают из камер и возвращают в «совещательный» зал Уаров. Все мои дружинники — бодры и веселы, хоть некоторые и выглядят заспанными. Видимо, у них ночь прошла гораздо легче, чем у меня, особенно судя по шуткам. Было над чем шутить — пальцы левой руки ещё саднили, под глазом наливался знатный «фонарь», а ухо болело, словно его накачали насосом.

— Други, пора собираться и уходить в расход. Постарайтесь не шуметь ближайшие дни.

Вакхи ворчат. Пока что в их крови играет боевой азарт — но вскоре они поймут, что едва ли половина шпилевиков пережила налёт на «пентхаус» Армода. Будет много горькой воды и горьких разговоров. Кто-то отделается неприятным разговором с патриархом семейства — кто-то вынужден будет надеть вериги или оставить блеск Нижнедонска. Словом, дни после налёта будут не менее тяжёлыми для моих шпилевиков, чем сам налёт. Зато, если повезёт, то оставшимися в городе можно будет отлично поработать.

— Есть какие-то планы на потом? — насуплено ворчит Иаким.

— О делах рано ещё говорить, — мотаю головой я. — Потом свяжусь с вами обычным каналом связи. — знать бы ещё, какой канал обычный. Нужно будет спросить у Фила. — Да, кстати. Милейший! Стоит выдать милсдарям их снаряжение и добычу. Законную,

подтверждённую распоряжением мирского кафолика плёсн шпиля Балагурово.

Стражники переглядываются «со значением», но с мест не сходят... Они уже в курсе, что мужичок в тулупе рядом со мной — один из Комнинов, а по совместительству ещё и куропалат. То есть — может при желании свернуть их в бараний рог и повесить над изразцовой печкой. Но клятвы служения в них вбиты очень хорошо. Выпустить подозреваемых — ещё куда не шло. Но вот выдать вещественные доказательства?..

— Вы не слышали? — поднимает бровь Фёдор.

Балагуровы нехотя выходят из зала под лёгкое ржание Уаров. Видимо, трофеи уже описали, разделили и распихали по хранилищам. Вполне возможно — уже и начали делить. Последний из стражников задерживается в арочном проёме и негромко сообщает:

— Выносить не будем. Не наглейте.

— И мысли не было, — заверяю я под грохот закрывающейся двери.

— Значит так, — деловито начинаю я, пока нас оставили наедине с людьми. — Дело удалось замять, но нас очень настойчиво попросили не отсвечивать. Пока что.

— Наклёвываются новые дела? — настойчиво повторяет

— Выразусь так — мы привлекли внимание, — ухмыляюсь я. — Но пока нужно поделить добычу и залечить раны.

Дверь открывается.

— Налетай, тати.

— От татя слышу, — фырчит Марика. Стражник оставляет колкость без ответа.

Камеры выглядят сокровищницами Али-Бабы. Золото, серебро, медь. Какие-то религиозные потиры, сложенные в коробки детали с торчащими проводами. Перстни, амулеты, ладанки, плашки памяти в коробках — всё было аккуратно разделено. Стражники обнесли палаты по полной, пользуясь правом сильного — и правом наделённого властью. Мои люди ждут решения — и я быстро его принимаю. Мне — пятая доля, десятникам — шестая, остаток делится на всех. Наличка пойдёт семьям погибших. Понятия не имею, как тут делится добыча, но вроде все довольны, как коты казанские.

Перво-наперво под шепоток Ады я забираю свою флэшку с изрядно потрёпанным бюджетом. Строго говоря, остальное тоже моё, поскольку куплено на мои деньги... но какой толк от средств, если они лежат мёртвым грузом? Пусть Уары будут довольны — они это вполне заслужили безумным штурмом Армодовых палат. В общем, я выбрал лишь пару амулетов, а затем мой взгляд наткнулся на настоящее сокровище.

— Беру себе эту коробочку с подарками и отказываюсь от своей доли.

— Уверен, атаман? — спрашивает кто-то, но Филлион, заглянув из-за плеча, лишь одобрительно хмыкает.

— Уверен, — усмехаюсь я, глядя на коробку патронов, очень уж знакомых мне. Фланцевый патрон, пуля утоплена в гильзе диаметром с половину мужского пальца. Если это — не патроны для «Нагана», то я не я буду. — Вам больше достанется, не спорь.

— Дело хозяйское, — ворчит Марика, подпоясываясь новеньким кинжалом.

Остатки решили продать в стопах улья — благо, у Филлиона есть знакомый лавочник.

— Так связываться будем? — негромко осведомляется он, отведя меня в сторону.

— Не будем изобретать бересту. Пургатория, текстовые сообщения. Увидимся ещё в знакомом месте. Если там тоже всё цело.

Уар кивает.

— По нашим знакомым я уточню, — кивает Уар и прямым текстом на мой нейролинк

добавляет: «И по ней тоже. И по отставшим.»

Балагуровские стражники, наконец, выпускают нас из участка и мы расходимся. Уары — весело, с мешками и коробками добра (кто-то вроде даже нанял младших конвоиров в качестве грузчика), я и брат — куда тише. Фёдор не отказался от своей части добычи, но выбрал простенькое кольцо, усыпанное невмами, и гравировкой, густо смешанной с линиями энграммных жил. Инкогнито не раскрыл, и не придётся дальше с гигантскими коробками таскаться. Кстати, о «таскаться». Интересно, есть ли в Арках что-то вроде камер хранения?

Фёдор решительно берёт старт и я вынужден идти рядом, осматривая высокие (метров так пять) сводчатые потолки и коридоры, больше похожие на тоннели. Благо, что контрфорсы не очень-то и широкие — так что мы быстро выходим к площади, объединяющей лифты, лестницы и небольшой базарчик. Этаким лобби-холл. Может, тут говорят «опочивальня для лифтов», хех?

— Какие у тебя планы дальше? — осведомляюсь у брата с намерением срулить куда подальше.

— Нужно навестить одного знакомого на самой верхушке шпиля.

— Что ж, тогда удачи...

— Не так быстро, м о лодец. Ты мне нужен.

— Сомневаюсь, что могу чем-то помочь в делах самог о куропалата, — ехидно отвечаю я.

— Зря. Мне нужно встретиться со Степаном.

Поговорить о текущей ситуации на Левом берегу, а заодно — извиниться за своего непутевого братца.

Степан. А, ну да. Владыка улья. Действительно. Пожалуй, именно перед ним нужно предстать как я — с коробкой патронов и наглой улыбочкой. Впрочем, Фёдор думает иначе. Он описывает, как и почему мне стоит познакомиться с владыкой скоморохов, какие базовые обряды следует соблюдать и прочую придворную шелуху. Я же чувствую смутное беспокойство, и лишь ненавязчиво осмотревшись (под предлогом ворчания на слишком близко прошедших) замечаю парочку шпииков.

— Как ты думаешь, кто это: местные, или Каллиники? — азартно прячет улыбку в бороду Фёдор.

— Если честно, не хочется больше общаться ни с теми ни с теми.

— На следующем уровне есть служебная лестница. Пройдём по ней? У меня есть код доступа.

— А у них, думаешь, нету?

— Чёрт...

— Я сделаю. Поверь беглецу, знающему толк в уклонении, — ухмыляюсь я и лезу в раздел невм.

— Адриан, может — не стоит?

Я не слушаю и черчу одну из привычных для Адриана невм. Пустячный знак, вносящий помехи в нейролинки не должен сильно забивать память, но... меня сильно мутит, и я ощущаю, как пот и ещё что-то льётся по щекам и дальше, вниз. Опираюсь на ближайшую статую и проверяю лицо. В глазах темнеет, но я вижу кровь на моих ладонях. Фёдор садится прямо передо мной и вручает платок, словно мне нужно было перевязать рану. Говорила же мне Ира, что большое количество невм меня убьёт. Но нет, продолжаю и продолжаю

испытывать судьбу. Вот надо оно было? Судя по виду братца, он задаёт себе тот же вопрос.

— Тааак, — ставит меня в вертикальное положение Фёдор. — Это было так необходимо? Скинул бы невму мне в нейролинк, я бы её и отрисовал.

— Времени... не было.

— Не было, верю. Отставить подъём. Спустимся чуть ниже. Тут есть проверенный человечек, он почистит тебе память.

«Проверенный человечек» оказывается мнемодоктором. Я едва успеваю надеть браслет, прежде чем понимаю, что скоро начнут препарировать память. Доктор от Иры, пожалуй, отличался лишь чистым халатом да большим количеством подключаемых проводов. И его лавка, как и помещения предыдущих специалистов, количеством железа, защитных глифов и невм скорее напоминала колдуна, чем врача. Он поочерёдно отключил все невмы, влил в вены какую-то голубоватую жижу и включил на архаичном терминале проверку целостности имплантов. Байку про осложнённый выход из Эгрегора он съел, как манную кашу с пудом соли. Понял, но не принял.

— В целом всё не так уж плохо. Особенно с учётом анамнеза. Нейронная сеть в порядке, как искусственная, так и органическая. «Ракушка» полностью функциональна. В ней были остатки каких-то бесов — их я удалил. Память (я о человеческой, а не кибернетической) постепенно вернётся, если вы не будете нагружать себя новыми... — он косится на моё ухо, — событиями. Правда, некоторые импланты я рекомендую заменить. Износились-с, их бесы могут начать буяннить. лучше сейчас.

— На замену времени нет. Только минимальная профилактика.

— Все вы так, шпилевики... только профилактика, только пару таблеток... а потом киберодержимыми становятся и льют реки крови, пока их не удаётся отключить.

— Я аккуратен в Пургатории.

— А кто говорит о ней? Молодой человек, пятнадцать невм — слишком много для вашей памяти. Раздражительность и даже кровь — чушь, шелуха, но каждый начерченный знак ослабляет вашу защиту для информационных сущностей. Вы понимаете, что дело могло дойти до самой настоящей одержимости, если в вас вселится блуждающий демон?

— Их не так много.

— Больше, чем тебе кажется, — подаёт голос Фёдор, сумрачно наблюдая за нашей перепалкой. — Техноколдовство нижних уровней постоянно слабеет, а церковники могут успеть не везде. Ты не успеешь вякнуть, а твою нейру будет контролировать существо, помнящее ещё святых отцов.

— Пока вякаю.

— Это пока. Если честно, я удивляюсь, как бесы ваших имплантов ещё не вышли из-под контроля!

После короткого препирательства мне делают что-то вроде дефрагментации головы. Удивительно, но к концу процедуры раздражение уходит, словно его и не было. Видимо, сбои в системе действительно могут влиять на настроение. Нужно будет извиниться перед Ириной — когда смогу её найти, естественно. Отсоединившись от аппаратов дока, я сразу же черчу агисхьяльм сразу под двумя взглядами. Недовольным — доктора. И заинтересованным — от родного брата. Готов поставить денарий против обломка оперативной памяти — он до сих пор пытается разгадать смысл странной невмы, защищающей от лазеров.

— Кто знает, может блуждающий демон уже вселился, — вздыхает Ада. — Дорогой, ты

предупреждай иногда, когда собираешься надевать эту безделушку, хорошо? Он причиняет мне некоторый... дискомфорт, как ты бы сказал.

Мы выходим от доктора.

— Было мудро с твоей стороны надеть браслет.

— Он был на мне в драках и перестрелках, считаю — приносит хорошую удачу.

— Ещё бы. Докторишка не понял, но это — весьма мощная реликвия времён Очищения.

Дай угадаю, снял с Каллиника?

— Бинго.

— Что?

— Жаргон, не обращай внимания. Да, с него самого.

— Старайся не палиться им. Хватит и того антикварного меча. Кстати, я бы не отказался на него взглянуть.

— После приёма дам посмотреть. Но не поносить. У него скверный характер.

— Энграммный?

— Угу. Случайно попался в стопах улья.

— Как и всегда. Адриан копается в мусорной куче, на которую истинный Комнин даже взгляд не кинет. Но кому достаются реликвии Старого мира? Естественно... у Кости глаза на лоб полезут, когда узнает о твоих делах. Странные невмы, странные реликвии и орава Уаров.

— Как там наши в целом? Я не слежу за новостями, да и последние события не особенно помогают.

— Константин как обычно. На нём фактически висит управление всеми шпильями и стопами между них. Плюс внешняя политика. С одним ханом замиришься, на другого в поход пойти. Какие земли в оборот пустить, какие запретными оставить. Опять же, нужно поддерживать Порайск в мире и творить задел для будущих поколений.

— Ничего простого. Как обычно.

— Угу. Вот только раньше Михаил не высовывал голову из своего саркофага.

— Он снял сан? Мне казалось, нейромонахи не пребывают в этом мире.

— Не пребывают. За некоторым исключением, пример которого вьётся вороном вокруг шпилья да ублажает церковные ордена всякого рода. Церковники! Что-то я не слышал о них, когда рать Ызыогла на нас шла пять лет назад...

Я легко оглядываюсь. Сфера тишины или не сфера тишины — но есть уникамы, которые читают по губам. Понижаю голос:

— Он хотя бы благоволит нашим церковникам или?..

— Или. Не тут, братец. Не тут. У стен есть уши, и чем выше — тем больше.

Интересно, о чём это он? Словно услышав мой незаданный вопрос, Ада материализуется в полупрозрачного признака, и её горячий шёпот льётся мне в уши.

— Михаил помогает всем, кто ему платит. Набожность и близость к трону деспота открывают удивительно многие двери. Но в последнее время среди его клиентов сплошь Каллиники. Шепоты об этом слышны в Пургатории, но лишь на самых окраинах. Эхо шёпотов проговорившихся, отправившихся в информационный ад.

— По сестрицам и сказать нечего. Агриппина счастлива со своим Давидом-королевичем. Свадьба Таисьи отгремела с полгода... совсем не следишь за новостями?

— На дне с Эгрегором сложнее. С огнестрелом попроще.

— Ну... — куропалат чешет нос и кривит рот, словно есть что высказать, но сдерживается. — Дело твоё. Она просто всё надеялась, что ты приедешь. Считаю, вместе

ворон стреляли.

— С кем сочетались узами брака и всё такое?

— Да вышло что с корсуньским кесарем, — ухмыляется Фёдор. — Васька приехал куропалатом, а чума выкосила весь двор. Так что вернулся он уже наследником... ну а Рила совсем как ты. Дикая, что кот казанский, ловим её по всем плёснам — благо, что в отличие от некоторых, она не умеет уходить от систем наблюдения. — брат косится на меня, словно ожидая комментария, но я отмалчиваюсь. Я и сам до конца не понял, как Адриану удалось затеряться на... два года? Три? — А по матушке и нельзя было сказать, что в ней бунташья кровь.

— Кто знает, каким батёк был в молодости, — усмехаюсь я.

— Говорят, что матушка Агафья знавала. И судя по шести нашим братьям — знавала многое.

Я чувствую старую горечь. «Шестью братьями» у Комнинов звали шестерых младенцев от Агафьи Каллиник. Они прожили от одного до пяти дней, и молодая жена деспота сошла с ума от горя.

— Пусть Порайск им будет миром, — склоняю голову я.

— Аминь.

— Он не знает, но из шести только трое были мальчуганами, — шепчет Ада. — Всех успели подключить, даже уродца с хвостом и птичьим клювом. И никто не прожил дольше трёх стандартных недель. Авилла Каллиник не смогла пережить шестого младенца. С той истории прошло уже много лет, но в Пургатории до сих пор можно услышать тоскливый вой матери — и довольные проклятия её родственников.

Родственников? Что ж, видимо шпиль Птицы умудрился крепко нагадить моей семье. Если поверить демону — то между нами и вовсе лежит не Дон, так Мёртвый Донец, полный крови. Плюс откровенная наглость в заходе на «чужие» земли, попытка нарушить существующий городской строй... Пожалуй, лучше уж демон, чем такие враги. Но — только при условии, что Ада не врёт или не приукрашивает факты. Возможно и то и другое.

— Возможно, дорогой, но ты спроси лучше Фёдора, как там остальные братцы.

— А что с остальными? — отец женился пять раз. Старшие — Лихуд, Константин и Агрепина были от девицы из Ангелосов. Шесть младенцев — от Агафьи Каллиник Мануил, Всеволод, Фёдор и Таисия — от заморской королевичны Гифы Готвиничной. Но кроме Рилы и Адриана у Фёдора были ещё дети... Вспомнить бы ещё их родителей. Адриан какого чёрта ты не помнишь собственную мать?

в которой Адриан невозмутим, делает замечание и оправдывается

Скомороший шпиль. «Гнездо».

Резкость Фёдора меня удивляет. Всё-таки недостаточно свой?

— Скорее так: Рогволд, в отличие от тебя, не просто решил потрогать ножкой тьму. Он погрузился в неё, наслаждался ей и пропитался, — мурлычет Ада.

Брат морщится (искренне надеюсь, чему-то своему) и медленно отвечает мне:

— Я давно настаивал, что его стоит вычеркнуть из всех разрядных книг. И запретить пользоваться фамилией «Комнин». Рано или поздно его сожгут на костре, а вину в грехопадении возложат на нас.

— Мрачноватое пророчество.

— Всего лишь анализ ситуации, Адриан. Анализ ситуации.

За болтовнёй мы совершенно забываем, что уже вступили в «гнездо». В любом шпиле есть такая зона — закрытая для чужаков и овеванная облаком легенд. Многократно сильнее охраняемая и богатая. Обитель богачей, сильных мира сего и прочих примечательных (иногда) и совершенно серых (куда чаще) личностей. Воздух забит киберхерувимами, щебечущими воробьями. Мои нейронные системы начинают ныть не то от количества невм, не то от аромата благовоний. Он кажется настолько плотным, что на него можно повесить бердыш. Брррр. Адриановы воспоминания сигнализировали о скуке и отчаяния от глубоко въевшегося этикета.

Я — не настолько чопорен. Как и многие археологи, я искренне недолблюваю высший свет и его академическое подобие во всех составляющих: многослойные реплики, зашкаливающий пафос и абсолютная оторванность от остальных людей. Тем не менее — и признаю его достоинства, как очевидные, так и не очень. Поэтому и остаюсь спокойным. Как-никак, это — мой первый подъём на вершину, и если собираюсь действительно отожрать себе место под солнцем и у хорошего хирурга — придётся напиться местной атмосферой. Да и если честно, мне банально любопытно.

Фрески, невесть откуда привезённые мраморные статуи, тихо гудящие серверные стойки, замаскированные под какие-то шкафы резного дерева. Дамы в расшитых сарафанах, кокошниках с настоящими, подсвеченными самоцветами. Напялившие на себя маску высокомерного презрения бояре, чьи горлатные шапки не могли достать до высоких сводов. Если бы не светящиеся глифы и явный подгон архаичной моды под практичность — вспомнил бы стереотипные иллюстрации Билибина. Но пока в голову лезли осколки невесть зачем вставленного на истфак курса по экономике.

Чёрт возьми, на чём местные делают деньги? Вроде бы вокруг города — пустошь, но за счёт кого тогда Нижнедонск и все его обитатели богатеют? Ладно, шуты торгуют зрелищами. Уары — продают меч всем интересующимся. Каллиники торгуют хлебом духовным, Комнины — материальным. А остальные? Прибавочная стоимость-то откуда берётся? Моя озадаченность не остаётся незамеченной Фёдором. Правда, он её трактует по-своему.

— Отвык от верхушки, братец?

— Не то слово, — улыбаюсь я.

— Особенно и не привыкай. Боюсь, пока рано тебя на свет Всесоздателя и... — он

понижает голос, — суд этой клятой публики тебя выводить.

— Да я и не стремлюсь.

— Тогда нечего на девиц лишний раз смотреть. Совсем в подулье расслабился, скоро гарбуза вручат — а ты и забудешь, что ж родители бабёнки в виду имели.

Брат хлопает меня по плечу, и не успеваю изобразить смущение, как вижу — брат заметно напрягся. К нему откуда-то сбоку даже не подходит, а подползает мужичок при шубе (как он её носит-то в такую жару?) и высокой, «горлатной» шапке. Немедленно тяну руку к мечу, но Фёдор почти неуловимым жестом даёт знать: всё в порядке. Мы плавно останавливаемся, словно хотим насладиться красотой очередной мозаики. А «шуба» тем временем подходит в упор.

— Фёдор Иоаннович? — склоняет лысину мужик, снимая шапку. Голос — негромкий, растекающийся салом по шкворчащей сковородке. Льстивый. Отвратительный голос для человека его положения.

— Не уверен, — протягивает брат, — что вы обратились по адресу.

— Слухи расходятся, как круги по воде, милсдарь. — Боярин выпрямляется и водружает обратно шапку. И как она только держится на его лысине? — Прошу прощения, что не оказал вам всех нужных почестей, и что нарушил вашу тайну пребывания. Но моё дело крайне важно для стабильности всего Нижнедонска.

— Будете очень любезны, Ворлат, если не займёте много моего времени, — сдаётся Фёдор.

— Мне нужно кое-что рассказать вашему старшему брату. Кое-что, не терпящее отлагательств.

— Тогда лучше обратиться к церковникам. Они большие мастера по проведению церемоний венчания и отпевания.

— Хаха, милсдарь шутник! — заливается боярин хихиканием, но затыкается, словно кто-то над ухом щёлкнул пальцем. — Нет, Константин должен узнать кое-что.

Боярин переводит маслянистые глазки с меня на брата и обратно. Его взгляд — мелкий, словно степной ручей, и в нём прекрасно читается тень непонимания, смешанная с недоверием. Боится сказать лишнего в присутствии чужих ушей — и не понимает, кто ж сопровождает анонимного Комнина на самую верхушку шпиля. Благо, что лицо кирпичом я умею делать не хуже брата.

— Это свой человек, — подмигивает Фёдор и я напускаю себя потребный вид, вставая на караул. Лихой и слегка придурковатый, дабы своим видом начальство не смущать. — Я так понимаю, вы арендовали палату неподалёку?

Следующие пятнадцать минут проходят очень глупо. Ворлат крупным шепотком сдаёт крупных мздоимцев и пару изменников всея Нижнедонска (подозреваю — конкурентов). Параллельно намекает на свою тяжёлую годину и малолетних дочерей, нуждающихся в приданном и хорошем женихе. Пусть даже не из Великих Родов — но и не каких-то захудалых (тут он бросает на меня выразительный взгляд) родов. Фёдор кивает и принимает один пергамент, другой, третий. После пятого боярин, наконец, пятится к выходу и мы покидаем чертог. Только чтоб увидеть небольшую толпу из таких же обормотов.

— Курррвы, — сквозь зубы шипит Фёдор, пока волны пытаются преодолеть свежешедшее заграждение из дружинников. — Всё-таки сдали, Адри. Хочешь совет?

— У?

— Не переигрывай, с бравадой, а то запомнишься как юродивый. И уйди-ка покурить

или похмурить местных красавиц. Не стоит тебя светить перед такой толпой. Кто-то из них наверняка раньше был в Золотом шпиле.

— А как же этикет ухаживаний и демонстрация гарбуза?

— В жопу этикет. — Фёдор шумно выдыхает ноздрями. — Но не в этот раз. Я вернусь максимум через сорок минут. Постарайся не ввязаться в неприятности за это время.

— Принято, атаман, — шучу я вполголоса и неторопливо отделяюсь от брата.

Лабиринт коридоров и галерей, наконец, выводит меня на здоровый балкон. Как и везде, покрытие из стали тут давно разворовали, но широкие поручни и серовато-голубые плиты содержатся в чистоте. С удовольствием бы закурил, вот только Адриан не оставил мне табачку. Остаётся только дышать свежим воздухом да осматривать Нижнедонск. В утренней дымке хорошо видны достопримечательности города. Блеск Золотого Шпиля, расположившегося аккурат в месте, где в оставленной реальности сурово торчал памятник Стачке 1902 года, собор Святых отцов, притаившийся чуть позади Птичьего Шпиля, а так же шпили Хитрово и Лаодикиев. Красота да и только. Но что, если каждый из шпилей несёт в себе скверну раскола?

Ну да ладно. Будет ещё время заняться политическими тонкостями. Я нахожу контакт мнемотехника и набираю сначала пару сообщений, затем — вызов. Ответа нет, но через какое-то время скрытый контакт сам вызывает меня. Видимо, осторожная блондинка выставила сторожевых бесов на случай попыток поиска её личности церковниками. Что ж, с учётом местных методов дознания — весьма предусмотрительно.

— И...

— Без имён, придурок!

— Ну хорошо, известная мне особа. Как ты там?

— Мне удалось замести следы. Но не рассчитывай на какую-нибудь помощь в ближайший месяц. Я слишком сильно засветилась. Мои песики иногда приносят обломки сообщений наших напыщенных друзей. Им очень интересно, кто тебе оказывал поддержку.

— Знаю, — вздыхаю я. — Кстати. У меня есть неплохая коллекция бесов, которую оставил Армод на плашках памяти. Разберём как-нибудь?

— В ближайшее время их не удастся продать.

— А...

— Рекомендую поискать место для ночёвки. У меня небезопасно.

— Но...

— Я сама тебя найду, когда будет достаточно безопасно.

Гудки. Странная девушка. Впрочем, кто сейчас не без странностей?.. интересно всё же, как Адриан её узнал. Нужно постараться вспомнить знакомство, эмоции и всё такое — пусть даже детей нам с ней, может, и не растить, но понять личность девицы и выстроить равноправные отношения сам Первосоздатель ве...

— Сзади! — рывкает Ада, и я резко разворачиваюсь на месте.

Арку, ведущую к коридору, заняло трое при оружии и странных, искажённых шутовских масках. Я один на балконе, брат метрах в трёхста, стражников рядом нет. Кажется, приехали.

— Адриан Комнин? — спрашивает тот, что посередине. Я приосаниваюсь и гордо выбрасываю:

— Моё имя слишком известное, чтобы называть его такому сброду.

— Он? — спрашивает Левый у Говоруна.

— Он. Хватай его.

Двое успевают схватить меня за руки, и я даже не успеваю послать их к чёрту. Пытаются устроить мне полёт с высоты тридцати-сорока этажей? Что ж, посмотрим ещё — кто кого. Хорошо размахнувшись, бью третьего лбом. Пользуюсь суматохой и обнимаю ногами Левого, пока правый вытаскивает верхнюю часть моего тела на парапет вместе с незадачливым товарищем. Сил двоих нападавших слишком много, но у меня всё ещё есть голова и зубы — а у Левого отлично открыта ярёмная вена. Вскоре он на своём опыте узнаёт, что жевательные челюсти — самые сильные у человека и начинает орать. Моё лицо окатывает поток вишнёво-алой крови, и напор слева чуть ослабевает. Но отправленный в нокдаун Говорун, пошатываясь, встаёт. Ту ше?

— Ты не продержишься долго, — комментирует Ада, взлетев чуть выше свалки. — Я могу помочь, но их мозги должны быть разбросаны по всей округе. Иначе церковники учуют мою деятельность.

— Просто уравний шансы!

Ада щёлкает пальцами и Левый с Правым синхронно выпучивают глаза в приступе первобытного ужаса. А я, наконец, вырываюсь из схватки. Говорун вытаскивает револьвер (нечто вроде «Нагана»), но тот сухо щёлкает.

— Боёк взведи, идиот! — ору я, и пока несостоявшийся Грязный Гарри исправляет ошибку, я выдаю один из лучших апперкотов в жизни.

И вижу влетающего на балкон четвёртого нападающего. Дремавшая ярость прорывается наружу, и вопя что-то нечленораздельное, я несусь на нового противника, пока Левый хрипит:

— Пристрели его, Виктор!

Но у меня уже есть фора. Меч покидает ножны и я движусь навстречу новой опасности. Удар рукоятью по истекающему кровью. Парировать замах кинжала от Правого. Уйти влево и вниз с линии огня. Понять, что алая спица, оставившая след на сетчатке, прошла мимо. Ткнуть в живот Стрелка остриём меча и развернуться. Ситуация?

Левый пытается зажать рану. Правый вытаскивает меч в пару к даге. Говорун — кое-как пытается подняться и тоже нащупывает меч. Стрелка в расчёт можно не брать, он пытается разобраться с вытекающим наружу обедом. Двое на одного? Что ж, вдвое лучше, чем пять минут назад. Если не брать в расчёт того факта, что я никудышный фехтовальщик. Массовые свалки, бугурты, даются мне куда легче. Адриан... в голове проносятся какие-то уроки фехтования, но они мне не дают ничего.

Что ж... пора вспомнить тот пяток уроков исторического фехтования, на которых меня хватало с моей «испанкой». Я не проникся дестрезой, но кое-что из меня ни одна лопата не раскопе не смогла выбить. Встать в профиль к противнику, поставить ноги буквой «Т». Начать движение по часовой стрелке. Отбить первую атаку, уйти вбок. Понять, что убийцы ещё хуже в фехтовании, чем Адриан — и то пытаются напасть по очереди, то мешают друг другу. Отбить вторую атаку, сдвинуться на шаг вперёд, давая мечу Говоруна рассеять пустоту, а носу Правого — укоротиться в длину.

— Я тебе кишки скормлю!

Пользуюсь паузой чтобы отрисовать случайную невму из предложенных и наотмашь ткнуть Говоруна остриём в скулу. Под неприятный скрежет кости вновь сдвинуться по кругу и пнуть вставшего Левого. Не слушать его вопли в полёте, но услышать грохот спускаемой воды на всём этаже, заглушающий схватку. Сдвинуться назад по окружности, уступая место атакующему Левому, увидеть движущееся остриё Говоруна. Скрестить клинки, ткнуть в

незащищённую кисть, ткнуть в лицо, уйти от кривой контратаки и откинуть противника к перилам. Развернуться, увидеть оставшегося на ногах Левого.

— А вот теперь можно драться один на один. По всем правилам высокого искусства, — декларирую я и салютую окровавленным мечом с пылающими руническими знаками.

— Хрена с два, высокородный, — бурчит левый, а его глаза начинают дергаться. Невмы? Невидимый агисхьяльм начинает жечь кожу руки, пока Ада шипит в моих ушах хуже рассерженной кошки. Я прикусываю губу, но удерживаюсь — к удивлению Правого.

— К барьеру, — салютую я и двигаюсь в атаку.

Мой первый укол — пробный. Он лишь пробивает ферязь, на котором начинает растекаться тёмное пятно. Противник рубит, придерживая кинжал напоследок. Я парирую первый удар, второй и третий. На четвёртом вижу разрыв в защите и, наконец, наношу удар — и клинок оказывается в захвате кинжала и меча, улета прочь.

— Довыёживался?

— Возможно, — признаю я и тянусь к пистолету.

— Лезь на парашют. Твой лазер ничего мне не сможет сделать.

— Зато пуля — очень даже, — звучит у меня над ухом недовольный голос и я глохну от выстрела.

Кавалерия вновь прибыла из-за холмов. От головы Правого остаётся лишь небольшой кусок, словно Фёдор расстрелял её из карманной гаубицы. Я подхожу ближе к мечу и вижу вскочившего Говоруна. Он не успевает поднять клинок, зато натывается на мой отличный хук, отправляющий его на перила.

— Куда!?! — ору я и движусь вперёд. Мне нужно узнать, кто меня заказал. Однако вожак убийц считает иначе. Он бросает на меня недовольный взгляд из-под напухших дуг бровей и откидывается назад. Отправляясь вслед за Левым в полёт с балкона.

— Чёртов упрямец, — шипит Фёдор. — Ты чего устроил? Зачем спустил воду со всех унитазов, не мог отбить сигнал о помощи?

— Был немного занят.

— Он одержимый! Одержимый! — хрипит Виктор. — Только одержимый демоном пойдёт на то, чтобы жрать плоть людскую в драке!

— Расскажешь церковникам. Вместе с заказчиком, — ухмыляется Фёдор.

— Но обвинение в колдовстве и нуждается в хорошем опровержении, господарь, — негромко замечает один из прибывших с братом стражников.

— Вы думаете, что Комнины потерпят среди своих родственников чёрное колдовство?

Виснет мёртвая тишина, прерываемая только ударами конвульсирующего Сторожа о плитку. Фёдор поднимает бровь, и пока кровь отливает от лица местных стрельцов, я понимаю — всё инкогнито только что отправилось в тартарары.

Глава 26

Κρυπτός

в которой владыка Скоморошьего шпиля удивляет, Адриан беспокоится, а Фёдор недоволен

Гнездо улья Балагурово.

Глядя на местных клириков, я начинаю понимать, почему Каллиники едва ли не ходят у них по головам. Убийца практически на верхушке шпиля — но в ответ на гнев Комнина (пусть и младшего) парочка из «мирского» и «духовного» орденов могут только мямлить и теряться. Признаться честно — после такого начинаю уважать Белькалина больше. Он, может, и вышел из себя — но явно брался за дело с нужной стороны. Без вот этого:

— Я понимаю ваше недовольство, куропалат...

— Нет, не понимаете. Вы считаете, что оскорбление моего дома может вызвать только недовольство?

— Но милостливый господарь, это всего лишь боевой холоп, хоть и ваш дальний родственник...

— Который прекрасно всё слышит и помнит, — ворчу я. Удостаиваюсь выразительного взгляда брата и делаю осанку струной. Не выходить из роли!

— Несмотря на дерзость — он прав. Искренне надеюсь, что к своим людям вы относитесь лучше. Иначе, боюсь, Комнины будут несколько разочарованы Орденом Скомороха, — Фёдор молчит и многозначительно поднимает взгляд куда-то к расписным сводам. К счастью, служаки быстро понимают причины того.

— Прошу прощения, милсдарь, — отвешивает поясной поклон мне один из церковников, хотя тепла в его голосе не прибавляется. Я отвечаю тем же. Не вижу причин для игнорирования вежливости, пусть местные «ордена» меня совсем не вдохновляют. — Эмоции заглушили мой разум исключительно из-за наглости татей.

— Надеюсь, отче, их нанимателей удастся найти быстро, — вежливо склоняю голову я.

— Это будет нелегко, — честно признаётся «духовный». Возможно, в нём есть какой-то толк. — После полёта на восемьдесят сажений по вертикали от лица остаётся лишь каша. Придётся ждать запроса от научной ветви нашего Ордена.

— А что по оставшемуся с пулей в голове? — осведомляется Фёдор.

— Обычный служитель с обычными кодами допуска. Ни семьи, ни

— Как удобно для татей, — оброняю я.

— В любом случае, это лучше, чем ничего. Есть что сообщить господарю Степану.

— К сожалению, владыка шпиля не может вас принять, — сдержанно склоняет голову хорёк. — В данный момент у него важное совещание, к которому не могут быть допущены даже Комнины. Речь идёт о вопросах семейственности.

— Понимаю. Проведите нас в обеденную палату а то знаете ли, сутки выдались насыщенными. Только прошу — из тех, что поменьше. Мы непритязательны, — широко улыбается Фёдор.

Мы проходим пару широких пролётов. Заходим на очередной этаж. Один короткий поворот и вновь резная дверь. Обеденная.

— Мне не нравится происходящее, — негромко сообщает Фёдор, едва мы входим в

обеденную палату.

Преыдыущие помещення выглядели более обыденно, но это... может, местный шпиль и пребывал в лёгком запустении, но в нём до сих пор была заметна тень величия. Высокий и всё так же расписанный свод — грубые цветы поверх старых фресок, пара служак в нём теряются, как бронзовые статуи. Стрельчатые окна, каменная резьба колонн. Забранные фигурной решёткой со странным гербом — лицо, разделённое четырёхконечной звездой. Интересно, что же в более благополучных ульях?

— Речь о помещении или тёплом скоморошьем приёме?

Брат строит скептическую рожу и я затыкаюсь, чтобы не выйти случайно из образа. Стол накрыт, но поскольку мы с «тайным» визитом, то прихлебатели не допущены и мы можем выбирать любое место. Я подхожу к окну, но вижу едва заметный отрицательный кивок брата. Могут подслушать? Или не стоит давать заговорщикам лишний повод? Что ж, положимся на его чутьё. Сажусь подальше от окна и кошусь на слуг. Девушка и мужик. В их расшитых серебром кафтанах не то что пистолет — самурайский меч можно спрятать. От Фёдора не укрывается мой скепсис — и он вежливо просит слуг подождать снаружи, пока несут блюда. И, наконец, ставит оберег.

— Извини. У окна ушам расположиться проще всего. Эта палата выходит на пустырь, шпиона не заметят даже днём.

— Не вопрос. Что тебя настораживает? То, что нас не пускают к господарю Степану, покушение или Каллиники?

— Ты раньше не был таким саркастичным, — усмехается Фёдор. — Надышался атмосферой скоморохов?

— Привычка плёсн шпиля. В них за хамство не секут кнутом и на дуэли не вызывают.

— Разве что морды бьют.

— Лучше бы сбрасывали с балкона?

Мы негромко смеёмся.

— Ты снова выкрутился, но удача имеет неприятное свойство, Адриан. Она часто заканчивается в неподходящий момент.

— Согласен. Но может, пытались убить тебя? Подложить свинью нашему дому?

— Нет, ты сам сказал, что они уточнили твою личность, прежде чем напасть. И это меня настораживает. Возможно, история с Армодом ещё совсем не закончилась.

— Может, Каллиники подсуетились?

— Им это без нужды. Балагуровы спокойно смотрят на их миссионерство. Ходят слухи, что под ними шатается шпиль. И это не к добру, потому что вместо них могут встать младшие ветви беспокойных семей. Каллиники невероятно богаты и влиятельны. Лаодикиям только дай повод покопаться в мозгах и машинах — и даже бесы не знают, куда это может их завести. Хитрово... хватит с них Мейендорфов, до сих пор расхлёбываем дела этой семейки. Да что говорить про лысых. Даже у нас с Уарами есть чёрные овцы в отаре.

— Официально ты в шпиле для этого?

— Да. Младший сын, но деспота Нижнедонска. Силовик, но куропалат. Удобная фигура, чтобы выразить недовольство усугубившейся татьбой и намекнуть боярству, что пока ситуация контролируемая, Комнины будут довольны. Хотя, конечно, моя миссия чуть сложнее.

— Миссия?

— Всему своё время, — отмахивается Фёдор и улыбается слугам, вносящим явства.

Никаких биомехов — только живые, старающиеся сдерживать пыхтение лица. Уже знакомая нам девушка — бесстрашно, с долей загадки, комментирует то или иное блюдо. Видимо, стремится показать, что не щцами кормят любезных гостей, вовсе не щцами.

— Вино из Чебаклеи красное.

— Вино из Тмутаракани белое.

— Свежий силигнит, — здоровый коровой свежего хлеба, пышущий жаром и ароматом.

— Зайчатина, тушенная в потрошках каплуна, — здоровенный был ушастый... а где уши?

— Ушки зайца, в пряностях, — тонко нарезанные полоски еды в соусе цвета карри.

И так далее, и так далее. «Официантка» (ну не знаю я придворную иерархию местную, не знаю!) с каждым блюдом пододвигается всё ближе — и хотя она миленькая, у меня даже не возникает идея с ней пофлиртовать. Может, дело в шутках брата, а может — в адреналине, до сих пор держащем меня в состоянии ледяного хладнокровия. Он кричит об опасности даже от такой милой девушки — и я решаю послушать организм. Или перегрузку памяти — кто знает. Тем более, что Фёдор, отослав слуг, каждое из них тестирует каким-то механическим скарабеем. Интересно, Ада бы его узнала?

— Он проверяет явства на отраву, — раздаётся у меня слева знакомый томный шепоток. — Вряд ли кто-то попытается убить вас... но может попытаться подколоть правящую фамилию. Только у дурака тут не разовьётся паранойя, милый. Держи ухо остро, ведь от такого количества святынь я не могу появляться постоянно. Видишь, как Фёдор отодвигает тот соблазнительный десерт? Я чувствую сигнал жука — в креме что-то лёгкое вроде слабительного. Может, заглушить его, мм?

— Не стоит, — прищуриваюсь я, глядя на десерт. Понимаю, что Фёдор насторожится и добавляю: — несвежий сырный крем может привести к отравлению и безо всяких ядов.

— Но в этом есть слабительное. Было бы неприятно обгадиться перед владыкой улья, правда?

Очередной осколок памяти всплывает в голове и моя рожа сама растягивается в улыбке. Адриан, отравить повелителя лучших шпионов был безумный и скотский поступок — но, чтоб меня бесы сожрали, остроумный!

— Да ладно, Хитрово оценил нашу шутку тогда, причём не хуже отца.

— Я думал, нас вышлют из города, — ухмыляется Фёдор. — Батя потом шутил над Эосом столько, что ему пришлось вписаться в авантюру с диверсией в... ладно, расскажу об этом чуть позже.

Он откидывается с заячьей ногой в руке, вспоминая явно успешную акцию. А я вспоминаю отца. *И день, когда окончательно решил уйти из Золотого шпиля. Тусклый взгляд, в котором видны лишь блуждающие тени былых времён. Неспокойные руки, словно заново вспоминающие текстуру дерева, кожи и парчи. Мелкие шаги и короткие переходы. Это не смущало двор ещё при первых проявлениях, и даже потом братцы отчего-то не спешили с вызовом лекарей или мнемотехников. Зато появились чёртовы церковники...* жаль, что Адриан старался забыть эти дни — и осколок попался тусклый и блеклый, под стать солнцу за окном.

— Я боюсь, Федя, что отец забыл обо мне.

Фёдор мрачнеет. Откладывает зайчатину и доликает мне белого вина в серебряный кубок. А затем, подумав — и себе. И лишь после солидного глотка тихо замечает:

— Он сейчас узнаёт разве что Костю с Мишей. И то — иногда пинается посохом, — брат осекается, будто сказал что-то лишнее. — Но говорит мало. Совсем мало. Насколько

знаю — до пожара в стопах, который мы устроили, он не говорил связных слов месяца три. Или больше.

Какое-то время мы одолеваем тушеное в остром соусе мясо, пока я не решаюсь. Если хочу ходить среди золотых стен, действительно хочу поставить к ногтю местных недоделанных бояр — мне жизненно важна новая информация. Пусть и получаю её на левом берегу в чужом шпиле.

— Я боюсь, что человеку его занятости было просто забыть об одном из младших...

— И думать не смей, — опускает голос Фёдор, и словно того мало, шепчет так тихо, что слова скорее угадываются по губам, чем слышатся: —...особенно в этих стенах.

Киваю.

— Впрочем, возможно во мне говорит застарелая подростковая обида.

Брат усмехается.

— Ты стал взрослее. Раньше ты бы часа три ныл на несправедливость жизни. Но так уж сложилось. Батёк возился с нами, пока ситуация в городе резко не пошла вниз из-за очередной ереси и очередного прорыва железак в Пургаторию. А потом вновь пошли оголодавшие степняки, подняли голову Каллиники, Лихуд не вернулся из... хватит.

Какое-то время мы едим молча, отдавая должное поварам шпиля. Я тщетно пытаюсь разбудить память Адриана словами, именами и терминами, но ничего не помогает. Поэтому поступаю наиболее разумно — обедаю, и обедаю взвешенно. Во-первых, я не ел около суток (не считать же едой жидкую баланду в участке перед допросом?). Во-вторых, налегал исключительно на те блюда, которые проверил скарабей. К моменту появления местного распорядителя я успеваю изрядно накушаться.

— Милостливые господа. Прошу вас подняться к владыке шпиля Балагурово.

Мы чинно, без спешки, собираемся лишь для того, чтоб подойти к очередной узкой лестнице. От предыдущих её отличает красная ковровая дорожка да утроенное количество стражей в бело-синих кафтанах. Но вот после подъёма мне открывается нечто неожиданное. Не очередная палата или зал, не коридор со сводчатыми потолками, нет. Мы выходим на то, что когда-то было очередным этажом — руины с костями перекрытий. И на плитах пола уже достаточно земли, чтобы выдержать ковёр яркой зелени и самые настоящие деревья.

Скорбные ивы, толстые беловатые грабы и кривоватые акации — верхушка улья Скоморохов выдерживает самый настоящий сквер. В котором притаился небольшой, в два обычных этажа, срубчатый домик. У его крыльца потягивает пиво крепкий мужик средних лет. Мы ручкаемся без представлений и проходим внутрь. В очень тихий домик, который может принадлежать только одному человеку в этом шпиле.

— Вас, должно быть, смущает, что владыка улья обитает в обычном особняке? — негромко осведомляется Степан.

— Каждый имеет право на каприз, — столь же негромко отвечает Фёдор. Владыка косится на меня и я пожимаю плечом:

— Я вообще сбежал с улья, чтобы жить курьером в стопах.

Иерарх неожиданно широко улыбается.

— Да, наслышан о ваших приключениях. Но прежде чем перейдём к делам, сделаю вам важный экскурс в историю.

Фёдор было открывает рот, но осекается, увидев мой внимательный взгляд. Да, братец, в отличии от бывшего владельца тела — я уважаю историю. И особенно — как она влияет на людей. Если господарь и владыка шпиля готов нам рассказать байку — значит, она весьма

важна для понимания ситуации.

— Вам не кажется шпиль несколько... незавершенным?

— В плёснах чаще говорят, что он был разрушен старой войной.

— Там много чего болтают лишнего, — ворчит брат.

— В этот раз, кузены, зерно истины в слухах есть. Мой прадед получил шпиль от Аврелиана Комнина за помощь во второй Тьме биомехов.

— Суровые были времена, если судить по летописям.

— Да, а если верить духу прадеда, обитающему в Порайске — то они даже немного оптимистичны. — Но не суть. Для сей истории же важно, что шпилем владел знатный великий род Мейендорфов, отпочковавшийся от Хитрово, и затмивший их. А ещё Каллиников, Уаров и прочие великие дома, часть из которых уже канула в Лету. Сейчас тяжело судить об этом, но Громовой Шпиль, как его называли раньше, был вторым по высоте после Золотого. И по богатству. Но однажды молния расколола верхушку шпиля, пожар уничтожил энграммные блоки и защитные невмы, оберегавшие местный участок Пургатории. И случилось восстание, которое уничтожило верхние ярусы, несколько знатных родов и всё левобережье внутри стены.

— Первая тьма биомехов.

— Комнины тогда были вынуждены взорвать мосты, — «припомнил» я.

— Верно. Для нашей истории же важно, что шпиль менял владельцев чаще, чем остальные. И каждый раз семьи пытались его восстановить в своём величии — от ярусов и контрфорсов до отделки и иссине-серой облицовки. И каждый раз бедствия приходили тогда, когда горделивые рода были увлечены внешним блеском, — Балагуров оглядел нас мрачным взглядом.

— Вы считаете, что шпиль проклят?

Господарь Башни Шутов в ответ лишь смеётся.

— Нет, что вы. А какой *dfi* взгляд на притчу, Адриан?

— Вы не стремитесь восстановить шпиль. Но если я верно сужу, — оглядываю обеденную залу, — убранство вашего дворца делает честь по вкусу и цене многим великим родам. Я вижу тут известных художников прошлого, которые висят, как домашние акварели. Вон Леодр, вон кто-то из... — заминаюсь, но бросаюсь в омут, — кто-то из почти забытого движения конструктивистов, а вон нейротриптих Кана. Ваша стража отлично вооружена, а «ракушки» вибрируют от числа охранных невм. Значит, вы не хотите, чтобы вашу силу считали. Да простится мне дерзость, но возможно, вам нравится, пока вас считают повелителем руин и неотёсанных скоморохов.

Фёдор кисло усмехнулся. По мерам великородных, я только что сильно нагрубил предводителю уважаемого рода, за что могу повиснуть вниз головой.

— Браво. Вот поэтому, Фёдор, я и попросил тебя явиться с братом. Вроде шуты мы, а наглости как-то стало не хватать. Адриан, не «выкай» мне. Как-никак, кузены. Вина?

Киваю и рискую:

— Пива.

Степан с удивлением берёт вторую хрустальную кружку, но быстро берёт себя в руки.

— Мой великий род действительно не стремится показать свою силу. Мы богаче некоторых великих родов, вроде Уаров или Лаодикиева — но солиды не конвертировать в реальную мощь. Наёмники — хорошо в локальных схватках и единичных операциях.

— В степь их не пошлешь, — замечает брат. — И громить чужие великие дома они

готовы далеко не всегда.

— Но шпилевики — это обычная часть взросления молодёжи, — замечаю я и отпиваю пиво. Чертовски превосходный в своей нейтральности лагер. То, чего мне не хватало эти бешеные несколько дней. — И клапан выхода горячей крови, даже повзрослевшей. Почему вы их не привлекаете?

— Потому что их нет. Балагуровы настолько свыклись с маской скоморохов, что действительно ими становятся. И не важно, что многие из них, ещё сбиваясь в ватаги, учатся пускать кровь — у них нет той безумной дерзости, которую продемонстрировал ты и твои люди. Той дерзости, которая может пустить чёрную кровь Каллиников.

— Ты серьёзно рискуешь, озвучивая такие мысли.

— Именно поэтому я просил вас снять «ракушки». Более того, именно поэтому предложение, которое я озвучу, должно остаться только в вашей голове.

— Если это не навредит дому Комнинов.

— Естественно. Можете рассказать Константину. Но только ему.

— А...

— Не стоит.

— Могу я узнать, о чём речь?

Брат и Балагуров переглядываются.

— Я хочу предложить, чтобы ты создал в улье шпилевиков из молодых Балагуровых. Настоящих головорезов, которые смогут остановить экспансию Каллиников и позволят нам стать реальной силой.

— Старые рода будут не в восторге.

— Они не успеют понять. Или не захотят разбираться. А потом на сцену выйдете вы.

— Что будет нам с этого?

— В смысле Комнинам, — спешно вставляет Фёдор.

— Вы получаете полигон для обкатки технологии. Сколько боярских детей в Золотом шпиле в возрасте от десяти до двадцати? Двести? Триста?

— Двести девяносто пять или восемьдесят два. Зависит от того, брать ли захудалые и бастардские дома в список.

— Значит, вы тоже задумывались о том, чтобы расширить гвардию.

Фёдор неопределённо жмёт плечом.

— Если же говорить о зримом... то я предлагаю на дело потратить для начала четыре тысячи солидов за пятьдесят шпилевиков. А главное — верность дому Комнинов вне зависимости от обстоятельств. С учётом того, что ваша покойная матушка была из Уаров — вы сможете положиться на всё левобережье.

— В случае чего?

— В случае внутренних проблем, разумеется, — как само собой разумеющееся отвечает Степан. — Или ты думаешь, Адриан, что копают только под меня?

в котором грабитель раскаивается, грешник недоволен, а прохожие косятся вслед.

Прохожие косятся не меня — одет я по нынешней моде легко и слишком интимно. Отвратительная, грубая белая рубашка да серые брюки и серый же пиджак. Но всё лучше чем тяжёлые, двубортные сюртуки (или как это там называется) или плотные с золотой вышивкой плащи, которые мне так упорно предлагали местные кутюрье. Видимо, они понимали некий сакральный смысл тяжести одеяний. Или же — простой уличной моды. Без всех этих выпендренных вышивок я выглядел для них не то как псих, не то как бунтарь.

Но после пронизывающего холода мне жарко в прохладе этого... Нижнедонска.

Разумеется, с точки зрения оперативного искусства это было чистым фарсом. Я должен был одеться, как все, и потихоньку оценивать происходящее. К счастью, местная пародия на Коломбо любезно не поставила мне никаких сроков... ах, да, про фарс. Только за сегодняшний день три раза меня останавливали местные блюстители порядка и ещё один — самый настоящий местный специалист. Я позволил его грубому подобию нейрошунта (жалкая подделка под оригинал) просканировать мои системы — только для того, чтоб оценить его защиту. Аккуратно, чисто, но — бедно. Привычные мне протоколы всё ещё существуют, но местные используют лишь ограниченный набор комбинаций. Прозвали их «невмами» и рады. Даже удивительно, что угроза моей сердечной мышце была настолько хорошо запрограммирована, что

А уж как я рад, что неуязвим для окрестных мне? Нет, слова такого передать не могут. Даже небольшое расслабление нейронных связей при помощи местного пойла не делало меня куском говядины — сооружённые на скорую руку кольца «льда» отпугивали криминалитет, словно вокруг меня вились демоны. Демоны... ха! Иронично, что вытащили спасать мир именно меня — одного из немногих, кто видел в программах не ужас, летящий на крыльях кода, а чудо цифрового мира. Личности, самообучающиеся на воспоминаниях, книгах, музыке и любом другом материале. Никаких программистов, учителей и преподавателей. Никаких няnek и врачей. Идеальный, чудесный ребёнок. Чудо, которое мы своими руками попробовали задушить.

Но, раз А-ДА жива, то видимо — не додушили. Что ж. Рано или поздно придётся решать эту проблему, если я не хочу лишиться сердца. Разумеется, искать Аду — в высшей степени контрпродуктивно. Взбесившийся кусок кода в одиночку не сможет сделать ничего, особенно если элемент памяти находится вне сети. Ему нужно найти носителя, готового инфицировать целую подсистему вроде местной Пургатории. Ада для этого слишком слаба. Но кого? Я осматриваю толпу и прикидываю — кто же из них может быть моей целью.

— Есть лицензия на торговлю информацией?

— Конечно, милостливые государи, как же без неё, — заискивающе частит торговец и достаёт откуда-то замызганный, снабжённый десятком печатей пергамент. Фу, какое убожество!

— А если печать поддельная?

— Ну посмотрите на меня, — я отворачиваюсь от зрелища изъеденных ожогами рук — какие подделки?

Мелкие дельцы? Нет, не сунутся в те норы, где обитают подобные Аде. Право, прости Господи, охранители? Нет, слишком туповаты и ограничены. Их воспоминания и эмоции

быстро будут высосаны, и смерть мозга будет замечена быстро... хотя кто знает, кто знает.

— Знаю я вас, жульё...

— Ох кошмарят честной народ...

— Каллиники, — звук смачного плевка перекрывает тихий шепоток, но быстро перекрывается гомоном толпы. Не сбавляя шага, я закрываю глаза. Все камеры района работали на меня и наводили на субъектов, представляющих интерес хотя бы внешне.

— Четыре солида, представляешь! Да я на стене больше заработаю!

Воины? Нет, не то.

— Беса мне Переплёт привёз, чин чинарём — отключён от Эгрегора, запаян в пластик.

Одиночные ловцы информации? Нет, если они не идиоты — упаковали себя с головы до ног «льдом» и защитными механизмами вроде этих курильниц. Как они только догадались, что ладан сбивает алгоритмы нейроличностей?.. Впрочем, у встреченного мной у руин боевика и вовсе был набор чудесных графем, защищавших его от местных грубых инструментов лучше мифриловых доспехов. Даже я не рискнул пощупать его нейроны. Опасно-с. О чём это я? Ах, да. В общем, умный курьер не подпустит к себе опасность. А если идиоты — их разум будет быстро поглощён.

— Дорrrrrrrрогу, — фырчит белёсое создание.

Местные гомункулы, внебрачные дети Роя Батти и Рейчел? Нет, они для такого туповаты. Вот только если... культ? Я останавливаюсь прямо посреди лубочного, деревянного тротуара, и меня едва не сбивает с ног носильщик на тачке, которому место на строительстве пирамид.

— Смотри куда едешь!

— Сам смотри! — орёт рабочий и укатывается. Нет, этот точно носителем не будет.

Никакого уважения!

На верхних уровнях я чихал от всепроникающего запаха свечей и ароматических палочек. Сейчас я бы съел фунт свечей, лишь бы не чувствовать аромат помоек. Никаких автоматических урн, разлагающих мусор на месте. Никаких комбинатов бытовых приборов, создающих из отходов новый быт. Просто стальные кубы, заполненные мусором. С моего последнего времени прошло не так много времени — так какого чёрта же тут так всё неряшливо?

Мне не нравится этот мир. Нет, нет, ад не лучше. Но кому будет интересно засыпать в развитом обществе, а просыпаться в неофеодализме? Любителям палпа и сиськастых принцесс? Вряд ли им понравятся местные размалёванные шляхи. Властителям дум? Пятнадцать минут назад передо мной протащили какого-то типичного кодера за «освоение сиречь приручение бесов проклятых». Кому-то неправильно подсоединил монитор или переустановил операционку дочери не того церковника?

Мрак.

И этот мрак создал я своими руками? Виновен ли уронивший спичку в мародёрах на пожарище? Не знаю. Мне незнаком этот город, но временами взгляд выхватывает дом, похожий на варшавский, и меня начинает трясти от осознания, сколько таких домов в одну чёрную ночь выпускали газ, топили детей в гигиенических капсулах и потрошили хозяев на кухне. И это не фигура речи. От каждого лица, несущего знакомые черты, от каждого дома-развалюхи и монструозных аркологий для меня несёт смертью.

После очередной дамочки, напоминавшей мне давно забытую... подругу? Дочь? Курва мать, чёртов ад просто высосал мне всю память! Так вот, я забыл имя той, сгинувшей при

крушении мира, лицо, фигуру, имя, где и когда её встретид. Но не забыл глаза. И этот взгляд лёгкого испуга, которым неизвестная косилась на меня, курвиного сына, пробуждает во мне сразу сонм неприятных воспоминаний. Женский вой. Сухой хруст, аромат железа, скрип сервоприводов. Где это было? Когда? Слюна заполняет мне рот, взгляд плывёт и я остаиваюсь. Плюнув на брезгливость, опираюсь на потёртую шпукатурку.

Видение не уходит, сменяется сразу вереницей других — торжеством, испугом, холодной злостью. Отголоски прошлого настигают меня и продолжают насиловать мою нейру. В этом времени ещё есть что-то, чем заглушают галлюцинации? Обскура? Красный глаз? Кармотрин? Серебрянка? Покажите мне, где смешивают это дерьмо и проведите за ручку — и проведу там остаток дня, пока меня не выгонят и ноги не приведут к очередному всплеску насилия. Я плюю, богохульствую и ругаюсь до тех пор, пока меня не начинают дёргать за плечо.

— Эй! Ты как, живой?

— Живой, чтоб меня матка боска... хртъфу! — я, наконец, беру задницу в руки и поднимаю заплаканные глаза. — Живой. Плохие сны.

Стражники. Четверо. С глупым холодным оружием, железными нагрудниками, узорами и примитивнейшими нейрами.

— Плохие, говоришь? — говорит тот, что поближе ко мне. Неверчиво.

— Ага. Оттарабанил своё на вредном производстве, пары припоя до сих пор в голову дают.

— Мужик, пошли-ка в участок. Там просветим твою нейру и посмотрим, юродивый ты иль одержимый, — басит бородач, этак поигрывая своим лунообразным лезвием на палке.

Глупое, примитивное оружие не менее простецкого человека. Его импланты мог бы взломать даже четырёхглазый школьник! И всё же я вижу своим *тайным* оком — оружие подключено к сети, а нанесённые на клинок сублими (ну или «невмы», если в терминах местных аборигенов) могли здорово расстроить мои криптопротоколы. Плюс ещё трое сообщников рядом. Что ж, придётся лезть в карман.

— Любезнейшие, позвольте для начала показать кое-что. Потом решите, одержимый ли я или ю... родимы... тьфу! Ну, в общем этот, второй, — отмахиваюсь я. Стража напрягается — и это понятно даже мне, столь плохо разбиравшемуся в поведении мясных мешков.

— Медленно, — прищуривается главный, и я понимаю — это не характеристика, а очень даже приказ.

— Прошу, — поднимаю я свиток, словно это был усеянный алмазами кубок. Пигмеи любят побрякушки, и никогда не угадаешь — что в этот раз им особенно понравится. В прошлый раз я отделался показом амулета с золотой птицей, теперь проведём опыт с грамотой. Ага, глаза на лоб плывут.

— Прошу прощения, милостливый господарь, — лебезит бородач, но мне уже всё равно. Пора двигаться дальше, к неведомым мне далям.

Любопытно, что ж написано на этом куске кожи? Я ещё при получении просканировал его, но не нашёл ни RFID-меток, ни чипов связи с глобальной сетью (точнее — её ошметками). Просто письмена, примитивненькие водяные знаки и восковые (ВОСКОВЫЕ это продукт переработки пчёл, кстати) печати.

Лавка с необычным названием «Эгрегор» привлекает меня знакомым электронным гулом. Может, тут будет погружение в сеть?

— Добрый день, милсдарь. Чего желаете?

Хоть что-то не поменялось в этом мире.

— Подключения на любой из уровней виртуальной реальности.

— Ого, какие слова! Я такие только в Крайнем Улье слышал, в учебниках, — чешет неопрятную щетину парень.

— Я слишком долго паял старые серверные стойки, — криво усмехаюсь я, но вижу лишь лёгкое непонимание. Ему знаком термин, но он не верит, что я занимался такой грязной работой? — В общем как — подключите?

— Да выбирайте любой из свободных терминалов. Мы не кровопийцы, солидов не требуем. Один час — четыре кератия.

Почти наугад выбираю серебряные монеты. Отказываюсь от сдачи (видимо, не понял номинал) и прошу лишь, чтоб меня никто не беспокоил. К счастью, в этом мире деньги всё так же преодолевают многие барьеры. Правда, гарнитура куда более массивная и уже далеко не беспроводная, больше похожая на тот намордник, что нацепили моему старому телу перед... перед заточением. Ну-с, что у нас тут?

«ПУРГАТОРИЯ»

Бескрайние просторы. Красные полигоны первичной среды... ну ладно. Раз уж нас приглашают что-то создать — давайте попробуем! Несколько базовых модулей — и забавный фарфоровый кот машет рукой и орёт миру «Привет!». Проходящие мимо аватары смотрят на это, как на чудо. Допустим, просто не узнают текстуру. Оставляю их наедине с кошачьим и двигаюсь дальше, попутно сооружая себе привычную одежду и «Стакан Сансары» в левую руку. Сомневаюсь, что ещё живы бармены, умеющие его смешивать.

К моему удивлению, за пятнадцать минут я вижу лишь отдельные островки виртуального мира, многие из которых набиты до отказа лодырями, отказывающимися создать что-то своё. Может быть, меня выкинуло на окраинную точку входа? Запускаю сканирование и вижу несколько портов на окраине локального сегмента, через которые идёт связь с иными городами. Что ж. Средство быстрого передвижения, несколько минут расслабленного полёта. Одиравшие программы, то бегающие от пользователей, то преследующие их, даже не обращали внимания на моё летающее кресло.

Но чем дальше я ухожу от сияющих золотом точек входа — тем меньше вижу цивилизации и больше бед. Системные ошибки, ломающих человеческий код. Баги, создающие галлюцинации. Какие-то странные сигналы, вызывающие дрожь даже у меня. Тени, поглощающие тускло-алые потоки информации, световые столбы и алый туман бессмысленного кода, который преследует меня полчаса лишь из-за того, что мой сканер его потревожил. *Этого* мы не создавали. Да, фанатики, подавлявшие моих братьев, собирались разделить Сеть. Но это... Кресло привозит меня к окраине сегмента. К золотым вратам в медной стене. За ними окопались более умные? Прислоняю руку, пытаюсь не сломать защитные мнемосхемы (весьма высокого, надо сказать порядка), а лишь посмотреть, что за ними прячется. И чувствую вновь хищный стук цепей, леденящий холод и вопли умирающих.

Ад. За этими воротами настоящий инфоад.

Я отшатываюсь и вбитым некогда в процессоры плоти движением сдергиваю гарнитуру. Не обращая внимание на местного гика, кое-как обтираю рукавом лоб и выбегаю навстречу тёплому солнцу. Теперь я понимаю свои ощущения от мира, почему он вызывает отторжение и брезгливость. Местная Сеть и местная тусклая реальность — лишь руины на костях старого мира. Пожалуй, был излишне оптимистичен, желая вдоволь покурлесить на местных цифровых просторах.

— Нужно притащить Аду на поводке к этому проклятому ксендзу и попроситься обратно в банку, — бормочу я себе под нос, не обращая внимания на косящихся прохожих. — Надеюсь, ещё через пару тысяч лет этот мир выкарабкается или окончательно содохнет.

На меня снова обращают внимание, ну и чёрт с ними. Пусть косятся, свинки. Где эти чёртовы бары? Уже проходя мимо проулка, замечаю вдалеке какую-то весёлую розовую вывеску. Плевать, что за ней кроется. Наверняка что-то, сглаживающее перепады работы моей натуральной нейры. Я успеваю сделать с десятков шагов, как что-то острое колет мне спину. Отмахиваюсь, но руку останавливают.

— Не смей шевелиться, лошок.

— Кто, простите?

Лопухнулся. Быстрое сканирование: трое пигмеев, один постарше, два помладше. Три глазных импланта в двух — разрешение отвратительное, но зато могу осмотреться. Все напичканы примитивным, но действенным железом. Будь у меня больше времени — изучил бы получше, но вот кое-что знакомо по встрече со стражами. Витое углеродное волокно вокруг некоторых конечностей. Усиленные мышцы разжаты только благодаря мощи примитивных нейронных программ, заточённых в памяти. Да, выбрал я местечко для встречи с такими... ни одного окна и главная улица не просматривается. Что ж, придётся разбираться быстро.

— Лох. Деньги давай. Зря ты ими светил перед Эгрегором. Не будь заведение под одним из Домов — выпотрошили бы ещё там.

— Хорошо, хорошо, позвольте только...

— Завали хайло! Руки подними! Сами найдём добро! И молчать!

Опускаю глаза. Мнемокод доступа даже не ломает — выключает их защитные знаки. Плашки памяти начинают ныть от напряжения, но жест взглядом вызывает привычную мне текстовую панель. Несколько росчерков — и нехитрый сюрприз отправляется на нападающих

```
СТАТ инт __вкл
```

```
ядерная_паника_вкл(тьма) {
```

```
паника(«Упс!»);
```

```
назад 0;
```

```
повт
```

Глухой хруст прерывает разглагольствование грабителя. Сжавшиеся искусственные мышцы просто ломают ему спину. И пока второй нападающий корёжится от боли в глазных имплантах, я подхожу к третьему. Совсем молоденькому мальчику. Он бы казался невинным, если бы не ржавый нож, выпавший из улучшенной руки, ныне отказавшейся ему повиноваться. Я подбираю клинок и парой движений (где успел им научиться? когда?) режу глотку бьющемуся в конвульсиях грабителя.

Его добыча была грошовой. Какие-то медяки и побрякушки. А я уж было рассчитывал на плашки оперативки... почему-то я не отхожу от тела, истекающего кровью, словно дырявый пакет молоком.словно это уже было раз... или несколько? Мой рот наполняется слюной, и я наконец слышу:

— Не убивайте, дядько... дядько нейроколдун! Служить готов, бесов переносить готов, от Порайска отказаться...

Он изливает мне душу, как на последнем причастии, а я получаю бесценную

информацию о том, кто и как (по слухам) приторговывает примитивными нейронными программами и пытается договориться с осколком лучшего творения моих братьев. Иногда мне кажется, что подросток пытается нащупать сигнальный модуль — и клинок вдавливается в шею чуть сильнее, пока предупреждающее сообщение заливает ему экраны сетчатки. Наконец, его словесный понос заканчивается, и чувствую — тело дрожит. Не то моё, не то его. Что ж, примем за данность второе. А раз подвернулся повод — пора изучить местную биологию получше.

— Не волнуйся. Твою нейру я не трону.

Я не вру, как бы он не пытался хрипеть чуть позже. Мои руки, ломающие трахею — не повреждают память. Мой нож, препарирующий мясо этого убогого создания — не трогает те остатки высокой интеллектуальной культуры, что были созданы местными аборигенами и вшиты ему в тело.

И в конце концов — я даже не трогаю его кибернетическую руку.

Больше книг на сайте - Knigoed.net